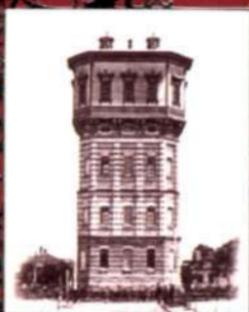

Владимир Шарманов

Матрена Соловьева

БЕССАРАБСКИЕ ИСТОРИИ

Александр I (1801-1825)

Александр II (1855-1881)

Николай II (1894-1918)

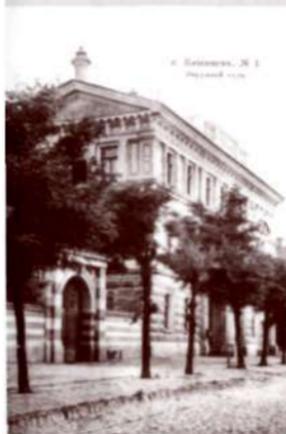
Императоры России

Открытие памятника Александру I, 1914г.

Арка на ул. Бендерской

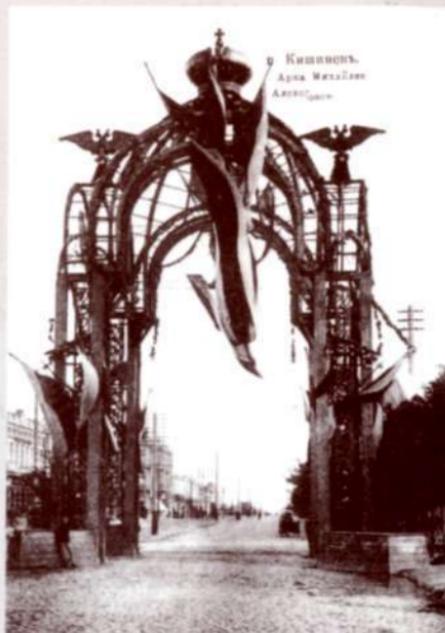
«Серафимовский дом»

Серафимовский дом, 1914г.

Училище Скородинского (угол Пушкина и Подольской)

КШЕНСКОЕ. Деревянный храм.

Фонтанный переулок.

Памятник Александру II, 1886г.

Пансион-приют кн. Вяземской

Кафе Манькова

Хишикевъ.

Благородное Собрание.

So scind dau atò Iansat le matineu de s'part, Ia
 sau repetat a- nu s'au intalnat inainta de plecare.....
 Papeterie A. Wulkenberg, Bucharest. *finis mercial*
 de unde se pot achiziționa - s'eliberat Valeriu

Владимир ТАРНАКИН
Татьяна СОЛОВЬЕВА

БЕССАРАБСКИЕ ИСТОРИИ
Историко-краеведческие журналистские
расследования

**Книга является культурологическим проектом
информационно-аналитического еженедельника
«Кишиневский обозреватель» и издана
при финансовой поддержке Посольства
Российской Федерации в Республике Молдова**

Книга является результатом поиска двух авторов, которых объединил азартный интерес к прошлому нашего края. Благодаря их усилиям из песков забвения извлечены имена людей – проводников, представителей разных национальностей, которые своим подвижничеством в разных областях жизни, превращали Бессарабию в цветущий сад. В книге использован богатый материал из архивных фондов и бессарабской прессы. Особого внимания заслуживают снимки зданий и людей, многие из которых публикуются впервые. «Бессарабские истории» – не академический труд, его формат – литературное краеведение. Цель книги – вызвать интерес к прошлому своего края, испытать гордость за своих предков, не деля наше прошлое по национальному признаку.

Фото из личного архива *Владимира Тарнакина*

Компьютерная обработка иллюстраций *Дмитрия Лысака*

ISBN 978-9975-51-261-9

© Владимир Тарнакин, Татьяна Соловьева, 2011

© Обложка: Григорий Босенко, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес к истории родного края, к жизни предков – первый признак культуры и духовности личности. Человек, лишенный исторической памяти и исторической совести является собой удручающий пример «выпадения из времени» и феномен «духовного безвременья».

Дурная, идеологическая привычка делить исторических предшественников на «своих» и «чужих», навешивая им оскорбительные ярлыки (типа: «пришлые», «понаехавшие», «окупанты» и т. п.), увлекает человека, особенно молодого, в бездну раздора и человеконенавистничества. А там, где об исторической памяти и совести говорить не приходится, ущербная духовность неизбежно способствует общей деградации – как политической, так социальной и экономической культур.

С давних времен пытливые умы к истории своего края обращались как источнику образцов высокой добродетели и низкого порока, как к кладезю мудрости и человечности.

Понятие «история» многозначно и многопланово. История – это нарратив, рассказ о значительных деяниях предшественников, сопровождаемый явными или скрытыми оценками, как деяний, так и самих деятелей. И это роднит историю с мифом, который всегда пристрастен и отмечен особой, наперед заданной направленностью. Попросите своих знакомых рассказать о только что произошедшем событии. Вы поразитесь невероятным разнообразием нарисованных картин, несхожестью интерпретаций того, что случилось на глазах ваших знакомых. Что же говорить о делах давно минувших дней? Неудивительно, что порой мнения самых титулованных представителей исторической науки по поводу одних и тех же событий и их участников разительно не совпадают друг с другом.

Один из крупнейших археологов двадцатого века Лео Клейн не раз подчеркивал исследовательский характер деятельности историка, уподобляя его дознанию – следствию по делу. Увы, о беспристрастности иных «расследователей» говорить не приходится. Когда же такие «титулованные» историки (чаще всего те, кто в советское время защитили диссертации с явно сервильным и идеологическим «уклоном», а ныне пишущие исторические «труды» прямо противоположной направленности) попрекают публицистов и журналистов «дилетантизмом», «научной безграмотностью», есть все основания спросить: «А судьи кто?» Когда такие «учёные-перевёртыши» разбрасываются такими ярлыками, то, следуя примеру К. Станиславского, краеведы, ведущие свои частные исторические расследования, вправе заявить: «Не верю!» И продолжать свой благородный труд по выяснению исторической истины.

Журналистские расследования, в силу своей специфики, гораздо в большей степени опираются на здравый смысл и интуицию, которую Б. Спиноза считал проявлением высшей формы интеллекта, нежели на формальные методологии и доктрины конъюнктурной историографии. И когда люди, зарабатывающие каждодневно на хлеб насущный событиями дня, вдруг зажигаются благородной искрой самого человеческого чувства – желания докопаться через завалы забвения и разрушительного действия времени до каких-то личностей и их деяний, эти стремления достойны почтения. Особенно, если речь идёт о замечательных, но мало известных ныне людях, чьи благородные дела и поступки обеспечили прогресс нашему отечеству и определили его дальнейшую историческую судьбу.

Можно излагать материал научнообразно, можно – публицистично или в репортажной манере. Писать можно повсякому. Главное – чтобы написанное затронуло сердце и душу читателя, чтобы его информированность и духовность черпали свои силы из самого глубокого источника нашего

существования – Книги Времени. Чтобы он не чувствовал себя выпавшим из непрерывного исторического процесса обустройства нашей общей родины по причине неразумного забвения замечательных деяний своих «малых» и великих предков. Ничто так не объединяет и облагораживает людей, как общая память и историческая совесть.

Если внимательно вчитываться в материалы замечательного журналистского расследования Татьяны Соловьевой и Владимира Тарнакина «Бессарабские истории», то первое, что вызывает неподдельное изумление, так это то, какие они «странные» – эти самые «чужаки». Что – неутомимый устроитель Кишинева, немец-градоначальник Карл Шмидт, что – архитектор с итальянскими корнями Александр Бернардацци или краевед-историк нашего края уроженец Малороссии Георгий Безвиконный или редкий деятель бессарабского здравоохранения, орденосец двух государств – России (ордена Св. Станислава, Св. Анны, Св. Владимира) и Румынии («Сороана Română», «Meritul Sanitar») еврей Моисей Слуцкий. А форменный прусак блистательный фельдмаршал Петр Витгенштейн, которому мы обязаны прекрасным санаторием на берегу Днестра и районированием замечательных сортов винограда – Рислинг, Шасла, Мускат, Траминер и другие? А редкий педагог, ученый, организатор народного образования в Бессарабии пан Кирилл Яновский? И многие другие благородные творцы истории и устроители края. Честь им и хвала, истинным радателям и подвижникам нашей общей отчизны – Молдовы!

Нигде на страницах этого замечательного журналистского расследования я не заметил и следа попыток выпячивать или принизить героев своих очерков по этническому, расовому либо по религиозному признаку. Зато всех их объединяет чувство, о котором авторы этой по-человечески пристрастной и очень трогательной книги говорят прямо и между строк – гуманизм, преданность высоким идеалам, служение родине. И эти слова при прочтении «Бессараб-

ских историй» начинают обретать своё истинное и исконное общечеловеческое звучание. Именно в этом возврате к смыслам нашего существования и заключается ценность этой умной и доброй книги, столь востребованной нашей общей памятью и исторической совестью.

«Бессарабские истории» – без преувеличения можно назвать своеобразной энциклопедией бессарабской жизни. В ней огромное количество нового исторического материала, терпеливо добытого исследователями из архивных недр. Благодаря трепетному отношению авторов к прошлому своего края мы увидим много изображений старого Кишинева и портретов его лучших представителей, и испытаем гордость за свою историю и людей, ее творивших.

Виктор БОРШЕВИЧ,
профессор, доктор хабилитат технических наук,
Заслуженный деятель науки и образования,
посол РМ в КНР (2002-2006 гг.)

ХРАНИТЕЛИ ВЕРЫ

ЗАСТУПНИЦА И УТЕШИТЕЛЬНИЦА

Из тридцати действующих святых обителей Молдовы Гербовецкий мужской монастырь Успения Пресвятой Богородицы относится к числу старейших. По одним источникам, его основал в 1730 году

Гербовецкий мужской монастырь

молдавский боярин, армаш Константин Карпуз. По другим сведениям, обитель примерно в это время основали монахи Бершадского монастыря из Подолии, бежавшие от гонений униатской греко-католической церкви. Якобы беглецы привезли с собой в непроходимые Оргеевские леса церковь и иконостас. А название «Горбовец» произошло от физического недостатка иеромонаха Иоанникия Горбатого, первого настоятеля монастыря. Со временем оно изменилось и стало звучать как «Гербовец». Монастырь не раз обдирали как липку. Сохранился рассказ о подвиге просвирника иеродиакона Иосафе. Увидев, как пятеро турок грабят храм, он не убежал с остальной братией в лес. Когда варвары стали покидать разграбленный и подожженный храм, смельчак одной дубиной расправился с мародерами, после чего бросил их тела в огонь.

К 1812 году монастырское подворье состояло из двух деревянных храмов. «Холодный» носил имя Успения Божьей Матери, а «теплый» – Иоанна Сучавского. В 1816

году обоих заменил каменный храм во имя Успения Божьей Матери. Возник он благодаря стараниям Гербовецкого архимандрита Серафима и на личные средства бывшего кишиневского полицмейстера Степана Лупова и его супруги Елены (урожденной Браяско). Впоследствии муж и жена приняли схиму. Степан под именем Серапиона окончил свой земной путь в одном из монастырей на Афоне. Елена получила имя Ельпидии, став инокиней Таборского скита. В монастыре хранилось семь грамот разных господарей молдавских, которые давали обители право на владение землей. Самая старая грамота, 1671 года, принадлежала воеводе Иоану Дуке. При монастыре работала церковно-приходская школа для сирот и гостиница для богомольцев.

С 1860 года здесь жил на покое и был погребен архиепископ Могилевский и Галицкий Анатолий, известный духовный писатель, написавший книгу «Вера, надежда и любовь в беседах и размышлениях» и другие богословские произведения. С 1857 года настоятелем монастыря был архимандрит Иероним Гепнер. Хорошим состоянием зданий монастырь был обязан настоятелю архимандриту Иоанникию, умершему в 1851 году. За четверть века своей опеки он построил каменные здания, развел большой фруктовый сад. Кстати, обитель владела 4 фруктовыми садами и 3 виноградниками. Один из виноградников с садом находился в соседнем селе Инешты. За пользование землей монастырь ежегодно платил селу десятину с площади виноградника. На 60 десятинах монастырь выращивал пшеницу, которая шла на собственные нужды. Хлебом кормилось более 30 человек монастырской братии и служителей. Кроме этого, в обители существовало правило – всех приходящих на поклонение Гербовецкой иконе Божьей Матери кормить бесплатно.

Большой вклад в развитие монастыря внес архиман-

дрит Серафим, пожертвовавший обители собственный капитал – 70 тысяч левов. На эти деньги владыка купил земли, которыми монастырь владел многие годы. Митрополит Серафим (в миру Александр Иванович Лукьянов) был экзархом Русской Церкви в различных юрисдикциях. В сталинское время с 1946 по 1949 годы являлся экзархом Патриарха Московского и всея Руси в Западной Европе. В 1954 году он вернулся в СССР, через два года перебрался в Гербовецкий монастырь, где в 1959 году и окончил свои земные труды.

Монастырь этот известен еще тем, что здесь хранится святыня нашего края – Гербовецкая икона Божьей Матери. Реликвия написана на холсте, который наклеен на липовую доску, размером несколько больше, чем сама икона. На ризе, по правую руку Богородицы, вырезана дата «1816 года марта 31-го». Мало кто знает историю иконы. Это произошло после 1790 года при настоятеле игумене Пахомии, который дружил с полковником из московских дворян Николаем Алексеевичем Албадуевым. Тогда, во время Русско-турецкой войны, за год до Ясского мира, в Бессарабии стояли войска русской армии. Полковник приехал на рождественский пост в Гербовецкую обитель. Отговевшись, он купил у настоятеля необъезженную лошадь. Она скинула седока об стену настоятельского дома, убив на месте. Монахи предали тело погибшего земле в старой церкви у иконы Николая Чудотворца. То ли мать, то ли жена Николая Алексеевича принесли в монастырь семейную святыню, которая передавалась из поколения в поколение.

Во время пожаров и разорения турками святую икону находили в пепле неповрежденной и обращенной лицом к земле. Справедливость этого предания подтверждают старые описания иконы. Краска на одежде Божьей Матери и Младенца, которого Богоматерь держит на левой

Гербовецкая икона
Божьей Матери

руке, от огня почернела и вскипела. Тогда как лица, руки Матери Божьей и младенца Иисуса, совершенно чисты. Вскоре стали говорить о случаях чудесных исцелений больных у иконы. Покровительству иконы Божьей Матери народная молва приписывала спасение обитателей монастыря во время эпидемий холеры и моровой язвы.

Чудеса подвигли местного архиепископа Антония добиться в 1859 году признания иконы чудотворной и разрешения святейшего Синода на ежегодное перенесение иконы на зимнее время из монастыря в Кишинев. После этого Гербовецкую икону Божьей Матери стали ко дню Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) приносить крестным ходом в церковь архиерейского дома, где она хранилась до 17 апреля, дня рождения российского императора Александра Николаевича. Горожане считали, что икона содействует процветанию обители и места, где она находится.

Кто знает, может, каждое 14 октября, когда Кишинев празднует день города, Пресвятая Богородица в высоких далях, как и сотни лет назад, молит Господа о нашем спасении.

О ЦЕРКВИ, КОТОРОЙ НЕТ

История храма, от которого не осталось даже камня, — это не только часть летописи церкви, это еще и история города и его жителей. Потому в эти дни мы вспоминаем первую в нашем городе Свято-Ильинскую церковь, которая некогда стояла на нынешней улице Бэнулеску-Бодони, 26. И если быть совсем точными, то на месте нынешнего здания Генпрокуратуры РМ.

Свято-Ильинская церковь

Она появилась в суровое для нашего края время. Когда земли, лежащие в Дунайской низменности, разорались турецкими янычарами. Местные жители находили утешение в строительстве храмов и монастырей, где они могли бы воссылать Всевышнему молитвы о спасении своих семей и имущества. В 1803 году кишиневцы обратились к епископу Мелентию Гушскому с просьбой – разрешить постройку церкви во имя пророка Ильи, которого верующие издавна почитают как покровителя урожая и достатка. Духовное начальство дало разрешение и выделило место для нового храма. Оно находилось у так называемого столба Ноура, своеобразной стелы, которую в незапамятные времена поставил некий Стефан Ноур в память о своих родителях и других жителях поселения, угнанных в 1781 году татарами в плен.

Храм строился три года. И некоторые горожане принимали в этом особенно горячее участие, не жалея собственных средств. В их число входили священник Василий Бобейко, купцы Симеон и Константин Бланарь, Лупул и

Спиридон Ганчул, Иван Арсений. Как на любой стройке, возникали сбои из-за нерадивых поставщиков материалов. Однажды были остановлены работы из-за жителей сел Гояны, Грушево и слободы Рышкановки, которые получили деньги за камень, но вовремя его не подвезли. Пришлось организаторам строительства храма пожаловаться на необязательных подрядчиков тогдашнему воеводе Молдавии – Александру Морузи. Обращение возымело действие, и дальнейшие работы завершили без проволочек. В 1806 году Свято-Ильинскую церковь освятили.

Во время возведения святой обители Афанасий и Константин Бланарь, Спиридон Ганчул проявили себя людьми ответственными и честными, радеющими о благе других. Не удивительно, что в 1811 году кишиневских купцов преосвященный Мелентий назначил опекунами нового храма. Он поручил им беречь церковное имущество, рачительно относиться к доходам и приношениям, жертвующим прихожанами. Выбор епископа оказался более чем удачным. Один из братьев Бланарь находился на посту старосты Ильинской церкви до самой своей смерти в 1824 году.

«Душой» Ильинской церкви многие годы являлся первый ее настоятель – священник Василий Бобейко. Он служил с такой честностью, что не имел средств на приобретение собственного жилья. Прихожане по собственной инициативе обратились к опекунам храма с просьбой – помочь батюшке разрешить «жилищный вопрос». Лишь тогда настоятелю на церковном дворе выделили площадку для постройки своего дома. Разрешили купцы с твердым условием: ни батюшка, ни его наследники не смогут отчуждать дом от церковного имущества. Строгое требование не изменило отношения отца Василия к своим обязанностям. Все годы служения в Ильинской церкви, не батюшка кормился от пожертвований прихо-

жан, а сам отдавал скромные сбережения в пользу церкви. В журнале консистории от 17 июня 1817 год стояла отметка: «Свято-Ильинская церковь должна семейству священника Василия Бобейко 1 261 лев...» Уникальный документ!

После этого бесребреника настоятелями церкви в разное время служили – Иоанн Балтага, Илларион Фиалковский, а также протоирей Елисей Перетяткевич, Феодор Паховский, Феодор Балтага, ставший впоследствии кафедральным протоиереем.

Приход Ильинской церкви был большой, но бедный. Доходы, которые церковь получала от изготовления свечей и исполнения треб, не покрывали всех ее расходов. Истинным сокровищем святой обители оставались ее служители. Сохранились сведения о протоиерее Петре Ивановиче Перожинском, малороссе, который из светского звания перешел в духовное. В 1845 году Петр окончил Кишиневскую духовную семинарию. Служил учителем в духовном училище, библиотекарем в семинарии, священником во многих храмах Кишинева. В разгар эпидемии холеры в 1866 году входил в кишиневский комитет, не раз избирался депутатом в бессарабский гражданский суд по делам монастырских и церковных имений. За безупречную службу в 1869 году удостоился ордена Святой Анны 3-й степени и ордена Святого Владимира 4-й степени.

Портрет настоятеля Ильинской церкви протоиерея Федора Балтаги сохранил Борис Слуцкий, главврач городской еврейской больницы. Гимназистом автор мемуаров дружил с Константином, сыном православного священника, жившего на территории этой церкви.

«В скромном домике, – писал Слуцкий, – который он занимал, особенно в еще более убогом флигельке, постоянно происходили собрания молодежи обоего пола, сначала гимназистов, а потом студентов, и что удивительнее

всего, постоянными участниками этих собраний были евреи». Старик Балтага брал запрещенные книжки, которые обсуждали студенты, просматривал их, клал обратно на стол, замечая лишь: «Э, чем занимаются!» Батюшка был удивительным бессребреником. В качестве настоятеля церкви и учителя Закона Божия сначала в гимназии, а потом в семинарии он успел сколотить маленький капиталец, который отдал своему родственнику В., а тот и не думал возвращать долг. Под нажимом детей старик, вооружившись храбростью, отправился к должнику и скоро вернулся ни с чем. Один из членов семьи В. на просьбу вернуть долг, священнику ответил: «Батюшка, просим вас оставить нас». На этом Федор Балтага прекратил свои попытки вернуть деньги. Кстати, Маша, дочь священника, окончив в 1871 году гимназию, решила поехать в Цюрих изучать медицину. Во всей России тогда не было ни одного высшего женского учебного заведения. А в Кишиневе не было примера, чтобы девушка рискнула на такой поступок. Под давлением о. Федора отец уступил. Маша поехала в Цюрих, а когда открылись Высшие женские врачебные курсы в Петербурге, перевелась туда. Окончила курс и стала первой женщиной-врачом в Кишиневе...

Не менее примечательной личностью являлся и протойерей Георгий Васильевич Дынга, который прослужил в Ильинской церкви четверть века. Дом священника стоит до сих пор, старое здание на улице Бэнулеску-Бодони, 53, занимает Адвокатское бюро коллегии адвокатов Республики Молдова.

А в ограде Ильинской церкви 8 декабря 1927 году похоронили Павла Горю. Известный национальный деятель скоропостижно скончался от сердечного приступа во время заседания комиссии исторических памятников, которую он возглавлял. Ильинскую церковь снесли в 60-х годах прошлого века.

ЗАБЫТЫЙ ВИКАРИЙ

Минувшей осенью Кафедральный собор Рождества Христова, главный храм Кишинева и Молдовы, отпраздновал 170-летие. Инициировал сооружение собора митрополит Бессарабии Гавриил Бэнулеску-Бодони. Проект здания, по заказу Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, графа Михаила Воронцова, разработал известный тогда зодчий, профессор Санкт-Петербургской Императорской академии художеств Авраам

Епископ Аккерманский
Аркадий, викарий
Кишиневской епархии

Мельников. Перипетии чудесного по красоте архитектурного памятника XIX века хорошо известны любителям бессарабской старины, да и не им одним. А вот о погребенных, в знак особых заслуг, в соборе архиастырях не знают даже прихожане святого храма. Кто же эти избранники, и почему они удостоились такой чести?

Преосвященный Димитрий, архиепископ Кишиневский и Хотинский (в миру Даниил Сулима) родился в 1772 году в семье духовного звания, жившей в Харьковской губернии. Он много заботился о благоустройстве монастырей и об улучшении положения приходских священников нашего края, помогал беднейшим его представителям, содействовал распространению ланкастерских (народных) школ. Именно преосвященному Димитрию принадлежит заслуга возведения Кафедрального собора. Архиепископ придирчиво наблюдал за деятельностью строительного комитета. Вносил замечания, которые говорили о недюжинных познаниях духовного лица в

строительном деле. Владыка настоял, чтобы пол собора выстлали не кирпичом, а плитами из сорокского камня. Считал, что кирпич мягок – от хождения станет вытираться, и пыль, оседая на иконах, их испортит...

4 августа 1844 года архиепископа не стало. Похоронили владыку Димитрия в правом приделе Кафедрального собора. Григорий, митрополит Иринопольский на свои средства установил мраморную плиту, которую окружала позолоченная решетка. Рядом, с восточной стороны, стоял киот с образом Спасителя, под ним – евангелие и архиерейская митра. Владыка Григорий никогда не забывал, как во время Русско-турецкой войны он в 1828 году бежал в Бессарабию. Архиепископ Димитрий первым поддержал представителя греческого и румынского духовенства.

Через два года, 3 января 1846 года, в Кафедральном соборе подле преосвященного Димитрия похоронили и самого Григория, митрополита Иринопольского. 13 марта 1871 года Антоний, архиепископ Кишиневский и Хотинский (в миру Алексей Шокотов): – стал третьим, кто удостоился великой чести погребения в святом храме. В тот мартовский день погода будто сошла с ума. На город обрушился мокрый снег с дождем, площадка перед собором и дорожки превратились в сплошной каток. И священнослужители не рискнули гроб с покойным обносить вокруг собора. Архиепископа похоронили у южной стены, перед алтарем, у иконы Св. Александра Невского.

О преосвященном Аркадии, бывшем епископе Аккерманском, сохранилось немало сведений в «Кишиневских Епархиальных Ведомостях». Преосвященный Аркадий возглавлял Бессарабское историко-археологическое общество. Не только словом Божьим, но и материальными средствами он поддерживал Александро-Невское братство, которое опекало 150 больных и немощных.

А. И. Мельников, автор проекта
Кафедрального Собора

Алтарь
Кафедрального Собора

Кафедральный Собор

Дом Пронина

Крестовая церковь при Митрополии

Митрополия

Синадиновская улица. Гербовецкая община

Гербовецкая община (Синадиновская улица)

В селе Припичены – Курки построил каменную церковь и дом. Более 20 лет управлял Курковским монастырем и много содействовал процветанию этой обители – открыл школу для сирот духовного звания, расширил число келий для монахов. Издание не пожалело места для описания последних дней жизни 82-летнего епископа, который отошел в мир иной 11 сентября 1908 года. За год до кончины у старца обнаружился рак пищевода. Узнав, что дни сочтены, владыка занялся наведением порядка в своих делах – диктовал распоряжения, письма, составлял архив. Все жители Кишинева знали о скором расставании с архипастырем, достойно потрудившемся на духовной ниве. Редактор одного местного издания опубликовал в своей газете впечатления о последней встрече с преосвященным Аркадием: «Полвека он молился... И сохранил чистую и святую веру в Бога... Этот особенный мир, его мир, эта особенная жизнь, его жизнь, будили во мне, как и в каждом человеке, обреченном каждый день окунаться в самую глубь суеты житейской со всей ее пошлостью и грязью, какое-то необыкновенное чувство... которое подсказывало, что именно в его жизни – правда жизни, что в ней – великий смысл и великая истина христианской веры, христианской философии...» С разрешения Святейшего Синода, городских властей и по ходатайству православного населения Кишинева тело архипастыря положили в Свято-Николаевском приделе – дополнительном алтаре с престолом, возле северных дверей Кафедрального собора.

Нынче главный храм столицы, перенесший множество преобразований, абсолютно не соответствует первоначальной планировке. Обновилась церковная утварь, другие фрески и иконы украшают храм. Изменили названия и приделы храма. И все же попробуем разобраться, где в нем примерно размещаются захоронения архимандритов. Главный алтарь собора носит имя Рождества

Христова. Слева от него находился Николаевский алтарь, который располагался со стороны теперешней улицы Бэнулеску-Бодони. Александровский придел – со стороны улицы Пушкина. В той части собора, что выходит на ул. Пушкина, и покоится прах преосвященного Антония. В противоположной стороне от него погребены останки архипастырей Димитрия, Григория Иринопольского и Аркадия. Одно время могильные плиты священнослужителей накрепко были привинчены к полу. Во время реставрации Кафедрального собора в 1892 году, их укрепили на внутренней части стен. По случайности, во время этих работ одной плиты не хватило, и о преосвященном Аркадии надпись сделали прямо на стене...

В ночь с 22 на 23 декабря 1962 года по распоряжению городских властей кишиневскую колокольню взорвали, а в Кафедральном соборе запретили проводить службы. Через два года в здании главного храма города открыли Выставочный зал министерства культуры МССР. Надгробные плиты, сбитые со стен, отправили на задний двор Чуфлинской церкви, где они пролежали не один год. В 2000 году служители церкви открыли за зданием обители маленькое кладбище. Среди свежих захоронений – три холмика со старыми плитами. Надгробие Аркадия, викария Кишиневского, здесь отсутствует: не было плиты – нет и могилы...

Чем же так провинился так почитаемый кишиневцами достойный человек, что потомки отказали ему в памяти? Может, уже пора восстановить справедливость и признать существование в Кафедральном соборе четвертого захоронения? А мемориальную доску можно установить не только в Кафедральном соборе, но и в Курковском монастыре, для благополучия которого он немало потруился.

КТИТОРЫ ТОРГОВАЛИ БУБЛИКАМИ

Обычно благотворители, строившие и открывавшие в Кишиневе богадельни, приюты, бесплатные столовые, ночлежки, церкви – принадлежали к зажиточному сословию. Трудно сказать, из какой семьи

Чуфлинская церковь Теодоро-Тирона

(по материальному достатку) вышли братья Феодор и Анастасий Чуфли. Но явно не из той, где их ждала учеба за границей или выгодная женитьба на местных красавицах. Похоже, кроме божественного по красоте уголка природы, где они родились, да любящих родителей, у братьев ничего не было.

Греческая область Эпир находилась под турками, и братья, рискуя каждую минуту быть схваченными, оставили отчий дом, отправившись за удачей и богатством в Турцию. Быстро убедившись в своей ошибке, они бежали в Молдавию. Но сюда стали доходить приказы Порты после поражения Гетерии: ловить и казнить беглых греков. В одну ночь братьев чуть не схватили, но они выпрыгнули в окно и скрылись в темноте. Преодолев опасный путь, Феодор и Анастасий, которым на тот момент исполнилось 27 лет и 21 год, добрались до Кишинева. Не зная языка, не имея за душой ни гроша, они терпели здесь большую нужду. Начав торговать бубликами, перешли служить в кофейни. Скопив небольшой капиталец, купили на Новом базаре место. Через несколько лет трудов и лишений построили заезжий двор. Потом занялись посессией – стали брать в аренду земли разных имений. Ра-

ботали как сумасшедшие, одевались в какое-то тряпье, в котором все принимали их за батраков, недосыпали, питались впроголодь... И копили, копили.

Купив собственное имение в селе Акуй Бендерского уезда, оба не верили своему счастью. Неужели дом, большое хозяйство, ухоженные поля принадлежат двум ребятам, которых несколько лет подряд турецкие охотники выслеживали, как животных, как дичь? Тем самым грекам, кого в Кишиневе никто не хотел брать на работу из-за незнания языка? И тут произошло ЧП. Афанасий, которому шел сороковой год, вдруг сказал: «Все, хватит! У нас достаточно денег, чтобы нормально жить и радоваться жизни: я женюсь». Феодор растерялся. «Подожди, брат, – попросил он, – подожди еще немного. Вот дотянем до 20 тысяч червонцев, разделим их поровну, и живи, как знаешь». Но, заработав эту сумму, они решили ее удвоить, потом утроить... А зимой 1854 года Феодора не стало. Ночуя со стадом зимой на открытом воздухе, 60-летний купец сильно простудился и отдал Богу душу.

Оставшись единственным наследником большого капитала, Анастасий стал хлопотать о постройке церкви, которой ктитор решил дать имя ангела своего усопшего брата, пресвятого великомученика Тирона, чей день православная церковь празднует 17 февраля.

Купец, получив в 1856 году разрешение на строительство от Новороссийского генерал-губернатора Павла Федорова и архиепископа Кишиневского и Хотинского, под опекой областного архитектора Николая Голикова приступил к возведению церкви. В 1858 году здание, которое поднимали из лучшего материала, было готово. Оно имело несколько больших и малых граненых куполов на 8-гранных барабанах. «Кишиневские епархиальные ведомости», № 4 от 1875 года восхищенно описывали, как выглядела красавица в день своего освящения: «Над при-

твором колокольня с пятью колоколами. Самый большой и звонкий весил 25 пудов. Выше колоколов находятся часы. Церковь обнесена каменной оградой с деревянной решеткой, окрашенной зеленой краской, и обсажена деревьями в два ряда. Иконостас в церкви очень красив, в особенности царские двери своей изящной резьбой останавливают на себе внимание посетителей. Церковь, как по местоположению, так и по внутреннему и наружному виду – одна из красивейших в городе».

В 1870 году, на 70-м году жизни, отошел в мир иной и Анастасий. Ктитора похоронили вместе с братом Феодором на территории Тироновской церкви. На похоронах кишиневцы впервые увидели награды ктитора. Орденом Анны 3-й степени его наградили за строительство церкви в такой части города, где жители нуждались в ней больше других. Он был удостоен Ордена Спасителя 3-й степени (награда греческого правительства) и ордена Станислава 3-й степени, как и звания потомственного почетного гражданина – за духовное завещание. По нему, кроме сумм, назначенных племянникам и племянницам, он завещал доходы от двух имений и заезжего двора направлять на нужды благотворительности. Вот только некоторые статьи этих расходов. Каждый год отсылать в Грецию в село, где братья родились, 4 тысячи рублей на содержание лечебницы и школы. Ежегодно 600 рублей переводить на счет Кишиневской городской больницы для содержания четверых больных. Материально опекать в кишиневской гимназии двоих бедных стипендиатов имени Анастасия Чуфли. Само собой в документе оговаривались денежные вливания на ежегодный ремонт Тироновской церкви...

В 1962 году, когда Кафедральный собор превратили в Выставочный зал, Чуфлинская церковь (как ее стали называть горожане), которая никогда не закрывалась,

приняла на себя функцию собора. Сюда перенесли могильные плиты священнослужителей, которых за особые заслуги перед паствой похоронили в Кафедральном соборе. Это – митрополит Григорий Иринопольский, архиепископы Димитрий и Антоний, викарий Кишиневский Аркадий. Из «своих» здесь погребены староста церкви Иосиф Звончуков и настоятель Иоанн Бутук.

Перед Чуфлинской церковью находился красивый сквер, где летом иногда выступали детские оркестры. Об этом заботился отец Георгий, тогдашний настоятель церкви. Артистов после концерта батюшка приглашал к себе на чай, а на прощание дарил им маленькие подарки.

ЦЕРКОВЬ ДВУХ БРАТЬЕВ

Кого только судьба не забрасывала в наш Кишинев, расположенный на перекрестье дорог. После восстания этеристов против турецкого владычества и ответной резни христиан по всей Турции богатые константинопольские фанариоты и землевладельцы из зарубежной

Молдавии с домочадцами бежали в Россию. Многие из них поселились в уездах Бессарабии, по берегам Прута, Дуная, и, конечно, в Кишиневе.

В 1887 году члены Греческого мещанского общества обратились в Кишиневскую духовную консисторию за разрешением о постройке своего храма. Издавна влиятельные молдавские бояре, испытывая безграничное

Греческая церковь

доверие к греческим монахам, строили в своих вотчинах монастыри. Наделяли их частью собственных поместий, равными с частями каждого из своих детей. Опасаясь, чтобы завещание главы семейства потом никто не отменил, боярин преклонял учрежденную им святую обитель одному из восточных монастырей, чаще всего Ватопедскому монастырю. До 70-годов в Бессарабию часто приезжали архиереи, архимандриты, игумены монастырей с Афонской горы, к которым греки обращались по поводу религиозных нужд.

В Кишиневе монастырь Ватопед имел домовую церковь, где греки исполняли свои христианские обязанности. Но в 1873 году (по распоряжению русского правительства) имени заграничных монастырей поступили в казенное управление. Ватопедскую домовую церковь закрыли, и ее прихожане лишились духовной обители. В других же храмах (не владея церковнославянским языком) бессарабские греки, как и их соплеменники, приезжающие по коммерческим и семейным делам из Одессы, не могли исполнять христианские требы. Большую нужду они испытывали и в обучении своих детей. В Кишиневе не было ни одной школы с преподаванием на греческом языке.

Поэтому Греческое общество и ходатайствовало о возведении собственного храма на частные пожертвования. Купцы Синадино, братья Иван и Виктор, изъявили готовность на собственные финансы в память о своих родителях построить греческую каменную церковь. Супруга Ивана, Александра Константиновна Синадино (урожденная Зоти), обещала для благого дела уступить не только участок на углу улиц Киевской и Галбенской, но и все дома и строения, находящиеся рядом с участком, чтобы доходы, выручаемые от недвижимости, перечислялись на нужды будущего храма и на жалованье служащим причта.

Святейший Синод согласился на строительство грече-

ской церкви. Но братья Синадино поставили несколько условий. Чтобы под церковью был выстроен склеп для членов их семей. По окончании строительства в него должны быть перенесены останки их родителей: Пантелеймона и Деспины Синадино, и сына Ивана Синадино-Константина. Сами братья также хотели со временем покоиться вместе с родными. Их отец, Пантелеймон Синадино, выходец с острова Хиос, что в Эгейском море, прибыл в Кишинев в 1827 году. Занявшись коммерцией, он один из первых открыл на берегу Быка мойку шерсти. Оснастил ее современным оборудованием и наладил выпуск высококачественного сырья. Шерсть фабрики Синадино выставлялась на первой Бессарабской сельскохозяйственной выставке. Коммерческие и организаторские способности Пантелеймона Ивановича Синадино, его безупречная репутация получили достойное общественное признание. В 1837 году кишиневцы избрали его городским головой на три года, а потом переизбрали на второй срок.

Еще одно требование братьев Синадино состояло в том, чтобы причт церкви избирался землячеством или его представителям. Настоятель должен был иметь высшее греческое образование. Богослужение должно вестись на греческом языке. Условия жертвователей приняли.

И 29 апреля 1889 года «Бессарабские губернские ведомости» сообщили, что на углу Киевской и Галбинской разбирается здание, принадлежавшее г-ну Синадино, в котором до 1887 года размещалось местное Реальное училище. Вскоре на отведенном участке закипела работа. А 13 октября 1891 года состоялось освящение одного из красивейших в городе храмов (по проекту архитектора Бернардацци) Свято-Пантелеймоновской церкви. Общие затраты на его сооружение (от покупки места до обеспечения его церковной утварью) составили фантастическую

по тем временам сумму: более 110 тысяч рублей. За этот гражданский подвиг благотворители удостоились высочайших наград. Ивана Пантелеймоновича наградили орденом Святой Анны третьей степени, Виктора Пантелеймоновича – орденом Святого Станислава второй степени. Галбенскую же улицу (ныне Влайку Пыркэлаб), на которой построили церковь, городские власти переименовали в «Синадиновскую». И это название сохранялось за ней до 1940 года...

30 декабря 1904 газета «Бессарабская жизнь» сообщила о кончине 63-летнего известного общественного деятеля Виктора Пантелеймоновича Синадино, который своей деятельностью заложил основу экономического развития Бессарабии. Он явился одним из учредителей Кишиневского коммерческого банка, Бессарабско-Таврического земельного банка, учредителем Черноморско-Дунайского пароходства. Товарищества винного производства и торговли винами бессарабских землевладельцев в Одессе – «Братья И. и В. Синадино и Ко». Виктор Пантелеймонович отличался щедрой благотворительностью, памятником которой стало его любимое детище – Свято-Пантелеймоновская церковь.

Иван Пантелеймонович всего на год пережил брата. В своем завещании от 16 февраля 1905 года он подробно распisał, как попечительскому комитету распорядиться его огромными капиталами: 120-ю тысячами наличных рублей, не считая земли и недвижимости. Он разделил все имущество в пользу двух стран, которые всегда жили в сердце братьев Синадино, – Греции и Бессарабии.

СКЛЕП ПОД ЦЕРКОВЬЮ

Церковь Всех Святых

«Рождение и смерть – это не стены, а двери», – сказал мудрец, и с этим трудно не согласиться. Центральное православное кладбище на улице Армянской пытливому уму расскажет о старом Кишиневе больше, чем иные многостраничные труды. Ведь этот парк памяти отражает многообразную культуру и историю горожан, много сделавших для процветания нашего края. Но одни надгробия разрушены или украдены, другие пребывают в страшном запустении. Пора остановить это многолетнее беспамятство! Старый кишиневский некрополь, как памятник истории и культуры народа, должен получить статус исторической зоны, охраняемой государством и обществом.

Но наш рассказ – не о некрополе, а о кладбищенской церкви, которая носит имя Всех Святых. Как мы убедились, даже служители этого храма, не говоря о прихожанах, не знают истории святой обители. Кроме факта, что церковь не прекращала своего служения в самые лихие годы борьбы с «опиумом народа».

Между тем, ее история началась 20 мая 1818 года, когда жительница Кишинева Елена Матасарица обратилась к Гавриилу Бэнулеску-Бодони, митрополиту Кишиневской и Хотинской епархии с прошением. Сейчас трудно выяснить, была ли Матасарица безутешной вдовой или убитой горем матерью. Но именно она решила собственными силами построить на кишиневском православном кладбище каменную церковь во имя Святителя Нико-

лая, где станут приносить молитвы об упокоении душ сограждан, отошедших в мир иной, и попросила выдать ей просительную книгу на сбор пожертвований. Митрополит не только (согласно записи № 1126 от 22 мая 1818 года в журнале) распорядился выдать Елене книгу на два года. Он определил ей в помощники Иоанна Маковея, священника Харлампиевской церкви, сам же разработал первоначальный план святой обители. Подряд на строительство получил мастер Краевский, который и заложил фундамент. После кончины митрополита стройка «заморозилась».

Архиепископ Кишиневский и Хотинский Димитрий (Сулима), убедившись, что помещица не в состоянии завершить начатое дело, в 1822 году взял «объект» под личную опеку. Первым делом он назначил комиссию, в которую вошли Петр Лончковский, протоиерей Кафедрального собора, Георгий Батка, настоятель Благовещенской церкви, и купец Василий Чаплыгин. Команда архиепископа выяснила, что общая сумма пожертвований составляла 409 левов (денежная единица, предшествовавшая серебряному рублю): Елена Матасарица собрала просительной книгой 3 156 левов, Иоанн Маковей – 912. Сборщиков, в число которых входили и добровольные помощники, заставили отчитаться о полученных и потраченных средствах, а также произвести опись вещественных пожертвований в виде икон, церковной утвари и прочего, подаренных христоролюбивыми горожанами будущему храму.

Затем комиссия завела для учета денежных поступлений казначейские книги прихода и расхода. Каждый член комиссии получил отдельный журнал регистрации пожертвований, которые ему удалось привлечь, и еженедельно докладывал о своих успехах. Казначеею стройки запрещалось тратить даже копейку без письменного раз-

решения всех членов комиссии. По распоряжению архиепископа все шесть книг денежного учета пожертвований (после завершения строительства) полагалось передать настоятелю построенной церкви для постоянного там поминовения благодетелей.

Заключительный аккорд принадлежал Михаилу Семеновичу Воронцову, назначенному в 1823 году управляющим Новороссийскими губерниями и полномочным наместником Бессарабской области. Областной землемер и архитектор Михаил Семенович Озмидов, которому поручили контролировать строительство, доработал первоначальный проект митрополита. Но в 1826 году перед окончанием работ 45-летний архитектор внезапно умер. Граф Воронцов, считая, что надзор за стройкой должен вести специалист, поручил ее архитектору Осипу Гаскету. И для окончания строительства кладбищенской церкви выделил из областного бюджета 2 500 рублей. В 1827 году кладбищенская церковь Всех Святых начала свою службу.

Через полвека, в 1879 году, Хрисанф Бочковский, настоятель и священник Кишиневской кладбищенской церкви, стал хлопотать о расширении храма, который стал тесен для многочисленных прихожан, и о строительстве колокольни. До того времени колокола висели на двух столбах на площадке перед храмом. Причт церкви, имея скромные средства (всего 1 000 рублей) и большую надежду на щедрость кишиневцев, получил в Консistorии на год просительную книгу для сбора пожертвований. Хлопотное дело поручили купцу Осипу Гайдукову, старосте кладбищенской церкви, и священнику Елеверию Кровецкому. Проект удалось осуществить за год: в 1880 году с западной стороны храма появилась колокольня, которую проектировал, по некоторым данным, самый яркий зодчий Кишинева – Александр Иосифович Бернардацци.

Причастность известного архитектора к Всесвятской церкви – не единственная ее загадка. Под сводами кладбищенского храма находится обширная каменная усыпальница, где погребены известные жители Кишинева и члены их семей. Несколько лет назад одному из авторов этих строк вместе с исследователем бессарабской старины и журналистом Евгением Румянцевым удалось попасть в старый некрополь. По нашим сведениям, там находятся 45 ниш для захоронения взрослых и 17 – для детей. Судя по сохранившимся табличкам, там покоятся останки губернатора, двух вице-губернаторов Бессарабии, митрополита и других крупных деятелей.

О Бессарабском гражданском губернаторе (1829-1833) Сорокунском в «Трудах Бессарабской губернской ученой архивной комиссии» упоминает местный историк И.Н. Халиппа. К числу административных заслуг Акинфия Ивановича принадлежит издание в 1831 году в Петербурге сборника молдавских законов. Благодаря Сорокунскому в Кишиневе открылась публичная библиотека. Он готовил к открытию в городе первой мужской гимназии. Скоропостижно скончавшийся 17 апреля 1833 года, он не дождал несколько месяцев до заветного дня. Вице-губернатору Василию Васильевичу Петрулину (умер в 1824 году) принадлежит заслуга в наведении порядка в налоговых сборах и переводе разных денег (левов, махмудие, пари), которые ходили в крае и курс их постоянно менялся, на русские деньги. Он заменил множество сборов, большая часть которых оседала в руках сборщиков, прямым налогом. Другой вице-губернатор, Федор Дмитриевич Фирсов, тоже собирался заняться приведением в порядок бессарабских финансов. Но, не прослужив и года, Фирсов скончался в 1828 году.

Если об этих личностях до нас и дошли кое-какие сведения, то все сведения о митрополите Ангорском

Иерофее уместились в дату его кончины – 5 марта 1882 года. Готовя этот материал, мы выяснили, что митрополит из Анкары (старое название Ангора) присутствовал как представитель от Восточных православных церквей на коронационных торжествах российского императора Александра II, которые проходили в Москве с 14 по 26 августа 1856 года.

В усыпальнице покоятся останки генерал-лейтенанта Александра Андреевича Шостака, десять лет бывшего комендантом Одессы. Там похоронен и кишиневский коллежский советник Владимир Васильевич Джуминский, дедушка Владимира Пуришкевича, участника убийства Распутина. Под сводами Всесвятской церкви спят: Василий Леонтьевич Вышневецкий, подполковник 54 пехотного полка, дворянин Иоанн Куш, Екатерина Александровна Козельская, жена поручика 54 Минского полка, купец Николай Ефимович Зубков, девица Мария Стефаниу и другие известные и рядовые жители нашего города.

СЕМИНАРИУМ НАСТОЯЩИХ ПАСТЫРЕЙ

Храм во имя Сретения Господня

Кишиневская духовная семинария, открытая в 1813 году, долгое время оставалась в Бессарабии единственным учебным заведением. В 1867 году, освободившись от низших классов, она преобразовалась в среднее духовное учебное заведение.

Старанием владыки Павла (Лебедева), архиепископа Кишиневского и Хотинского, радевшего о благоустрой-

стве епархиальных духовно-учебных заведений, на углу улиц Ренийской (ныне ул. Когэлничану) и Семинарской (ул. М. Бэнулеску-Бодони) было построено новое здание для мужского духовного училища (теперь в нем размещаются факультеты Молдавского госуниверситета).

Первого сентября 1877 года преосвященный Павел лично освятил это красивейшее и самое большое здание в городе. Училище не зря отвечало самым строгим требованиям. Оно, по замыслу владыки, должно было давать не только серьезное образование, но и высокие нравственные качества. Чтобы выпускники духовного заведения могли стать истинными пастырями и учителями, несущими в народ знания и дух благочестия.

Одного училищу не хватало для выполнения такой серьезной задачи – собственной церкви. Не имевшим домового храма учащимся приходилось ходить в семинарскую церковь. Предлинная вереница мальчиков, одетых в разнообразную одежду и обувь, привлекала к себе немало уличных зевак. Шествие по морозу, дождю и грязи на вечерние и утренние службы, увы, влияло не только на молитвенный настрой мальчиков, но и на их здоровье. А главное – отсутствие в училище церкви лишало учащихся возможности практиковаться в богослужении – чтении и пении на клиросе, исполнении других обязанностей.

И архиепископ Павел убедил графа Дмитрия Толстого, обер-прокурора Святейшего Синода и одновременно министра народного просвещения, разрешить ему извлечь 25 тысяч рублей из доходов имений заграничных монастырей, находящихся в Бессарабии, на строительство домового храма и жилых для него помещений.

18 апреля 1879 года преосвященный лично освятил в училищном дворе место для будущей церкви. Во время службы архиерей в выдолбленную между котельницами

нишу вложил бутылку с прованским маслом и запиской: «Храм сей во имя Сретения Господня заложен в славное царствование всероссийского государя императора Александра II высокопреосвященным Павлом (Лебедевым), архиепископом Кишиневским и Хотинским». (Интересно, сохранилось ли в недрах ныне действующей уютной Сретенской церкви при Молдавском госуниверситете – это далекое послание?)

В 1880 году строительство домово́й Сретенской церкви завершилось. Пять куполов придавали прекрасному котельцовому строению вид грандиозного монастыря. Внутреннее убранство не уступало его внешней красоте. Особенность иконостаса состояла в том, что на нем изображались сцены из детской жизни Спасителя. Эта идея принадлежала владыке Павлу, которую талантливо воплотил иконописец. Другой редкостью стало увековечение памяти реальных лиц, которым училище было обязано церковью и другими благодеяниями. И в Сретенском храме висели иконы: Св. Александра Невского (в честь императора Александра II), Св. апостола Павла (в честь владыки Павла, кроме всего, еще и ассигновавшего крупную сумму на постройку храма), Св. Дмитрия Ростовского (в честь обер-прокурора Св. Синода Дмитрия Толстого, давшего «добро» на строительство).

На освящении Сретенской церкви благодарность и Синодальные награды получили жители Кишинева, которые личным трудом и материальными пожертвованиями содействовали украшению училищной обители.

Особые слова были сказаны в адрес подрядчика Осипа Егоровича Гайдукова, показавшего себя мастером, чуждым стяжательства, которым страдают многие его товарищи по профессии. Смета на строительство составлялась в начале 1877 года, а потом грянула русско-турецкая война. Цены на материалы и рабочие руки сильно подскочили. Зная возможности училища, многие кишиневские

мастера даже не стали участвовать в торгах на получение подряда. Гайдуков же, кроме исправного и своевременного исполнения договорных условий, выполнил работы на сумму 230 рублей сверх сметы...

Более ста лет Кишиневское мужское духовное училище выполняло свою благородную миссию. 1 сентября 1927 года учебное заведение упразднили. В его зданиях открылась 8-классная семинария по программе, принятой в королевстве Румынии.

Кишиневское духовное училище за годы своего существования в лице своих питомцев дало Бессарабии такую ценность и духовную силу, которую трудно переоценить. Иосиф Михайлович Пархомович получил образование в духовном училище и семинарии. Потом 36 лет преподавал в родных стенах. Редактировал «Кишиневские епархиальные ведомости», которые при Пархомовиче стали выходить вместо двух раз в месяц – еженедельно. Макарий Иванович Елуре тоже преподавал в Кишиневском духовном училище. Приняв духовный сан, стал настоятелем Кишиневской тюремной церкви. Являясь членом совета Александро-Невского братства, свой досуг посвящал религиозной опеке обитателей богадельни братства. Состоял в комиссии по переводу богослужебных книг на молдавский язык.

Кишиневское духовное училище окончили Венедикт, архиепископ Житомирский и Овручский. Владимир Георгиевич Поляков родился в семье иконостасного мастера. После окончания Кишиневского духовного училища и семинарии он продолжил образование в Киевской духовной академии. Служил диаконом, священником. Был настоятелем церкви в Шолданештах. Во время Гражданской войны преподавал Закон Божий в женском епархиальном училище в Белгороде, Симферополе. В 1922 году стал настоятелем Александро-Невского собора в Феодосии.

В 1923 году он переехал в Кишинев. Служил в сто-

лице, потом в селе Табора. В 1927 году за выступления в защиту прав русского населения был арестован румынскими властями и выслан из страны. Скитаясь по Европе, являлся настоятелем русских храмов в Сербии, Франции, Италии. В 1930-м Владимир Георгиевич добился отмены решения о высылке и вернулся в Кишинев. Став настоятелем русской Серафимовской церкви, он продолжил активную общественную деятельность. Румынские гражданские и церковные власти пытались лишить Полякова сана, но не смогли. В 1935 году он возглавил Союз русского меньшинства в Румынии.

После вхождения Бессарабии в состав СССР в июне 1940-го протоиерея Полякова назначили настоятелем Кишиневской Всесвятской старокладбищенской церкви. В годы Второй мировой войны, когда город находился в оккупации, отец Венедикт, тайно служа дома, молился о победе русского воинства, за что его не раз арестовывали...

В 1944 году, после освобождения Молдавии, Поляков продолжил свое служение в Всесвятской старокладбищенской церкви. В 1947 он постригся в монашество и стал епископом Кишиневским и Молдавским. Через год владыку перевели в Россию, где он с присущей ему энергией открывал храмы, организовал пастырские курсы, и это привело к конфликту с уполномоченным Совета по делам религий. Пришлось епископу перевестись в Житомир, где он получил сан архиепископа Житомирского и Овручского.

Конечно, и там Владимир Георгиевич оставался верен себе. В своих проповедях он критиковал усиливавшуюся антирелигиозную кампанию. И в 1958 году за критическую статью в западном журнале о варварском закрытии церковью в СССР автора отправили на покой в Кишинев.

Владыка умер 6 декабря 1963 года. До самой смерти он жил в городе, где родился и получил духовную силу, под домашним арестом.

СВЯЩЕННИК, КОТОРЫЙ ПОВЕЛ В АТАКУ

На поле брани добро, справедливость, истина – все, что казалось прежде незабываемым, – часто кажется лживым. Человек повисает над бездной... Война – проба для человеческих душ. Кто поможет воину развеять сомнения, усталость, страх, поддержит его веру и напомним о долге? В Первую мировую войну эту духовную ношу нес институт полковых священников.

Георгий Шавельский, последний протопресвитер Русской армии и флота, в своих воспоминаниях рассказывает, об этой мало знакомой нам области. По его словам, в Первую мировую войну армия России вошла без священнослужителей, то есть их катастрофически не хватало, они были плохо подготовлены. Кишиневская епархия по собственной инициативе и на свои средства в 1914 году послала в армию 29 священников!

И все как на подбор: с семинаристским образованием, не старше сорока лет, скромные, серьезные, отзывчивые, стойкие в несении трудов и лишений! А их у батюшек было предостаточно. Кроме богослужений, погребений, наставлений и ободрений, священник выполнял обязанности, о которых прежде не помышлял. Приходилось выносить с поля боя убитых и раненых, помогать врачам перевязывать страждущих, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, сообщать родственникам о гибели близких, организовывать в своих частях общества помощи семьям убитых и увечных воинов, заведовать походными библиотеками и уймой, уймой других забот. Среди тысяч этих безвестных тружеников военных полей встречались и те, кто умудрялся делать еще больше.

Александр Тарноруцкий родился 30 июля 1888 года в селе Котылево Хотинского уезда в семье священника.

Священник
Александр Григорьевич Тарноруцкий,
павший на поле боя 19 октября 1916 г.

Его отец Григорий потом священствовал в селе Стурзовка Бельцкого уезда. Александр окончил Единецкое духовное училище, поступил в Кишиневскую духовную семинарию. Похоже, он был не только образованным, но и пытливым юношей. «Неужто все мое жизненное предназначение, – спрашивал себя Александр, – и состоит в том, чтобы, как батюшка, всю жизнь прослужить церкви? И это все, для чего я родился?» Впрочем, может, он так и не думал. Но после окончания четвертого класса оставил семинарию и отправился в Одессу: стал готовиться к экзамену на получение аттестата зрелости. Тарноруцкий решил поступать в Новороссийский университет. Почему ему не удалось осуществить задуманное, увы, мы не узнаем. Он вернулся к родным пенатам, пошел в пятый класс... И вскоре снова засобирался в путь. Надумал уехать в Сибирь, куда в то время приглашали лиц с духовным образованием. На ее бескрайних просторах тогда создавались поселки, требовались священники. Более того, Александра даже зачислили в одну их сибирских епархий с дьяконским окладом.

Отъезду помешала свадьба. В жены Александр выбрал Евдокию, дочь священника. Суженая была не только милой, но и образованной девушкой, окончившей Кишиневское епархиальное женское училище. После завершения учебы Александра рукоположили в дьяконы, а потом и в священники. В первом приходе он пробыл восемь месяцев. Когда перевели в село Круглик (теперь район Криулень), Александр был просто счастлив. В прежнем при-

ходе в Старо-Рошканах вести полноценное служение ему мешало незнание молдавского языка. В Круглике говорили в основном на русском, и молодой батюшка с рвением взялся исполнять свои обязанности. В свободное от пасторских трудов время Тарноруцкий проводил в поле. Свою долю земли, положенную священнику, Александр увеличил за счет аренды 55 десятин из церковных надделов, купил плуг, косилки. К 1914 году у супругов подрастали дети – старшему Дмитрию шел четвертый год, Иоанну – третий, Людмиле – шестой месяц...

Австрийцы появились в селах уезда сразу после объявления Германией (в союзе с Австрией) войны России. Многие жители бежали, оставив свои дома. Вместе с ними ушли и большинство священников. Отцу Александру пришлось теперь обслуживать все окрестные села. Когда неприятель был вытеснен за пределы уезда, и крестьяне стали возвращаться домой, молодой священник попросился на фронт. В конце января 1915 года его утвердили в должности полкового священника 318 Черноморского полка, и он приступил к своим обязанностям. Несмотря на худенькую комплекцию и впечатлительность, солдаты за глаза стали звать его «Батей».

Через два года Кушаков, полковой командир, сообщил Кишиневской духовной консистории, чем заслужил батюшка уважение паствы. «...Будучи крайне неприхотливым и выносливым, – рассказывал полковник, – священник Александр Тарноруцкий везде устраивал возле себя маленький ручной чемоданчик, расстелет попону, положит в изголовье седло, укроется рясой, и доволен, и покоен, особенно, если еще он к тому же добудет кружку горячего чая и ломоть хлеба. Так я его и видел везде – и в походе, и на позициях, и на бивуаках. Другого комфорта он не искал и не любил. Предложишь ему поместиться лучше — всегда откажется под каким-либо предлогом». Не раз он удивлял своей силой духа в трудные часы боя.

В мае 1916 года «при форсировании реки Стыри и наступлении на деревню Копыли, – читаем мы в его наградных листах, – полковой священник Тарноруцкий под ураганным огнем противника воодушевлял солдат, чем способствовал переправе на понтонах и закреплению солдат на берегу реки... Во всех последующих боях неоднократно под сильным оружейным и артиллерийским огнем противника, с презрением к смерти, исполнял свои пастырские обязанности, напутствуя раненых, воодушевляя солдат на подвиги, поддерживая дух полка...»

Последний подвиг Александр совершил 19 октября 1916 года. Накануне немцы произвели газовую атаку на участке 212 Романовского полка и заняли окопы. 318 пехотный Черноярский полк получил задание выбить противника и восстановить прежнее положение. Ночью, воспользовавшись туманом, измученные вымокшие солдаты, потеряв больше 30 человек, выбили германцев из окопов. Через три дня черноярцам приказывают снова занять ту же позицию, которую успели опять отбить немцы. Девять дней полк мокнул и мерз в окопах, удерживая участок. Окопы были прорыты в болотистой почве, укрыты дерном. Разведку приходилось производить по пояс в воде и под выстрелами противника. Подкрепление полку обещали со дня на день...

19 октября немцы открыли огонь из минометов и бомбометов, от которых дернины полковых брустверов разлетелись во все стороны. Солдатам негде было укрыться от адского огня: много было убитых, заваленных землей... Роты стали отодвигаться на фланги, а противник, прикрываясь ручными стальными щитами, стал теснить черноярцев. «Батя» собрал солдат, оставшихся без командиров, воодушевляя их словом, с крестом в руках ринулся с ними прямо через болото на неприятельские траншеи. Смельчаки захватили вражеский бруствер, черноярцы от-

били атаку противника. Но Александр уже этого не видел. Разрывной пулей раненный в грудь, священник умер на перевязочном пункте..

Кишиневским комитетом было решено перенести останки героически погибшего батюшки в родной город и похоронить на погосте местной Свято-Георгиевской церкви, где настоятелем служил дядя погибшего: Штефан Дубневич. 4 декабря 1916 года Красноярский полк привез останки любимого «Бати». Панихиду у гроба в Кафедральном соборе совершил архиепископ Анастасий вместе с епископом Гавриилом и 20-ю священниками... Под сводами собора не раз звучали слова, что доблестная кончина отца Александра будет важной страницей в истории края и Бессарабской церкви...

Осенью 2006 года исполнилось 90 лет со дня гибели 28-летнего Александра Тарноруцкого. Пожалуй, в истории Бессарабской церкви это – единственный священник, удостоенный за боевые заслуги столькими наградами: орденами святой Анны 3-й и 2-й степени, золотым крестом на георгиевской ленте, орденом святого Владимира 4-й степени... Когда я поинтересовалась в Свято-Гергиевской церкви у отца Виталия, какие захоронения находятся в ее приделах, батюшка назвал одну-две фамилии, прибавил, что где-то должна быть могила одного воина, но никто не знает, где она...

В «Кишиневских Епархиальных Ведомостях» от 30 апреля 1917 года, где мы нашли рассказ об Александре, имеется точное описание места его погребения на территории Свято-Георгиевской церкви. На северной стороне, налево, в 3-4 саженьях от входа в церковь. Вычислить несложно, зная, что сажень равнялась двум метрам 13 сантиметрам. Получается, что останки Александра покоятся в 6-8 метрах от входа в церковь...

Остается только выяснить, насколько нам важна память об этом скромном и мужественном человеке.

После публикации в Свято-Георгиевской церкви была установлена мемориальная доска Александру Тарноруцкому. Инициатором благого дела стала пенсионерка столицы Нина Николаевна Тарнакина, почти полвека проработавшая диспетчером на Молдавской железной дороге. В течение года она стучалась в разные двери, собирая средства на изготовление скромного мемориала. Одновременно она рассылала портрет отца Александра по церквям Молдовы, Украины, России, заказывая там молитвы в память о скромном герое Первой мировой войны.

ЦЕРКОВЬ НЕ ЗАБЫЛА СОЛДАТСКИХ СИРОТ

Что мы знаем о наших земляках, павших в Первую мировую? А о полковых священниках, которые делили с солдатами-бессарабцами все тяготы и ужасы войны? Духовенство края не только послало на поле брани отряд священнослужителей. (Несколько лет назад Свято-Георгиевская церковь открыла мемориальную доску в память о священнике Александре Тарноруцком, павшем на поле брани 19 сентября 1916 года). В 1915-1916 годах в Кишиневе работал лазарет имени Бессарабского духовенства на сто коек для лечения раненых солдат и офицеров. В приюте-мастерской увечные войны находили крышу, стол, здесь их учили жить со своими увечьями так, чтоб не быть в тягость родным и близким. В приюте инвалидов обучали различным ремеслам. Но самым крупным начинанием духовенства в те годы стало учреждение Бессарабского сиротского приюта для детей, чьи отцы сложили головы на полях сражений.

Законоучитель приюта
Амвросий Яремчук

Война разгоралась, число беспризорных ребят увеличилось. И в феврале 1915 года высокопреосвященный Платон, тогдашний архиепископ Кишиневский и Хотинский обратился к городскому голове Юлиану Левинскому с письмом. «...Воспитание детей, – писал владыка (КЕВ, №№ 17, 18, 1915 г.), – мысли мои возможно только в соответствующей среде. В атмосфере, которую можно создать лишь при помощи нашей святой церкви и добрых женщин, которые готовы делать это дело

Платон Архиепископ Кишиневский

только за совесть, только ради Бога, только ради вечного спасения своей души». Архиепископ просил властей выделить место на Романовской площади для строительства трех приютских корпусов и храма Божьего. Владыка Платон считал, что заведение станет памятником добро-го отношения Бессарабии к своим детям, на долю которых выпала сиротская участь.

Владыка учредил женскую общину, в которую вступили представительницы всех слоев общества. Дамы горячо принялись помогать архиепископу. На ктиторский сбор для сооружения и содержание приюта полились пожертвования со всех концов Бессарабии. Посылали деньги, ковры, полотно, скот, съестные припасы. На поступившие средства духовенство приобрело на Ганчештском шоссе площадку размером в 122 десятины, а также фруктово-виноградный сад с домом и необходимыми службами. 20 декабря 1915 года состоялось открытие приюта на углу улиц Пушкина и Федорова, в арендованном доме Горн-

Бессарабский сиротский приют
(бывш. ул. Немецкая-Пирогова)

штейна, состоявшем из 28 комнат и кухни. В нем стали жить 40 одиноких ребят, за которыми принялись ухаживать монахи и 25 послушниц из разных женских монастырей. Школьные занятия вели две

учительницы. Через пять месяцев нанятое помещение не вмещало всех сирот. Их доставляли в приют в самом жалком виде: исхудалыми, малокровными, часто больными.

Вскоре Кишиневская дума вместе с ее головой Ю. Левинским отдала под богоугодное заведение недавно построенный по проекту архитектора В. Цыганко 2-этажный дом на пересечении улиц Немецкой, которую после начала войны переименовали в Романовскую (ныне – С. Лазо), и Ренийской (М. Когэлничану). Новый архипастырь Бессарабии высокопреосвященный Анастасий принял его под свое покровительство и дал заведению дальнейшее развитие.

С увеличением числа питомцев (к концу 1916 года в приюте жили 435 детей), постепенно менялась его внутренняя жизнь. Впрочем, концепция, как сейчас говорят, учреждения оставалась неизменной. Суть ее состояла в том, что, поскольку сироты в приют поступали в основном из сел, то в родные места ребята должны были вернуться физически и нравственно здоровыми. Верующими, добрыми гражданами государства, которые станут полезными своему селу полученными знаниями и навыками.

Вскоре в главном здании приюта открылась церковь в честь иконы Казанской Божией Матери. Обучение грамоте в приютской школе велось по курсу церковно-

приходских школ и детского сада. Но главное – призреваемых детей приучали к труду. По мере своих сил мальчики и девочки работали во фруктово-виноградном саду, в поле, осваивали азы слесарного, столярного, колесно-кузнечного дела. Открыли башмачную мастерскую, в которой учились и работали старшие мальчики и послушницы. Сапожному делу их обучали увечные воины, жившие в том же приюте. В мастерской в основном тачали обувь для «своих», но принимались заказы и от горожан. Цехом заведовал Стефан Чеботаренко, кишиневский ремесленный голова. Под его руководством в 1916 году приютская мастерская изготовила 400 пар обуви на сумму 2 767 рублей.

В портняжном, вязальном и рукодельном цехах трудились девочки под руководством сестер и приглашенных мастериц. Вся одежда обитателей приюта шилась у них. Чтобы удешевить себестоимость ткани, сестры сами ее окрашивали.

Швейно-чулочной мастерской руководила 38-летняя Ольга Муратова, начальница приюта. Это была примечательная женщина. Потомственная дворянка, окончившая курсы при московском пансионе г-жи Маевской. До Кишинева Ольга Аркадьевна в качестве сотрудницы общества религиозного нравственно-патриотического воспитания опекала беспризорников Хитрова рынка в Москве. После объявления войны в 1914 году Муратова заведовала яслями в одном из российских городов. Кишиневским приютом начальница руководила бесплатно, пользуясь в нем только квартирой и столом. Под стать Муратовой был и главный заведующий – протоирей Николай Васильевич Лашков. Воспитанник Киевской духовной академии, он состоял членом Духовного комитета Бессарабии, имел звание кандидата богословских наук, был удостоен многих наград: Ордена Св. Владимира 4-й степени, Па-

лицей, Золотым Крестом. Николай Васильевич вел Закон Божий в двух кишиневских гимназиях: в 1-й мужской и в 1-й женской земской. Служил заведующий в приюте без жалованья.

Эконом и делопроизводитель 36-летний священник Амвросий Яремчук, имевший два образования: аграрное и духовное, получал довольно скромные деньги, как и другие сотрудники – Мария Гобжило, вдова священника, заведовавшая отделением приюта на Пушкинской улице, Елена Гроссу, дочь псаломщика, работавшая учительницей. Впрочем, большинство их коллег, преподававших сиротам различные дисциплины, трудились бесплатно.

На какие средства существовало это огромное хозяйство? На частные пожертвования богатых и не очень состоятельных жителей Бессарабии. Много лет духовенство епархии на всех богослужениях в своих церквях обносило кружки «на сиротку». Осенью, по окончании уборки хлеба, собирался обязательно ковш зерна для приюта. Городская дума учредила 5 своих стипендий по 120 рублей каждая, которые носили имя Платона, архиепископа Кишиневского и Хотинского. Кстати, по его просьбе зодчий А. В. Щусев разработал проект и составил смету для сиротского приюта.

Сиротский дом продержался 36 лет. Он помог не одному поколению ребятишек, оказавшихся в трудной ситуации. С 1930 по 1940 годы приютом, он к тому времени был перепрофилирован в «Casa copilului», заведовала Александра Ременко. В 1940-м многолетний благотворительный проект, в котором приняли участие многие известные и рядовые горожане, завершился. Само здание сиротского приюта уцелело во время войны. Потом в нем долгие годы размещался ветеринарный факультет Сельхозинститута.

ЗА ЧТО ОБИДЕЛИ НАМЕСТНИКА?

В редакцию газеты «Кишиневский обозреватель» позволила Татьяна Янушевская, бывшая заведующая отделом переводов Торгово-Промышленной Палаты, которая следит за газетными публикациями об истории города. Татьяну Николаевну, знающую старый Кишинев не из книг, а по рассказам своих родственников, интересовало, за что Кишиневско-Молдавская митрополия обидела ктитора церкви с бульвара Штефан чел Маре (где находился планетарий), отняв у нее имя, данное при строительстве.

Константин Александрович
Наместник

Многочисленные интернетовские сайты, рассказывающие о достопримечательностях молдавской столицы, насчет Преображенской церкви ограничиваются лаконичной формулировкой – «сведений не имеется». Мы, основательно порывшись в старых документах, выяснили, что Татьяна Николаевна Янушевская оказалась абсолютно права. Источником сведений, которые мы изложим ниже, стал краткий исторический очерк Кишиневской 2-й гимназии, составленный законно учителем гимназии протоиереем Гавриилом Федоровичем Златовым, чья работа увидела свет в 1922 году.

В XIX веке (на месте нынешнего здания СИБа, а перед тем – КГБ), стояла Кишиневская 2-я мужская гимназия – элитное учебное заведение нашего города. Кроме математики и физики, здесь преподавали историю,

географию, философию, законоведение, гигиену. Юноши изучали, помимо древних языков, русский, французский, немецкий, украинский, румынский. Ребят учили пению, музыке, прививали уважение к русской культуре и литературе. Учащиеся старой прогимназии, которую потом преобразовали во 2-ю классическую гимназию, участвовали в торжествах по случаю открытия памятника А.С. Пушкину в городском саду. Евгений Федорович Будде, преподаватель русского языка, тогда произнес речь о значении Пушкина для самосознания каждого культурного человека. 27 января 1887 года, по случаю 50-летия со дня кончины поэта, в гимназии отслужили панихиду, а через несколько дней учащиеся и преподаватели провели литературно-музыкальное утро. В 1886 году депутация от учебного заведения принимала участие в празднествах по случаю открытия памятника императору Александру II.

В 1895 году 2-я мужская гимназия перешла в собственное здание. Вопрос о постройке домового церкви при гимназии впервые подняли одновременно со строительством корпуса учебного заведения. Появился особый строительный комитет, располагавший средствами в размере 15 тысяч рублей. Почти половину этой суммы составляли добровольные пожертвования состоятельных жителей Кишинева: К. Г. Херца и А. Л. Балинского. Располагая небольшой суммой, комитет решил сделать во дворе пристройку к главному зданию гимназии. Нижний этаж они собирались отвести под гимнастический зал. Верхний – превратить в домовую церковь.

Проект кардинально изменился благодаря коллежскому советнику Константину Александровичу Наместнику. Весной 1899 года этот почтенный горожанин подал в строительный комитет заявление с просьбой принять от него 35589 рублей 11 копеек на постройку самостоятельного здания для церкви. Но Наместник согласился фи-

нансировать проект при двух условиях. Если церкви дадут имя Святых Равноапостольских царей Константина и Елены. И если под полом храма будет построен склеп, где ктитор будет покоиться после смерти...

План гимназической церкви составил епархиальный архитектор Михаил Сероцинский. 18 августа 1900 года строительный комитет заключил контракт с кишиневским купцом Андреем Степановым, который получил подряд на строительство с бюджетом в 38 500 рублей. Степанов дал слово закончить работы к 1 ноября 1901 года. 27 августа 1900 года преосвященный Иаков благословил закладку фундамента. На торжественную церемонию явилось полгорода – сам ктитор К.А. Наместник, почетные мужи, члены строительного комитета, педагоги, учащиеся.

Несмотря на заверения, окончание строительства затянулось более чем на год. Наконец храм был готов. Расходы по внутреннему его убранству взяла на себя гимназия. На устройство иконостаса, приобретение ризницы, церковной утвари, богослужебных книг и колоколов израсходовали 14 425 рублей. Устройством иконостаса занимался местный мастер С. Кириллов. Росписи выполнял киевский художник Мищенко. Все заказанные образы являлись точной копией икон и росписей киевского Владимирского собора, который расписывали известные живописцы того времени – Виктор Васнецов, Михаил Нестеров, Павел Сведомский и др. Колокола для гимназической церкви отливали в Ярославле на заводе Оловянишникова. Ризницу и необходимую утварь купили в местной церковно-утварной лавке Бобуровой. Часть ценных предметов хозяйка магазина пожертвовала в память о покойном муже.

Освящение гимназической церкви Константина и Елены состоялось 19 мая 1902 года. На празднике присут-

ствовало соборное духовенство, законоучители учебных заведений города, представители власти, гимназисты, их наставники и множество горожан. Некоторые состоятельные кишиневцы внесли денежные взносы на нужды новой обители. Среди них дворяне – А. Е. Крупенская, Е. Ф. Семиградова, Е. В. Маноли, И. О. Херц и другие. Храм Константина и Елены вскоре стал любимой церковью не только гимназистов, но и многих горожан. Здесь царила почти семейная атмосфера, которая поддерживалась стараниями настоятеля и законоучителя гимназии протоиерея Златова. Первым старостой храма являлся строитель гимназической церкви, почетный попечитель гимназии – К. А. Наместник. Константина Александровича не стало 5 ноября 1905 года, его останки погребли в склепе под святой обителью. В румынский период гимназию перефилировали в военное училище. Во время войны здание сильно пострадало, но церковь осталась целехонькой.

В 60-х годах, когда весь мир увлекся космонавтикой, во всех столицах союзных республик стали открываться центры по распространению знаний по астрономии, космонавтике, наукам о Земле – планетарии. Для этих специфических учреждений требовались большие залы с круглым куполом. Но немногие республики имели средства на строительство нетиповых зданий, и планетарии стали «прописывать» в бывших храмах. В апреле 1962 года такой центр появился и в Кишиневе. Куда подевались иконы и утварь, что стало со склепом почетного попечителя гимназии – остается только догадываться. Темная история сопровождает и ликвидацию в 90-х годах самого планетария. Говорят, случился пожар, и в огне погибли дорогостоящее оборудование и все экспонаты. Но так ли это – правды уже не узнать.

В 1991 году началась реставрация здания гимназической церкви. Сейчас – это видный храм, который посеща-

ют многие кишиневцы. Непонятно только одно: почему ему отказали в получении родного имени, которое дал ему его строитель Константин Александрович Наместник. А отцу Иону (Плэмэдялэ), нынешнему настоятелю, ради исторической справедливости стоило бы установить памятную доску об основателе, как это делается в других храмах столицы.

ЧЕРНАЯ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Одни храмы столицы, подобно некоторым горожанам, всегда на виду, другие часто остаются в тени. Свято-Димитриевская церковь на Ботанике (бульвар Траян, 3/1) – из тех обителей, история которых малоизвестна как церковным служителям, так и прихожанам.

Preotul Petre Donici.

Петра Донича, священника кишиневской Феодоро-Тироновской церкви, давно заботило пагубное влияние удаленности приходских церквей на жителей окраинной части города – Большой Малины. Феодоро-Тироновский храм находился от нее в 4 верстах, Троицкий – в 2-х, Кладбищенский – в 5. Из-за больших расстояний старикам и детям в ненастную погоду трудно было посещать службы. Разве мог истинный ревнитель православной веры мириться с этим?

И 10 августа 1884 года Донич подарил городу (без дальнейшего притязания на эту землю и материального вознаграждения) участок по Бачойской дороге (дарственная от 10 августа 1884 года) под строительство церкви, построек для причта и церковно-приходской школы. Участок имел три десятины, из которых 2 249 квадратных

Свято-Димитриевская церковь

сажен занимали фруктовые сады. 16 апреля 1887 года Строительный отдел Бессарабского губернского правления утвердил составленный инженером Лозинским проект постройки в районе Большой Малины новой церкви. Через год Кишиневская духовная консистория приняла решение – в предместье столицы в урочище Большая Малина по Бачойской дороге построить без помощи епархиального начальства на добровольные пожертвования местных жителей каменную церковь во имя Святых апостолов Петра и Павла, а также жилье для причта и здание церковно-приходской школы. Увы, из-за нехватки средств закладка церкви все затягивалась.

А потом 28 сентября 1892 года не стало и самого инициатора благого дела. Петр Георгиевич Дониц скончался на 52-м году жизни после продолжительной и тяжелой болезни. Провожая духовного пастыря в последний путь, горожане самыми теплыми словами поминали этого преданного служителя веры. Вспоминали, как в 1859 году, окончив курс Кишиневской духовной семинарии, Петр поступил учителем в Кишиневское духовное училище, где проработал 13 лет. После 6 лет преподавания в Епархиальном женском училище его рукоположили священником Вознесенского собора, откуда перевели в Феодоро-Тироновскую церковь. Зная честную, ответственную натуру Петра Георгиевича, его постоянно избирали в различные советы и комиссии. Дониц состоял помощником

благочинного городских церквей Кишинева, был членом педагогического совета при семинарии по выбору духовенства, выполнял и много других ответственных поручений. Потеряв в молодости любимую супругу (Параскева Николаевна умерла от холеры в 24 года), Петр больше не женился. Сам, без чьей-либо помощи, вырастил дочь Домнику, осиротевшую в младенчестве...

Одного не успел завершить этот незаурядный человек: возведения церкви, которая, из внимания к жертвователю, первоначально была названа Петропавловской. Выделив место для постройки, собрав с помощью прихожан часть средств, батюшка начал строительство в 1890 году. Мастера, располагая скудными средствами, успели поднять стены обители всего на шесть аршин (примерно на 4,3 метра), и в 1892 году стройка остановилась на десять лет. Не имея средств на завершение работ, строители стали обращаться за помощью к богатым согражданам. Кишиневский 2-й гильдии купец Димитрий Михайлович Чолак выразил желание завершить благое дело, но поставил два условия. Чтобы под церковью был его фамильный склеп, где будут покоиться он и его наследники, и чтобы храм именовался «Димитриевским». Епархиальный архитектор Михаил Сероцинский осмотрел начатое здание и составил смету расходов на сумму 17 000 рублей. На самом деле объект обошелся в 22 300 рублей, 20 000 из которых внес коммерсант. В 1900 году строители приступили к работе, и в том же году здание было готово. Но освящение церкви затянулось по неожиданной причине.

Домника Петровна Добронравова в 1900 году добилась признания права наследства на имущество своего отца Петра Георгиевича Донича. Суд определил, что наследственное имущество заключается – в саде с домом, которые находятся в Кишинева, в 5-й части загородной местности и приобретены наследователем за 250 рублей.

А также в доме с дворовым местом и постройками во 2-й части города (купчая от 31 марта 1869). Вместо того чтобы потребовать у купца, говоря современным языком, компенсацию за батюшкино имущество, подаренное для строительства, наследница обратилась в Кишиневскую духовную консисторию с ходатайством. Не умаляя вклада Чолака, достроившего здание церкви в короткий срок, переименовавшего название храма в свою память и устроившего под церковью родовую усыпальницу, дочь Доница просила только одного. Присоединить к уже существующему названию святой обители имя небесного покровителя ее покойного родителя Петра. То есть назвать церковь «Петро-Димитриевской».

И что же Домнике ответили? Кишиневская духовная консистория посчитала НЕУДОБОИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ переименовать Димитриевскую церковь. И прошение Домники Петровны оставила без удовлетворения. В 1903 году церковь освятили во имя Св. Великомученика Димитрия Солунского.

За свой благотворительный подвиг купец Димитрий Чолак удостоился ордена Святой Анны 3-й степени. Умер филантроп на 82 году жизни 10 января 1928 года. Отпевали покойного в Свято-Харлампиевской церкви, похоронили на Центральном православном кладбище. А детище Петра Доница носит имя Святого Димитрия.

СЕРАФИМОВСКИЙ КРЕСТ

Нам повезло родиться в краю, где незаурядные личности творили на ниве образования, культуры и искусства. Где словом и делом Бессарабии служили лучшие сыны разных народов, разного сословия, достатка и призвания. От их присутствия на молдавской земле не осталось ни зданий, где они жили, ни могил, где покоились их останки, даже многие имена утеряны.

Долгое время о жизни и трудах митрополита Серафима (Чичагова), шесть лет управлявшего Кишиневской епархией, знали только некоторые архиереи, священники, исследователи, изучавшие историю Русской Церкви в предреволюционное время.

Чичаговы – старинный русский дворянский род, история которого берет начало в XVI веке. Предки будущего митрополита Серафима внесли огромный вклад в историю России. Никифор Петрович Чичагов, например, оставил многочисленные рукописи по истории России. Яков Матвеевич Чичагов был участником нескольких сражений в Великую Северную войну, которая разразилась в 1700 году между Швецией и Северным союзом (в него входила и Россия). Сын флотоводца, Василий Яковлевич Чичагов, стал адмиралом. По решению императрицы Екатерины II он (для поиска морского прохода через Северный Ледовитый океан на Камчатку) предпринял первую русскую экспедицию к Северному полюсу. Во время войны со шведами в 1790 году Василий Яковлевич одержал три блестящие победы над неприятельским флотом. Его сын Павел Васильевич, тоже адмирал, в 1811 году командовал Дунайской армией и Черноморским флотом. Он принял от Турции Бессарабию, присоединенную к России по Бухарестскому миру. Павел Васильевич Чичагов, дед будущего митрополита водружал кресты взамен турецкого полумесяца, вводил новое управление краем. Сын адмирала, Михаил Павлович, дослужился до артиллерийского генерала.

Епископ Кишиневский и Хотинский Серафим (Чичагов). 1912 г.

У Михаила Павловича и Марии Николаевны, родителей будущего митрополита, было четверо сыновей. Сын Леонид, после окончания 5 класса Петербургской гимназии, перевелся в пажеский корпус и после его окончания был произведен в офицеры гвардейской конной артиллерии.

В чине поручика Леонид Михайлович участвовал в Русско-турецкой кампании 1877-1878 годов. За отличие на полях сражений 21-летний поручик удостоился орденов – святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»; святого Станислава и святой Анны 3-й степени с мечами и бантами.

После войны Леонид Чичагов по поручению Императора Александра II составил «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году». Автор, чтобы написать эту документальную повесть о буднях войны, о 8-месячном служении российского царя на фронте в качестве брата милосердия, собирал материалы семь лет. Разослал в полки, батареи, госпитали, военные учреждения, принимавшие участие в турецкой кампании свыше 2 тысяч писем. Книга выдержала три издания и была переведена на болгарский язык. Фердинанд, князь болгарский, отметил заслуги автора орденом «За гражданские заслуги», портрет Леонида Чичагова поместили в Национальный музей города Софии.

В 1881 году 25-летнего капитана гвардейской артиллерии Чичагова откомандировали во Францию для изучения техники военного дела. Вернувшись, Леонид Михайлович написал труд о французской артиллерии, который перевели на французский язык. Автор удостоился ордена Почетного легиона. Капитан Чичагов принимал участие в вооружении крепостей на западной границе, а также в вооружении болгарской армии, за что князь болгарский Александр наградил его орденом Св. Александра со звездой.

Но воинская карьера не удовлетворяла блестящего

офицера. В 1891 году полковник Чичагов, состоял адъютантом при великом князе Михаиле Николаевиче, вдруг вышел в отставку. Он избрал иной жизненный путь – путь священства. Совершилось это под влиянием о. Иоанна Крондштатского. Леонид Михайлович переехал с семьей из Петербурга в Москву. И, готовясь к принятию сана, со свойственной ему энергией приступил к изучению свято-отеческой литературы...

Вскоре 39-летний Леонид Михайлович овдовел. У отца на руках остались четыре дочери, старшей было 15, а младшей – 9 лет. Леонид Михайлович похоронил супругу на монастырском кладбище в Дивеево. Построил над могилой часовню, надеясь, что со временем он будет покоиться рядом с супругой. Одним из больших деяний отца Леонида стало написание «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». К моменту ее завершения автор имел сан архимандрита. Несмотря на большие трудности, ему удалось добиться канонизации святого угодника Серафима Саровского. Весной 1898 года, оставив повзрослевших дочерей на попечение доверенных лиц, отец Леонид постригся в иеромонахи Троице-Сергиевой Лавры, получив имя «Серафим».

28 октября 1908 года, через 15 лет после рукоположения, преосвященный Серафим в сане епископа Кишиневского и Хотинского, прибыл в Бессарабию. Состояние епархии превзошло худшие ожидания владыки.

Выяснилось, что ни в одной консистории не получают таких ничтожных окладов, как в Кишиневе. Не прошло и месяца, как владыка увеличил жалованье своим служащим. Синод, по ходатайству высокопреосвященного Серафима, выделил средства на ремонт здания консистории, к которому сделали большую пристройку.

Владыка пересмотрел служебные обязанности должностных лиц епархии, завел кандидатский список на от-

крывающиеся вакансии, продумал меры для сокращения бумажной работы. Преосвященный обратил внимание на недостатки в работе свечного завода, где расчеты велись приблизительно, отсутствовало разделение чистой прибыли и состояния оборотного капитала. По его предложению на окраине Кишинева завели образцовый пчельник, а на усадьбе, приобретенной для беления воска, открыли епархиальную богадельню. Реформировав положение епархиальной типографии, епископ настоял, чтобы «Кишиневские епархиальные ведомости», вместо двухразового выхода в месяц, стали еженедельным изданием. Чтобы в случае болезни или отпуска священника приход не оставался без церковных служб, владыка распорядился открыть должность запасных священников. Требовал, чтобы в молдавских приходах служили на молдавском языке.

Например, согласно «Обозрению епархии, совершенному Преосвященным Серафимом, епископом Кишиневским и Хотинским, с 27 апреля по 5 мая сего 1910 г.», владыка только за 9 дней объездил 2 города и 18 сел, преодолев 355 верст по сухому пути, 100 – по воде и 340 – по железной дороге. В каждом населенном пункте он посещал церкви, учебные заведения, церковно-приходские школы, тюрьмы, больницы. Владыка напоминал городскому и сельскому духовенству, что «для возрождения других сначала нужно возродить нас самих».

Сожалая, что в Бессарабии, кроме чудотворной Гербовецкой иконы Божией Матери, нет особо чтимых святых, в 1909 году привез из Тверской губернии большой образ святой Анны Кашинской с мощами преподобной. Икону поместили в Кишиневском Кафедральном соборе в приделе князя Александра Невского. Кроме этого, преосвященный подарил иконы с частицами святых мощей в Хотин, Успенскому монастырю в Измаиле, Каларашскому, Курковскому, Суручанскому, Добрушскому и другим монастырям...

Важным событием для Кишиневской епархии стало строительство епархиального дома, который за вклад архипастыря в его возведение стал именоваться Серафимовским. Закладка первого камня прошла 26 августа 1910 года. Преосвященный Серафим вникал во все детали плана, выполненного архитектором Георгием Купча, контролировал расходование средств и ведение работ. И уже 18 декабря 1911 года состоялось освящение трехэтажного здания в византийско-русском стиле.

Серафимовский дом, фасадом выходящий на Александровскую улицу, стал украшением Кишинева. Первый этаж сдавался в аренду магазинам. На втором этаже находились библиотека, читальня, зал заседаний, церковный музей и другие помещения. Третий этаж занимали классы и общежитие для учеников школы псаломщиков. Музею (тогда его называли древлехранилищем) при Бессарабском церковном историко-археологическом обществе владыка уделял особое внимание. По его предложению в благочинных округах епархии появились комиссии, которые занимались поиском ценных экспонатов. И фонд музея быстро стал пополняться древними книгами, рукописями, церковными сосудами, крестами, монетами. Владыка подарил «Архангельское евангелие 1092 года», копию имеющегося оригинала издал в 1912 году Румянцевский музей... На протяжении всех лет своего пребывания на Кишиневской кафедре владыка Серафим неумоимо посещал все приходы епархии. Вдохновлял своим примером подчас потерявшее литургическое благочестие приходское духовенство.

Высокопреосвященный Серафим не только боролся в Бессарабии с сектантством, расколами и волнениями среди духовенства. Он добивался публичного покаяния виновников. Несколько лет владыка вел борьбу с еретиком Иннокентием (Цурканом), уроженцем села Косоуц

Сорокского уезда, объявившим себя «последним посланником небес», «воплощенным Св. Духом», увлекший за собой массы жителей Бессарабии. Придя к раскаянию, Иннокентий подписал отречение от своего учения с обращением к его бывшим духовным детям «твердо держаться уставов и заповедей Церкви»...

В 1917-1918 годы в России началось разрушение Православной церкви и травля ее самых авторитетных иерархов. Одним из первых в «черном» списке оказался архиепископ Тверской и Кашинский Серафим. С этого времени владыку постоянно опекали органы ГПУ. Арестовывали, потом освобождали. Высылали на Север, сажали в Бутырку, оправляли в ссылку под Казань, в Ивано-Вознесенскую губернию.

Каждый год приносил новые испытания. В 1929 году Серафим, митрополит Ленинградский и Гдовский, организовал отпевание и погребение Иллариона Троицкого, архиепископа Верейского. Соловецкого узника, скончавшегося от тифа в ленинградской тюремной больнице. 24 октября 1933 года высокопреосвященный Серафим совершил последнюю литургию в любимом с детства Спасо-Преображенском соборе и ушел на покой.

В последние годы он страдал от гипертонии и одышки. Из-за водянки еле передвигался и почти не выходил из дому. Оставаясь один, митрополит садился за фисгармонию и играл духовную музыку. О чем он думал в эти минуты? О молодых годах, о рано угасшей любимой жене, о своей трудной и одинокой старости? В ноябре 1937 года его арестовали в последний раз. 82-летнего владыку, уже прикованного к постели, вынесли из дому на носилках. В Таганскую тюрьму его доставила машина «скорой помощи».

11 декабря 1937 года митрополита Серафима (Чичагова), обвиненного в контрреволюционной монархической

деятельности, расстреляли на полигоне НКВД в подмосковном поселке Бутово.

Процедура расстрелов проходила ночью, скрытно – в соседних деревнях жили люди. Приговоренных к расстрелу привозили в Бутово в крытых фургонах, не говоря, куда и зачем их везут. Заводили в барак, якобы для «санобработки». Здесь зачитывали приговор, сверяли данные и наличие фотографии. На расстрел выводили по одному. Это только устные свидетельства, потому что все следы уничтожения палачи заматали. Судя по раскопу, который в Бутово произвели в 1997 году, на полигоне не нашлось ни одного целого скелета, там все перемешано.

23 февраля 1997 года состоялась канонизация митрополита Серафима (Чичагова). Чин прославления совершил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в сослужении членов Священного Синода и 133 других иерархов. Митрополит Серафим – первый бутовский священномученик, причисленный к лику святых.

...За год до этого в Бутово возвели деревянный однокупольный храм во имя Новомучеников и Исповедников Российских. Алтарь святой обители вплотную подходит к одному из расстрельных рвов. Плоть и кровь расстрелянных священнослужителей пропитали и освятили землю. Когда попадаешь сюда, то вся суета, все помыслы вдруг исчезают. Здесь каждый ощущает близость Бога.

ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ ВЛАДЫКИ

Чем быстрее бег времени, чем больше в Кишиневе появляется новых зданий, тем больше нас интригует облик старого города. На площади Великого Национального Собрания, где теперь возвышается Дом правительства, 18 декабря 1911 года произошло освящение элегантного здания в византийско-русском стиле, которое преобрази-

Серафимский епархиальный дом (бывш. ул. Александровская)

ло центр бессарабской столицы. Это был епархиальный дом, который в память об инициаторе и строителе – тогдашнем епископе Кишиневском и Хотинском Серафиме (Чичагове), назвали Серафимовским.

Епархия давно испытывала нужду как в объединяющем центре, как и в собственной недвижимости. Попечительство, ссудные кассы, класс для псаломщиков, Христорождественское Братство, Церковно-археологическое общество, училищный Совет, миссионерский комитет, библиотеки Братства и Археологического Общества, склад братских книг, церковно-свечная лавка – ни одно из этих больших и малых учреждений не имело собственной крыши. Ютились во флигелях архиерейского дома, в тесных помещениях консистории. А заседания Советов проводились в покоях преосвященного.

Одним из первых шагов прибывшего в Кишинев в 1908 году нового архипастыря стало его решение о строительстве общего дома для всех этих учреждений. На епархиальном съезде владыка объявил о передаче епархии в вечное и бесплатное владение части усадьбы ар-

хиерейской церкви по Александровской улице с домом, который занимали викарные преосвященные. Вся земля отводилась для постройки на этом месте здания епархиального дома. Для выработки плана и сметы объекта съезд избрал комиссию. Вскоре стала известна сумма, необходимая для строительства. По приблизительным расчетам епархиального архитектора, расходы на возведение дома составляли 150 тысяч рублей. Таких денег у епархии не было. И духовенство обратилось к владыке, чтобы он ходатайствовал перед Синодом о предоставлении Кишиневу ссуды под 5% на 100 тысяч рублей из бюджета бессарабских имений заграничных монастырей. А 50 тысяч выделил бы безвозвратно. Может, коллегиальный орган и решил бы дело положительно. Но неожиданно изменившиеся правила распределения доходов из имений заграничных монастырей, помешали кишиневцам реализовать этот проект. Пришлось искать другого кредитора. Им (по тем же условиям) стал Гыржавский монастырь. Подряд на строительные работы ответственного объекта получил потомственный почетный гражданин Павел Кошелев. Стоимость объекта с «накрутками» подрядчика, с устройством водяного отопления и электрическим освещением возросла до 197 717 рублей 45 копеек. И эту сумму владыке удалось изыскать.

26 августа 1910 года, в присутствии представителей правительственных учреждений и множества горожан, произошла закладка долгожданного строения. С первого и до последнего дня его строительство велось под самым тщательным присмотром епископа. Серафим вникал во все детали плана, сметы, хода работ. Находясь в июле 1911 года в Кисловодске на лечении, он и оттуда контролировал стройку, внушая зодчим соблюдать строгую экономиию. При такой опеке работа шла без остановки. Такого темпа строительства жители Кишинев еще не видели,

многие горожане заключали пари о завершении работ. К осени 1911 года интрига раскрылась. Дом был готов!

На освящение епархиального здания собрался весь город. На грандиозное строение смотрели, как на чудо. Трехэтажный красавец, который возводился без особых механизмов, вырос за год и три месяца! После молебна и окропления помещений святой водой духовенство вручило епископу благодарственный адрес и панагию из оксидированного золота, украшенную драгоценными камнями.

Как же выглядел элегантный «европеец», чей облик разрабатывал епархиальный зодчий Г. В. Купча? На первом этаже располагались лучшие магазины, которые арендовали здесь торговую площадь. Северо-восточную угловую часть здания занимали книжный магазин, лавки церковной утвари и свечей. Рядом находился кабинет заведующего зданием. Нижнюю часть этажа отвели редакции «Епархиальных ведомостей» и складам. На втором этаже компактно разместились прежде разбросанные по городу библиотека и читальня Братства, попечительство, церковное древлехранилище и другие учреждения. Третий этаж был самым шумным и многолюдным. Там находились классы и общежития учащихся школы псаломщиков.

Жемчужиной здания являлась главная аудитория, или, как теперь говорим, концертный зал, который в высоту занимал второй и третий этажи. Пол в зале выстлали паркетом, кресла поставили дубовые. Окна в два яруса впускали море света и воздуха. Самое большое чудо состояло в акустике: аудитория откликалась даже на шепот. Зал вмещал более 800 слушателей и сразу завоевал репутацию самой престижной сценической площадки Кишинева, где вскоре стали выступать знаменитости мирового уровня. В 1930 году здесь пел сам Федор Шаляпин, а уж он-то очень привередливо относился к сцене. Епархиальный дом имел два входа – со стороны Александровской и с Архиерейской площади.

Другим внутренним украшением Серафимовского дома считался музей, или, как его называли в епархии, – древлехранилище Бессарабского церковно-археологического общества. Его тоже сразу после прибытия в Кишинев взял под свою опеку Серафим. Видя, как ютятся ценные экспонаты, найденные священниками-археологами, он предоставил в распоряжение Археологического общества несколько комнат своих покоев. Совет общества, по предложению владыки, обратился к духовенству с воззванием – направлять в музей старинные вещи и книги, церковные документы, вышедшие из употребления. С легкой руки епископа в храмах стали создаваться комиссии, которые занимались пересмотром в своих округах церковной утвари и богослужебных книг. Самые древние и ценные экземпляры посылали в музей.

Древлехранилищу в новых стенах отвели три большие светлые комнаты. У любителей старины захватывало дух от здешних раритетов. Древние архиерейские и священнические облачения, архиерейские митры, посохи, древние книги, иконы и другие предметы времен первых архипастырей Бессарабии – митрополита Гавриила и архиепископа Димитрия. Восхищение посетителей вызывала коллекция рукописей XIV века, написанных на пергаменте, которую всю жизнь собирал архиепископ Неофит, умерший за год до открытия музея. Много древностей передал древлехранилищу настоятель Бендерского собора протоирей Афанасий Усиневич...

Любимое детище Серафима простояло в нашем городе около полувека. Руины епархиального дома, пострадавшего от бомбежки в 1944 году, окончательно разобрали в 1947 году при строительстве площади Победы.

ВНУЧКА МИТРОПОЛИТА

Варвара Васильевна
Черная, внучка Митро-
полита Серафима
(Чичагова)

Москвичка Варвара Васильевна Черная никогда не была в Кишиневе, но незримыми нитями она была связана с нашим городом. Связующим звеном стал Леонид Михайлович Чичагов, ее дедушка. Блестящий гвардейский офицер, герой Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, военный историк, он после выхода в отставку в чине полковника принял священнический сан.

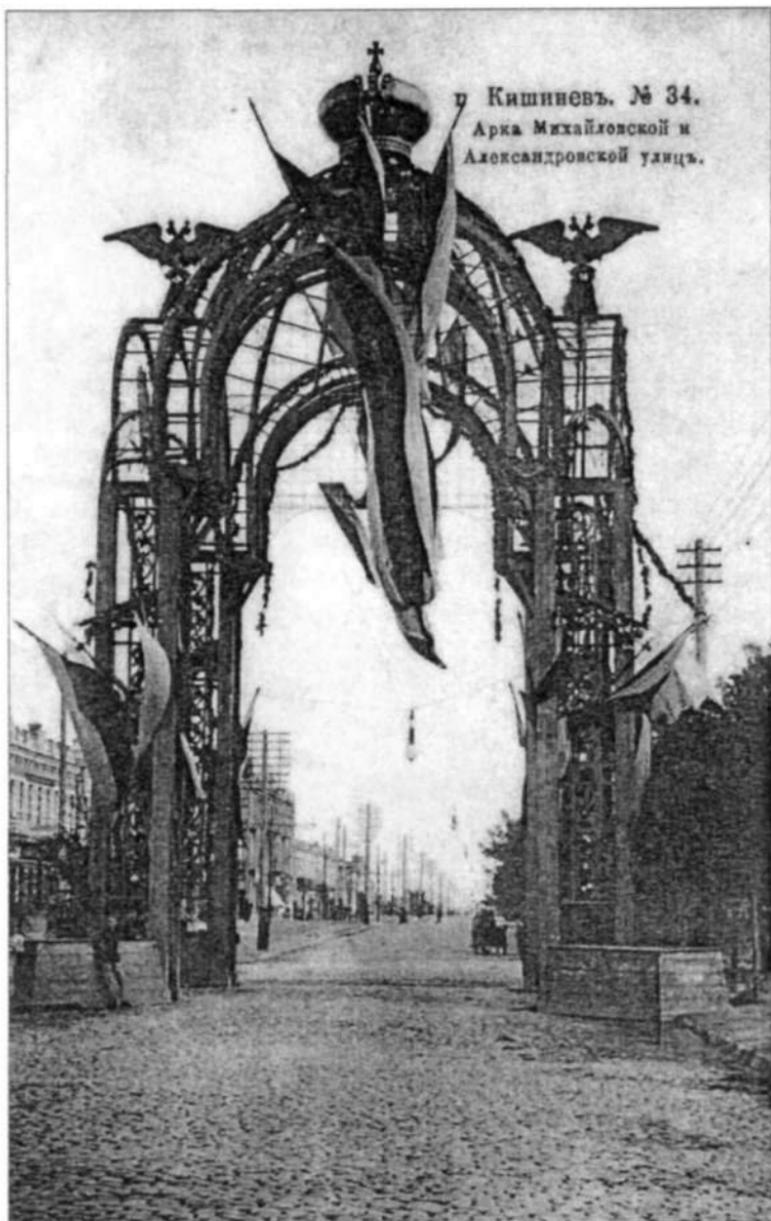
В первый год священного служения отец Леонид овдовел. Наталия Николаевна Дохтурова, супруга Л. М. Чичагова, умерла в 1895 году, оставив на попечении 39-летнего супруга четырех дочерей, старшей из которых исполнилось 15 лет, а младшей – только девять.

Леонида, одна из дочерей митрополита Серафима, получила медицинское образование. В первую мировую войну Леонида Леонидовна Чичагова, в замужестве Резон (1883-1963), потеряла мужа. Самостоятельно вырастила двух дочерей – Леониду и Варвару. (В 41-м году, когда немцы подходили к Москве, 58-летняя Леонида Леонидовна вернулась в город, стала работать в туберкулезной клинике.) В 1963 году мать Варвары приняла монашеский постриг с именем Серафимы в Пюхтинском Успенском монастыре. В том же году дочь митрополита окончила свой земной путь.

А в 1917-м, чтобы выжить, эта дочь аристократа с малолетними дочерьми перебралась в деревню, завела крестьянское хозяйство. Подросшие девочки ходили на поденщину.

Арка на улице Харлампиевской

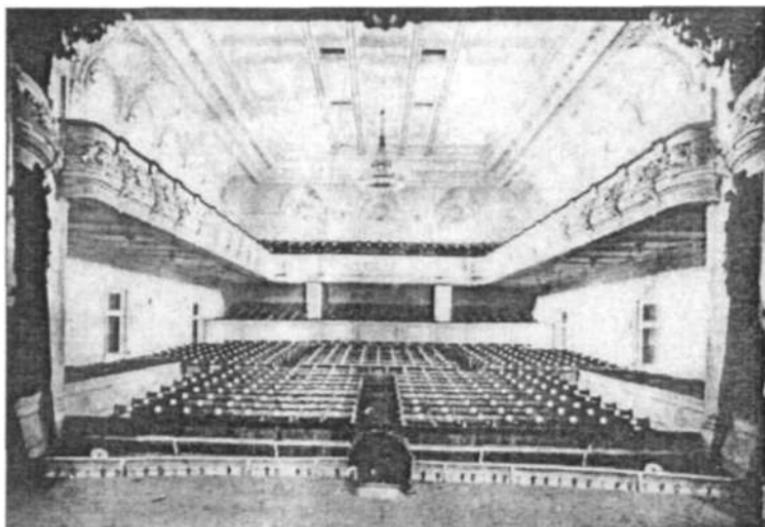
Женская гимназия Фидлер

Дворянский дом, 3-я мужская гимназия

Пушкинская аудитория

Концертный зал Пушкинской аудитория

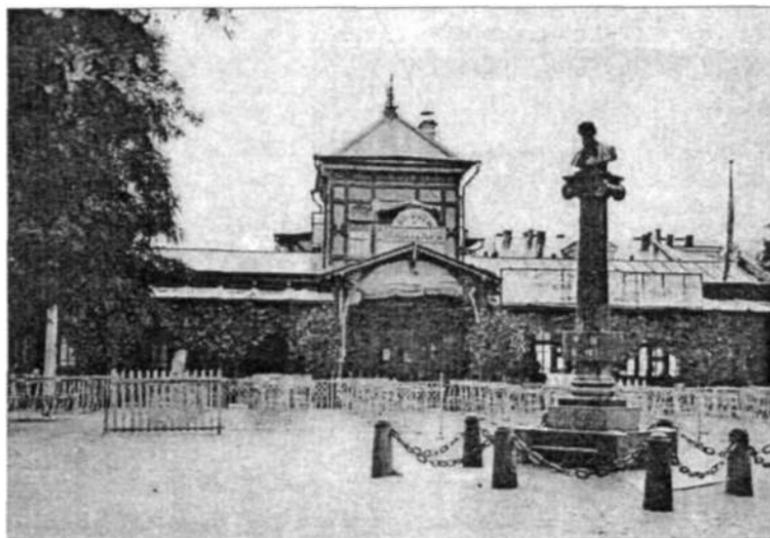
Окружной суд

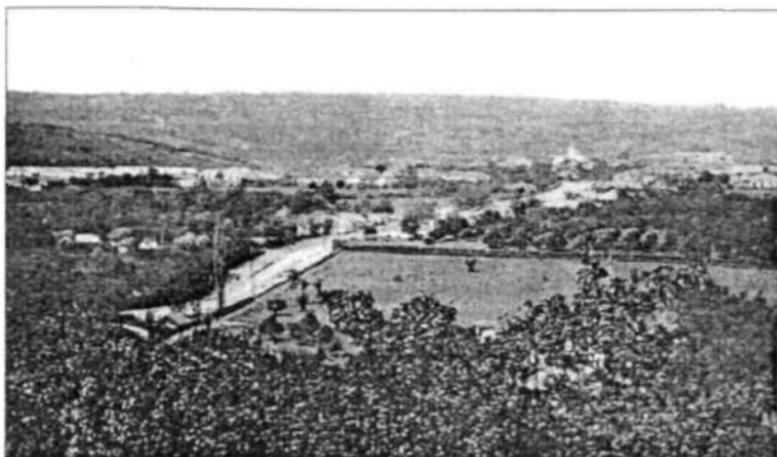
Холл Окружного суда

Дворянское собрание

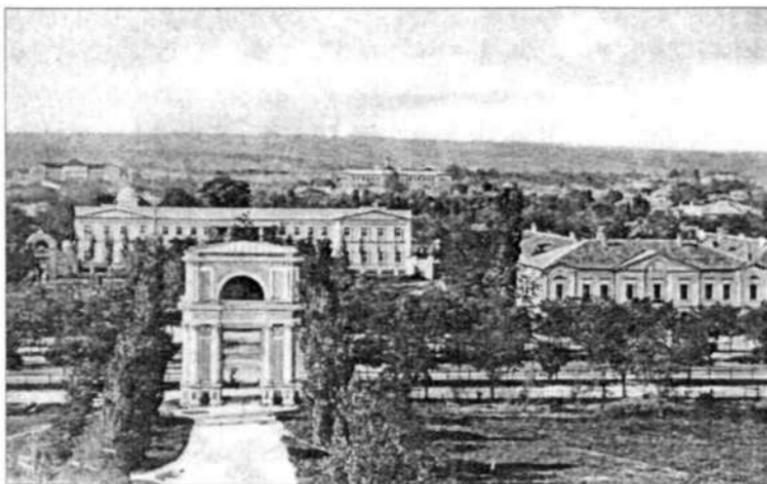
Памятник Пушкину в Городском саду

Предместье Боюканы

Дом Шварцмана по улице Пушкина

Арка – Святые ворота
Здание митрополии

Акцизное управление (дом К. А. Мими)

Потом старшую дочь взяла к себе Екатерина Леонидовна, младшая дочь митрополита. Е. Л. Чичагова (1886-1947), в замужестве Сергиевская, имела хороший голос, училась пению. В 1909 году вышла замуж за Ю. В. Сергиевского, приват-доцента Московского университета. В 1938 году он скоропостижно умер, в 1947 году от рака скончалась и Екатерина Леонидовна.

Детство Варвары безмятежностью не отличалось. В шесть лет дочь сказала матери: «Я всегда смогу прокормить тебя – я выучилась хорошо мыть полы». В семь лет девочка стала водить коней по кругу на молотилке сельхозартели. За это «работнице» выдавали мешок картошки или капусты.

«В первые годы советской власти, – рассказывала Варвара Васильевна Чичагова много лет спустя, – иметь родственником митрополита, который был лично знаком с государем, и в 1903 году организовал в Сарове и Дивееве грандиозные торжества по прославлению преподобного Серафима, не считалось большим везением. Поэтому мне трудно упрекать своих теток – его дочерей, что они старались не афишировать свое родство с митрополитом и не часто его навещали».

В 1926-28 годах митрополит Серафим после тюремного заключения жил в женском Сергиевом монастыре под Шуей в Ивановской области. Будучи хорошим музыкантом, он создал там хор, проводил спевки. Благодаря средствам, заработанным Варварой на уборке урожая, семья несколько раз ездила на лето к бабушке. Жизнь в монастыре с его уставом и распорядком тогда и стала близка душе внучки. Вопрос о вере перед ней никогда не стоял: Бог всегда пребывал в ее сердце...

Московскую школу, в которой училась Варвара, в 9-м классе перепрофилировали в нефтехимический техникум. После его окончания Варя поступила в Институт

тонкой химической технологии по причине того, что там имелось вечернее отделение, а это давало возможность совмещать учебу с работой лаборанта Военно-химической академии. Конечно, любимым предметом Варвары была химия. Как-то она ехала с однокурсницей на экзамен. Подруга пожаловалась, что не смогла одолеть один из разделов учебника по химии. Пока трамвай вез студенток к институту, Чичагова объяснила трудное место. На экзамене, не задав ни одного вопроса, преподаватель поставил ей «отлично». Оказалось, химик сидел в трамвае позади студенток и слышал объяснение Варвары.

На втором курсе из-за дворянского происхождения Варвару Чичагову отчислили из института. Но студентка вместе с однокурсниками из параллельной группы упорно продолжала посещать занятия. Когда окончила институт, то ее документы нашли среди отчисленных студентов. Спихватились, но делать нечего – пришлось выдать диплом.

В это напряженное время учебы и работы внучку поддерживал дед. В 1936-37 годах митрополит жил с семьей под Москвой, на станции Удельная. Он всегда дожидался возвращения внучки из института, расспрашивал ее о занятиях, благословлял и отправлял ужинать...

В 1939 году, окончив вуз, технолог-резинщик Резон получила место инженера на известном московском заводе «Каучук». В 1941 году, когда немцы наступали на Москву, завод демонтировали и эвакуировали в Свердловск. Но Варя не хотела покидать Москву. И пришел приказ восстанавливать предприятие – поскольку завод выпускал изделия для авиационной промышленности, аэростатные ограждения и другое. В сжатые сроки надо было выполнять правительственные задания и заказы фронта. Пятеро инженерно-технических работников, в числе которых была 28-летний специалист Резон, стали

в пустых цехах заново создавать производство. Технолог Варя стала восстанавливать рецептуру выпускаемой продукции по памяти. Как и все итээровцы, она месяцами жила на заводе, спала по 2-3 часа в сутки, во время бомбежек гасила немецкие зажигалки, но обеспечивала бесперебойную поставку заводской продукции фронту.

В 1946 году Варвару, учитывая ее производственный опыт, пригласили заведовать лабораторией того института АН, где она когда-то лаборанткой мыла пробирки. В аспирантуру попала не сразу. На одно место претендовали две кандидатки-«резинщицы», Варвара Васильевна Резон и Екатерина Алексеевна Фурцева, которая в то время была секретарем райкома, а ее конкурентка даже в пионерах и комсомольцах не состояла. Резон в аспирантуру приняли на заочное отделение с третьего захода.

В 1957 году, окончив аспирантуру, Варвара Васильевна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. С 1966 по 1982 годы она являлась заместителем директора института по науке, защитила докторскую, стала профессором. В течение двух лет она исполняла обязанности отсутствовавшего директора, занималась строительством высотного корпуса института. Кроме 150 научных работ, Варвара Васильевна имела 36 патентов на новые технологии – в том числе в области радиационной безопасности. Она участвовала в разработке скафандров для космонавтов и специальных перчаток для выхода в открытый космос. Публикации создали ей авторитет в научных кругах, и она стала ученым с мировым именем. С 70-х годов ее стали посылать за границу на различные конференции и симпозиумы, где Варвара Васильевна выступала с докладами на английском языке.

Загруженная научной и административной работой, Варвара Васильевна находила время помогать двум лежащим старым монахиням, которые в свое время служили

вместе с ее дедом. Мало кто знал, что деньги от полученной Государственной премии СССР Варвара Васильевна перевела в Пюхтицкий монастырь, где, под именем монахини Серафимы, находилась ее мать... Муж Варвары Васильевны – крупный специалист по фарфору, боготворил свою жену, называя ее «моя Варюша». Николай Валентинович Черный, будучи замдиректора Музея керамики в Москве, как враг народа отсидел в тюрьме пять лет, прошел войну и долго не мог устроиться на работу. К любимой работе вернулся только после смерти Сталина. Счастливое супружество Варвары и Николая продлилось 38 лет. В 1938-м скоропостижно умер муж, Варвара Васильевна отпела супруга в церкви и поставила крест на его могиле. Внезапная смерть любимого человека потрясла ее. Она была ученым с мировым именем, лауреатом Госпремии, но как человек религиозный знала, что с этим к Богу идти было нельзя.

Уйдя в 1986 году на пенсию, Варвара Васильевна для стяжания христианского смирения стала нести послушание за свечным ящиком в храме святого пророка Ильи (Обыденский переулок) в Москве. Продавая свечи, крестики, иконки, матушка Варвара часто беседовала с людьми, пришедшими в храм. Вскоре она стала вести православные семинары, благодаря которым немало московской интеллигенции вернулось к вере. 13 октября 1994 года 80-летний ученый с мировым именем была пострижена в монахини с именем Серафима. Через месяц митрополит Крутицкий и Коломенский, Ювеналий, назначил Чичагову-Черную руководить возрождением монашеской жизни в московском Новодевичьем монастыре, который открылся после 76-летнего перерыва.

Как в далекие военные годы, Варвара Васильевна энергично взялась за дело. В отличие от производственного предприятия, в этот раз ей пришлось заниматься не

столько хозяйственной деятельностью, сколько лепить души первых насельниц монастыря. Жили сестры сначала на холодном чердаке. Через год освободилось теплое полуподвальное помещение для келий. Тесная комната игуменьи и трапезная находились на первом этаже корпуса, в подвале которого стояла вода. Монахини, видя, с каким мужеством настоятельница справляется с трудностями, следовали ее примеру. Благодаря матушке Серафиме в монастыре появился хор, начались занятия по богословию. А потом события стали разворачиваться, будто ими руководил небесный дирижер. Администрация музея «Новодевичий монастырь» приняла решение передать монастырю в аренду Певческий корпус. Для перепланировки помещений и их реставрации нашлись бюджетные деньги. И в 1998 году в монашеских кельях, которые разместились в отремонтированном здании, появились все удобства. В течение нескольких лет музей на арендных условиях передал монастырю Успенский храм и часть храма Амвросия Медиоланского, а также старинные иконы, царские врата и церковную утварь. За хозяйственными хлопотами не видна была поисковая работа монастыря. Тем не менее, по заданию матушки профессиональные архивариусы по крупицам собирали сведения о монашеской братии, благодетелях Новодевичьего монастыря.

Все годы Варвара Васильевна постоянно обращалась своими мыслями к деду, не прекращая работы над его наследием. В 1992 году она подготовила к изданию двухтомник его трудов «Да будет воля Твоя». Под руководством наставника Ювеналия, митрополита Крутицкого и Коломенского, матушка занималась сбором архивных материалов, которые стали основой для канонизации ее деда митрополита Серафима (Чичагова).

16 декабря 1999 года на 86-м году жизни матушка

Серафима, настоятельница Московского Новодевичьего Богородице-Смоленского монастыря, отошла в мир иной. Вскоре в ее рабочем кабинете открылась мемориальная комната. Самая большая реликвия музея – осколок камня, на котором преподобный Серафим Саровский молился тысячу дней и ночей. В музее много икон, книг, фотографий, личных вещей матушки Серафимы. Головной платочек, в котором Варвара Васильевна простояла шесть лет за свечным ящиком. Старинная серебряная чайная ложечка с выгравированным на ней номером «Г-253». Ложечка принадлежала Николаю Валентиновичу, мужу Варвары Васильевны, который под этим лагерным номером провел на Соловках не один год..

Материал для этой статьи нам передала жительница Кишинева Татьяна Виколаш, которая, находясь в Москве, получила благословение на публикацию материала настоятельницы Московского Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря.

УРОК ОДНОЙ ЖИЗНИ

Елена Лысенко, заместитель руководителя представительства Росструдничества в Молдове

15 января 2011 года в день празднования православной церковью второго обретения святых мощей преподобного Серафима Саровского, в Бюро межэтнических отношений в рамках культурологического проекта «Бессарабские истории» информационно-аналитического еженедельника «Кишиневский обозреватель» прошла встреча па-

мяти священномученика митрополита Серафима (Чичагова).

Встреча была приурочена к 155-летию со дня рождения владыки Серафима (Чичагова). В ней приняли участие Елена Лысенко, заместитель руководителя представительства Россотрудничества в Молдове, протоиерей Максим (Мелинти), сотрудник митрополии, Вера Петухов, заместитель генерального директора Бюро межэтнических отношений, Владимир Девушкин, исследователь истории гонений в XX веке на Русскую Православную Церковь (Москва), Людмила Лашенова, председатель Русской общины Молдовы, настоятели монастырей и храмов республики.

Чичаговы принадлежали к старинному русскому дворянскому роду, представители которого внесли огромный вклад в историю России. Один из предков будущего владыки – Яков Матвеевич Чичагов – командовал военным кораблем на Балтике во время Великой Северной войны (1700-1721 гг.) Другой знаменитый предок – Павел Васильевич Чичагов, первый морской министр России, прославивший Отечество блестящими победами на море и на суше, участник Отечественной войны 1812 года. Сын адмирала, Михаил Павлович, стал артиллерийским генералом. У Михаила Павловича и Марии Николаевны, родителей будущего митрополита, было четверо сыновей.

Младший, Леонид, родился 9 января 1856 года в Санкт-Петербурге. После окончания 5-го класса гимназии был зачислен в Императорский Пажеский корпус и после его окончания получил звание офицера гвардейской конной артиллерии.

В чине поручика Леонид Михайлович участвовал в кровопролитных сражениях Русско-турецкой кампании 1877-1878 годов. За личное мужество и храбрость 21-летний поручик удостоился орденов – святой Анны 4-й степени с надписью за «храбрость», святого Станислава и святой Анны 3-й степени с мечами и бантами. За отличие в боях при осаде и взятии Плевны главнокомандующий армией генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Скобелев отметил поручика Леонида Чичагова в приказе по армии и лично вручил ему именную саблю с дарственной надписью Императора «За храбрость».

После войны по поручению Александра II Леонид Чичагов составил «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году». Для сбора материала для написания документальной повести о буднях войны и о 8-месячном пребывании российского царя на фронте в качестве брата милосердия автору понадобилось 7 лет. Леонид Чичагов разослал тысячи писем в полки, батареи, госпитали, военные учреждения, которые принимали участие в турецкой кампании с просьбой к участникам балканских сражений прислать ему свои воспоминания. «Дневник» выдержал три издания и был переведен на болгарский язык. Фердинанд, князь болгарский, отметил заслуги документа листа орденом «За гражданские заслуги», а портрет Леонида Чичагова поместил в национальный музей города Софии.

В 1881 году 25-летнего капитана гвардейской артиллерии Чичагова откомандировали во Францию для изучения техники военного дела. Результатом поездки стал труд о французской артиллерии. Исследование Леонида Чичагова перевели на французский язык, а автора наградили орденом Почетного Легиона. Как эксперт капитан Чичагов принимал участие в вооружении крепостей на западной, границе, а также в вооружении болгарской ар-

мии, за что князь болгарский Александр наградил его орденом Св. Александра со звездой.

Однако военная карьера не удовлетворяла Леонида Михайловича. В 1891 году, будучи адъютантом великого князя Михаила Николаевича, полковник Чичагов, к великому изумлению друзей и родственников, вышел в отставку, избрав путь священства, на который наставил его духовный отец, святой праведный Иоанн Кронштадтский. Леонид Михайлович Чичагов переехал с семьей из Петербурга в Москву. Готовясь к принятию сана, со свойственной ему энергией он приступил к изучению святоотеческой литературы...

За долгие годы священнослужения Леонид Михайлович (Чичагов), получивший монашеское имя Серафим (в честь Серафима Саровского), трудился во многих местах: в Москве, Троицко-Сергиевой Лавре, Суздале, Новом Иерусалиме, Сухуме, Орле, Твери. На каждом месте своего служения владыка Серафим занимался восстановлением разрушенных храмов и монастырей, боролся с революционной смутой, расколами в церкви, деятельно обустроивал церковно-приходскую жизнь.

Шесть лет (1908–1914) владыка Серафим служил епископом Кишиневским и Хотинским. Он много сделал для возрождения церковно-приходской жизни в нашем крае, стал инициатором сооружения епархиального дома и изыскал нужные для этого средства. Несмотря на огромную занятость, вникал во все детали плана, сметы, производства работ. Находясь летом на лечении в Кисловодске, он через телеграф отдавал распоряжения и контролировал строительство. Неудивительно, что возведение грандиозного здания, в котором потом разместились все епархиальные учреждения (попечительство, ссудные кассы, псаломщический класс, Христорожественское Братство, Церковно-археологическое общество, миссионерский ко-

митет, библиотеки и др.) – завершилось за год и три месяца. Освящение «европейского красавца», как потом часто называли архитектурное детище владыки, украсившее площадь перед Кафедральным собором, состоялось 18 декабря 1911 года. Служа в Бессарабии, владыка не раз отмечал, что в нашем крае, кроме чудотворной Гербовецкой иконы Божией Матери, нет особо чтимых святых. И он взял на себя заботу даровать такие святыни...

Инициативная группа проведения встречи в лице Максима Плетенского, студента богословского факультета Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ), Полины Гридневой, музеографа Национального художественного музея РМ, Диомида Бузулана, гида Паломнического центра Свято-Антониевского храма из Шолданешть и автора этих строк, журналистки «КО», – составила «реестр» монастырей и храмов Молдовы, где сохранились святыни, подаренные святым обителям митрополитом Серафимом в период его пребывания на Кишиневской кафедре.

В Кафедральном соборе рядом с алтарем находится икона преподобного Серафима Саровского с частицей святых его мощей, написанная в Свято-Троицкой-Серафимодивеевской обители. Если внимательно присмотреться к иконе, то на потемневшей серебряной пластине можно прочесть: «Сия икона преподобного Серафима Саровского чудотворца с частицей святых его мощей принесена в дар Суручанскому Свято-Георгиевскому монастырю Кишиневской епархии Преосвященным Серафимом, епископом Кишиневскими Хотинским в 1910 на молитвенную память о нем». В Цыганештском монастыре хранится икона Святого Великомученика Пантелеймона, которую на встречу привез настоятель святой обители отец Иринарх (Костру). Монах Алексей, делегат от Кицканской Ново-Нямецкой лавры, разумеется, не смог доста-

вить в Кишинев святыню, связанную с именем Серафима (Чичагова), и он рассказал о ней участникам встречи.

Это – 70-метровая колокольня, увенчанная колоколом весом в 543 пуда, построенная к полувековому юбилею сооружения храмового комплекса. Колокольню поныне украшает чугунная плита: «Сия колокольня со звонами сооружена в царствование благочестивейшего самодержавнейшего великого Государя Императора всея России Николая II Александровича, при Высокопреосвященнейшем Серафиме, архиепископе Кишиневском и Хотинском, усердием и старанием третьего настоятеля Ново-Нямецкого монастыря архимандрита Германа с братией в 1913и 1914 годах».

У отца Василий (Чобану), настоятеля храма святителя Николая села Костешть района Яловень оказалось два сюрприза. Кроме иконы Св. Николая, подаренной владыкой Серафимом Костештской церкви, батюшка приготовил всем музыкальный подарок.

Отец Василий (Чобану)

Дело в том, что митрополит Серафим (Чичагов) был не только проповедником, богословом, но врачом, создавшим собственную систему лечения, художником, музыкантом. Московское Общество почитателей памяти священномученика митрополита Серафима и игуменьи Серафимы, под председательством Ольги Ивановны Павловой, прислало в Кишинев уникальные материалы о жизненном пути священномученика Серафима, иконы, написанные владыкой, а также ноты его духовно-музыкальных сочинений. Костештский церковный молодежный хор исполнил три духовные кантаты митрополита Серафима. Впервые эти песнопения прозвучали в

Кишиневе сто лет назад на духовных концертах в Серафимовском епархиальном доме.

К слову сказать, отец Василий – священник во втором поколении, и в его храме много делается для укрепления церковно-приходской жизни. В 2007 году при храме открылся творческий центр для детей «St. Filaret cel Milostiv», в котором сельские ребята под патронатом матушки Ларисы и местных народных мастеров обучаются ковроткачеству, вышивке, лозоплетению, оригами, изготовлению поделок из природных материалов. Пару недель назад юные мастера с успехом продемонстрировали свои работы в Киеве.

Главным событием встречи стало выступление московского гостя. Владимир Девушкин, приехавший в Кишинев по поручению Ольги Ивановны Павловой, привез много редких книг и письма преосвященного Серафима, архиепископа Кишиневского и Хотинского графине Софье Сергеевне Игнатьевой, написанные им в Кишиневе в 1908-1910 годах. А также копии икон написанных священномучеником митрополитом Серафимом – «Спаситель в белом хитоне» и «Преподобный Серафим Саровский в молении на камне». Кандидат юридических наук Ольга Павлова – биограф игуменьи Серафимы (в миру Варвары Васильевны Черной-Чичаговой).

Внучка митрополита была ученым-химиком, профессором, заслуженным деятелем науки и техники. В 72 года она пришла в храм пророка Илии в Обыденном переулке и стала нести послушание за свечным ящиком. Через несколько лет стала настоятельницей московского Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря, много сделала для восстановления в нем монашеской жизни, богослужений, благолепия всего монастырского подворья.

Игуменья Серафима приняла действенное участие в сооружении храма Святых новомучеников и исповедников на Бутовском полигоне. Здесь 11 декабря 1937 года

расстреляли ее 82-летнего деда, митрополита, который через 60 лет был канонизирован Собором РПЦ в лике священномучеников. Матушка Серафима активно участвовала в подготовке к выпуску его научных, публицистических и богословских трудов.

Весь этот материал, озвученный участниками встречи, произвел на всех, кто пришел на мероприятие, неизгладимое впечатление. Оказывается, за одну человеческую короткую жизнь можно многое успеть. Послужить за Отечество, создать семью, принять сан, восстанавливать монастыри и храмы, пострадать за веру и вознестись в небеса...

КАК СНОСИЛИ СТАРЫЙ СОБОР

Жители Кишинева в XVIII столетии, благодаря содействию и заботам молдавских монастырей, находившихся в ведении патриарха Иерусалимского, построили (в районе нынешнего бульвара Ренаштерий) святую обитель во имя Св. Николая. 2 июня 1806 года вместо этой церкви сыновья протоиерея Константина Макарескула соорудили храм во имя Св. Архангела Михаила.

Старый Собор

Через 6 лет, в 1812 году, когда русские воины освободили наш край от турецкого владычества, Бессарабия вошла в состав Российской Империи. Именно в Свято-Архангело-Михайловской церкви бессарабцы присягнули русскому царю на верное подданство. Вскоре после этого события церковь получила статус кафедрального собора, который стал местом молитвенного служения архипастыря митрополии Гавриил-

ла Бэнулеску-Бодони, выпускника Киевской духовной академии. Резиденция митрополита находилась рядом с храмом, впоследствии в ней открылся церковный музей.

В 1818 году святую обитель посетил император Александр I, прибывший познакомиться с Бессарабским краем. Августейший гость поблагодарил митрополита Гавриила и епископа Димитрия за труды и мудрую церковно-административную деятельность.

В 1902 году Кишинев начал приготовления к торжествам по случаю столетнего юбилея храма. Обитель получила разрешение на сбор пожертвований на капитальный ремонт внутри и снаружи здания. Иконостас реставрировали по фотографиям старых образов, которые запечатлели члены Бессарабского археологического общества. В преддверии славной даты в притворе храма, на южной его стене, укрепили небольшую мраморную плиту с надписью на молдавском языке. Находку случайно обнаружили среди всякой всячины в кладовой. Теперь каждый прихожанин, входя в храм, мог прочитать: «Сей святой и Божественный храм Св. архангелов Михаила и Гавриила, а издревле Св. иерарха Николая города Кишинева Лапушнянского уезда, вновь и с основания устроен и украшен нами, братьями, майором Иоанном и сардарием (воинский чин) Федором, сыновьями протоиерея Константина Макарескула в память и славу чествования со стороны нашей сего праздника. С умиленным сердцем молим Господа Бога, чтобы он принял свое от своих, и чтобы хранил град и здание сие вовеки. Аминь. 1806 г. июня 2».

Празднование столетия Архангело-Михайловской церкви прошло 24 сентября 1906 года. Сотни горожан пришли отметить ее день рождения. Площадь перед храмом, как и весь церковный двор, украшали национальные флаги и цветы. К половине десятого под звон колоколов в храм прибыл епископ Аркадий. После Божественной литургии владыка с серебряным архиерейским жезлом ми-

трополита Гавриила и с хорошо сохранившейся митрой иерарха (в сопровождении кишиневского духовенства) совершил крестный ход. Обращаясь к пастве, епископ Аркадий, произнес: «Поведаем нашим детям и внукам, что вера в Бога и надежда на Него низводят на землю милосердие и помощь Всемогущего. Эту истину завещаем же в наследство нашим потомкам. Памятником исповедания нами этой святой истины да послужат сотни тысяч православных храмов по всей земле»...

Минуло чуть более полувека, и осенним утром 1963 года к храму пригнали технику. Здание, несмотря на свой почтенный возраст, от первых ударов даже не дрогнуло. «Я шла в школу, – рассказывает Людмила Шевченко, жительница Кишинева, – и вдруг возле церкви увидела настоящий танк, который пытался протаранить толстые стены. На другой день, идя той же дорогой, увидела, что церквушка стоит, как и прежде. Моя набожная бабушка, следившая за развитием событий, всю неделю извещала домочадцев, как власти сражаются с храмом». Архитектор Г. Босенко, поведавший историю бульвара Ренаштерий на страницах «КО», тоже оказался очевидцем этого события. Храм так построили, что рабочие не могли расшатать стойки, на которых крепился колокол. Обвязав тросами, их попытались вырвать тягачом. Тросы разрежали здание, словно ножом, стены сели, но не рухнули. Так слоями их и кромсали...

В 1965 году на месте Архангело-Михайловского храма появился широкоформатный кинотеатр «Москова». В 90-х здание перешло в частные руки, и кинотеатр перепрофилировали в развлекательный центр. Но его дни оказались столь коротки, что горожане не успели к центру привыкнуть. Не один год бывший кинотеатр стоит в печальном запустении, и его одиночеству не видно конца. Может, оттого что здание не на своем месте? Говорят, в его подвалах сохранился фрагмент кладки Старого Собора.

ЧТО НИ ШАГ, ТО ИСТОРИЯ

ВИЗИТ ИМПЕРАТРИЦЫ

Императрица
Мария Александровна

Триумфальная арка, украшающая центральную площадь Кишинева, является таким же символом Молдовы, как флаг и герб. Святые Врата, как вначале назывался этот памятник, были построены в 1840 году в честь победы русской армии над оттоманским воинством и служили главным въездом в Соборный парк. Создателем их стал кишиневский архитектор Лука Карпович Заушкевич,

взявший за основу проект Триумфальной арки в Риме. Святые Врата, по задумке зодчего, входили в единый архитектурный ансамбль, включавший Кафедральный собор, колокольню и здание митрополии (теперь на его месте – здание правительства). И все торжественные шествия тогда проходили по традиционному маршруту – из митрополии через арку, мимо колокольни в Кафедральный собор. Арка разделена на два яруса. Нижний – со сквозными проездами; на верхнем этаже в особой пристройке висит великан – колокол в 400 пудов (более 6,5 тонны). Отливали пять колоколов для Святых Врат по ходатайству бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова, на которое дал «добро» царь Николай I. Материал – трофейные турецкие пушки из крепости Силистрия, хранившиеся в Измаильской крепости. Старин-

ные куранты, вмонтированные в фасад арки, под аккомпанемент двух колоколов, соединенных с часами, продолжают извещать горожан о неутомимом беге времени.

Творение Заушкевича было не единственным монументальным

сооружением такого рода в Кишиневе. Через 27 лет после строительства Святых Врат на улице Александровской в губернском городе за шесть месяцев 1867 года появилось пять (одна лучше другой) триумфальных арок.

Причиной необычного явления стал визит в Бессарабию 43-летней императрицы Марии Александровны. 13 июня 1867 года Ее императорское величество с сыновьями Сергеем и Павлом, направляясь на лечение в Крым, внесла в свой маршрут и Кишинев. Августейший транзит вызвал глубокое волнение в местном обществе. Начальник области для отдыха путешественников выделил свой особняк и вместе с помощниками из членов городской думы стал готовиться к встрече высоких гостей. На всем пути царского кортежа по городу было решено установить Триумфальные арки.

Первую (на дворянский и купеческий капитал) поставили на улице Павловской у Оргеевской заставы, рядом с каменным мостом через реку Бык. Украсили арку вензелями императрицы

Еврейская арка

Дворянская арка

Арка Благородного собрания

и государственными флагами Российской империи. Арку в мавританском стиле построили на средства еврейской общины по проекту архитектора Леопольда Шейденвандта. Четыре ее ко-

лонны завершались башенками с позолоченными куполами. По одну сторону арки была надпись: «Тобой веселимся и торжествуем», с другой – «Охрани тебя Бог на всех путях!» Арку поставили на пересечении улиц Павловской и Золотой, между домами Никопольского и Каушанского. Третью красавицу, созданную на средства кишиневских дворян, купцов и ремесленников, разместили напротив Кафедрального собора, между домами Крупенского и Катаржи. Проект двух арок создал одаренный художник-строитель, именитый бессарабский зодчий Александр Бернардацци.

Все три архитектурных памятника радовали глаз, но арка у собора вызвала у горожан особое восхищение. Прогуливаясь около изящного сооружения, публика стремилась прочесть на ажурной конструкции, построенной в византийско-русском стиле, два приветствия августейшей гостье: «С восторгом зрим тебя впервые» и «Молитвы наши, Царица, сопутствуют тебе». Самые остроглазые умудрялись разглядеть еще два слова – «Гряди с миром».

13 июня с полудня улицы и площади, особенно Соборная, стали заполняться народом. Поглазеть на царское семейство съезжались из сел. Все окна, балконы, крыши домов по маршруту императрицы были заняты. Между арками выстроили воспитанниц женских пансионов и

гимназии. Одни девушки стояли в форменных платьях с букетиками цветов, другие – в белых нарядах, с венками на прелестных кудрях, которые стоили парикмахеру немалых усилий. К их ужасу, в три часа вдруг хлынул дождь, который прекращался и возобновлялся пять раз! Но ни промокшие барышни, ни кто-либо другой не оставили своего поста. В четыре часа появился императорский кортеж. Многотысячное «ура» прокатилось по городу. На ступенях Кафедрального собора императрицу с сыновьями встретил архиепископ Антоний. После короткого молебна он напутствовал путешественников чудотворной иконой Гербовецкой Божьей Матери...

Через пять месяцев, 25 октября, царская семья тем же маршрутом возвращалась из Крыма в Петербург. За это время кишиневские власти построили еще две арки, которые спроектировал Александр Бернардацци. На сей раз Мария Александровна прибыла в город в восьмом часу вечера. Блистательная иллюминация триумфальных ворот и бледные лучи месяца освещали нарядную центральную площадь, заполненную народом. Элегантную карету сопровождали всадники с факелами. Вот высочайший поезд остановился у губернаторского дома. На пороге гостью встречают хлебом-солью городской голова и депутаты от разных городских сословий. Вот и закрылись двери за царской семьей, но горожане продолжали стоять под ярко освещенными окнами губернаторского дома. Спустя несколько часов, когда все официальные визитеры разъехались, уставшая Мария Александровна подошла к окну. Сотни людей, терпеливо ожидавших ее появления, радостно приветствовали императрицу. Она увидела множество приветливых улыбающихся незнакомых лиц, и у этой всегда сдержанной уроженки немецких земель заблестели глаза...

Русскую императрицу Марию Александровну в де-

вичестве звали Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария. Историки считают ее одной из самых обаятельных женщин в династии Романовых. В Россию 16-летняя дочь герцога Гессен-Дармштадского приехала веселой и влюбленной. Цесаревич Александр, будущий император, разыскал этот редкий цветок, путешествуя по Западной Европе, влюбился в Марию и на ней женился. Высокая, тоненькая и хрупкая – она выглядела моложе своих лет. Один из современников отмечал в императрице редкое изящество, которым отличаются на старых немецких картинах мадонны кисти Альбрехта Дюрера. Через всю свою жизнь Мария Александровна пронесла чувство преданной, беззаветной любви к мужу. Она пережила шесть покушений на императора, годами жила в тревоге за него и детей.

Много сил она посвятила благотворительности и заботам о женском образовании. Возглавляла огромное благотворительное ведомство Мариинских гимназий и воспитательных учреждений, создавала женские епархиальные училища, ремесленные школы для мальчиков и школы рукоделия для девочек, открывала сиротские приюты. В Санкт-Петербурге она основала крупнейший в России театр и балетную школу. И школа, и знаменитый театр полностью содержались на средства императорской семьи и лично Марии Александровны... Во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов она открыла первое в России отделение Красного Креста и организовала много военных госпиталей.

...Слабое здоровье вынуждало императрицу по несколько месяцев в году проводить за границей или в Крыму. В 1860 году по указу царя для Марии Александровны было приобретено имение в Ливадии, куда она ездила несколько раз. Но болезнь сердца и чахотка прогрессировали, и в 1880 году 56-летней государыни не стало...

Память об этой незаурядной женщине живет в имени одного из известных театров мира – это Санкт-Петербургский Мариинский театр оперы и балета. В Кишиневе о визите великой императрицы напоминают лишь старые открытки с легкими и изящными триумфальными арками.

ЧРЕВО КИШИНЕВА

В 1812 году, после присоединения Бессарабии к Российской империи, в Кишинев хлынули переселенцы. Население города стало быстро расти, и через шесть лет город получил статус столицы Бессарабской губернии. В 1856 году Кишинев по числу жителей занимал пятое место в империи. Рос Кишинев, а с ним и его «чрево» – базары.

Рядом со Старым собором, на месте которого в 60-х годах XX века построили кинотеатр «Москова», процветал «супермаркет» позапрошлого века – Старый базар, где можно было купить все. Попадая сюда, горожане окунались в привычную сутолоку, шум и гам.

Ильинский базар находился в нижней части города (где теперь по ул. Митрополита Бэнулеску-Бодони стоит здание «Asito»). Название рынок получил от стоявшей рядом церкви во имя пророка Ильи.

Новый базар

Новый базар

Здесь рынок отличался дешевыми овощами — его окружали сплошные огороды, хозяйки со своими кухарками, иногда в сопровождении мужей, устремлялись сюда на извозчиках ни свет, ни заря. Именно этих клиентов торговцы встречали с особым почетом, выкладывая перед ними лучший товар.

Сливочное масло, украинское затыливым

узором, выкладывали на чистых виноградных или капустных листьях. Большинство крестьян сбывали его только для продажи, сами не лакомились деликатесным продуктом даже в праздники — копили деньги на покупку земли. Сметану продавали в глиняных кувшинчиках, обвязанных чистой тряпичей. Молочницы из пригорода имели постоянных клиентов, разносили им молочные продукты по домам. Яйца, чтобы не бились по дороге, привозили в кукурузной муке.

Большинство продуктов покупали у постоянных продавцов и в одних и тех же лавочках, что позволяло брать товар в кредит. В мясной лавке звучали полузабытые теперь названия частей разделанной туши: «оковалок», «рулька», «щуп», «огузок». Первым делом хозяин интересовался, что мадам желает приготовить, и предлагал особый, «только для вас» припасенный товар. Взвешивание и расчет производились под расспросы о здоровье мужа, детей, родителей посетительницы.

Овощи и фрукты для зимних заготовок горожане закупали корзинами, арбузы и дыни – повозками. Дары осени складывали на зимнее хранение в глубокие погреба, которые имелись при каждом доме. Продукты под землей сохранялись не хуже, чем в современных холодильниках: зимой в погреба складывали пиленный лед.

Вистерниченский рынок, открывшийся после войны, занимал территорию нынешней транспортной развязки на Петриканах. Сельчане привозили сюда овощи, фрукты, вино. От услуг Вистерниченского базара городские власти отказались в 1973 году, когда началась прокладка скоростной дороги.

Скотопригонный рынок на Сенной площади, где покупали домашних животных и птицу, просуществовал до строительства Республиканского стадиона. Живность на базар торговцы часто гнали своим ходом. По всему маршруту движения мычащей или гогочущей группы горожане выходили из домов, опытным глазом присматривали «добычу», обращались к погонщикам. Те специальным крючком вылавливали скотину за заднюю ногу. Жирность птицы хозяйки определяли по цвету кожи. Они раздували ей перья, придирчиво осматривали со всех сторон.

С 16 октября по 25 ноября (начиная с 1829 года), по ходатайству Кишиневского купечества, возле Чуфлинской церкви устраивалась Дмитриевская ярмарка. В конце сентября на площадке начинали стучать топоры, визжать пилы – сооружались легкие строения для лавок, питейных и увеселительных заведений. Открывался парк аттракционов с качелями-каруселями, приезжал цирк шапито. Постоялые дворы до отказа заполнялись приезжими торговцами. В селах заканчивался сбор урожая, и крестьяне заваливали Дмитриевскую ярмарку товарами сельскохозяйственной продукции. В Харькове зати-

хала Успенская ярмарка. Нераспроданную ткань, обувь, посуду, металлические и стеклянные изделия торговцы привозили в Кишинев. Промышленные товары доставлялись также из Одессы, Москвы, Петербурга. Бессарабские ремесленники предлагали обновки к зиме – овчинные тулупы, меховые безрукавки – бондицы. Русские и украинские купцы увозили из Кишинева в Подольскую, Киевскую, Херсонскую, Владимирскую, Калужскую и Тульскую губернии вино, шерсть, сало, орехи, сушеную сливу, мед, табак. Среднегодовой оборот Дмитриевской ярмарки в 1842–45 годы исчислялся 22 561 рублем серебром, в 1856–59 он достиг 42 194 рублей. С первой четверти XX века ярмарочная торговля утратила свое значение, уступив лидерство базарам и лавкам.

Историк Георгий Безвиконный в своих записках сохранил яркую зарисовку Мещанского рынка. «Базар этот, – писал он, – представлял нечто вроде клуба для женщин, разносивших по всему городу сплетни и разные небылицы. Начинались они обыкновенно словами: «Сегодня я слышала на Мещанской...» или «Сегодня говорили на Мещанской...» Рынок занимал квартал по Мещанской улице (ныне ул. Сфатул Цэрий) – между Левовской (ул. Щусева) и Подольской (ул. Букурешть). Здесь горожане покупали у сельчан продукты, а село отоваривалось – керосином, дегтем, гвоздями, колесной мазью, краской. Большая хлебопекарня Константиновича радовала свежей выпечкой. Несколько кабаков предлагали горячую еду, кондитерская-кофейня – невообразимый выбор тортов, пирожных, мороженого. На Мещанском свой товар и услуги предлагали аптекарский и галантерейный магазины, парикмахерская, прачечная.

А в остальном все было примерно так же, как и сейчас. Сельчан, привозивших товар, на столичных рынках поджидали перекупщики, которые часто не кнутом, так пря-

ником вынуждали производителей продать товар дешево. Иногда товары проходили не через одни руки. Конкуренция порой доходила до анекдотических ситуаций. К примеру, газету «Бессарабская Почта» (от 13.09.1934) возмутило поведение хозяина гастрономического магазина Желябова, которого горожане звали «болгаринном». Рядом с его магазином пристроились торговать три зеленщицы и молочница. Желябов через подставных лиц стал добиваться в примэрии, чтобы власти запретили «конкуренткам» торговлю. Газета за петициями «болгарина» увидела стремление монополизировать на Мещанском рынке торговлю продуктами, в том числе зеленью, и разразилась критической заметкой.

Легендарной фигурой Мещанского рынка являлся грек Колумбис, в просторечье – «дядя Федя». Мясник импортировал покупателям своей дородностью и... насплненным видом. Он не имел отбоя от клиенток – каждая стремилась очаровать важного грека, чтобы тот выбрал для нее лучший кусок. Кокетничая, дамы зорко поглядывали на толстые пальцы Колумбиса: как бы один из них для «привесу» не опустил на чашу весов с товаром.

«Дядя Федя» имел несметное количество родственников и постоянно устраивал очередного родича торговать то в свою, то в соседние лавки. Однажды перед Рождеством Колумбис закупил для перепродажи большую партию гусей. Одна из газет откликнулась на это событие шаржем с подписью: «Дядя Федя Колумбис на днях ожидает прибытия еще двух вагонов родственников». Мещанский базар с любопытством ждал реакции мясника.

«Нахмуренный «дядя Федя», – рассказывал Безвиконный, оказавшийся в тот день в лавке мясника, – чесал затылок и говорил: «Не знаю, что делать с этими сарлатанами! Просто зить не дают». Углядев знакомого, он попытался отвести душу в разговоре на другую тему. И все-

таки завел речь о гусях. «Сегодня, – сказал герой дня, – я ф первый раз ф зизни увидел драка гусей. Это цто-то узасное. Они наделали такой тарарам, цто я цуть не утекал ис помессения. Это ужас, цто такое». Показывая, как гуси пускали в ход «крылыски», «дядя Федя» артистически шевелил внушительным животом и локтями.

Вдоль улицы Александровской тянулся Новый рынок, который занимал более 6 гектаров. Каждый павильон этого рынка делился на несколько лавок, обозначенных буквами; в этих дощатых киосках продавали мясо, овощи, вино, пиломатериалы. Напротив нынешнего Центрального автовокзала находился Заезжий двор, где останавливались торговцы, приехавшие с товаром на Новый рынок. Ему же принадлежала и общественная баня.

Достопримечательностью рынка являлась «Обжорка» – пункт питания для бедных и нищих. Каждое утро несколько женщин – добровольные сотрудницы этой общественной столовой – обходили торговые ряды и просили подать для «Обжорки». Так с миру по нитке они собирали продукты и варили похлебку в огромных котлах прямо посреди рынка. Бедным торговцам обеды продавали за копейки, голытьбу кормили бесплатно...

В отличие от Старого рынка, где дела велись патриархально, Новый быстро превратился в коммерческое предприятие. В 1886 году городская управа издала приказ о замене деревянных лавок, магазинов, булочных – на каменные. Перестройку коммерсанты должны были согласовать с общим планом в примэрии. От лавочника также требовали неукоснительного выполнения целого ряда правил. Запирать лавку он мог только по случаю религиозных и семейных праздников.

Новый рынок свое нынешнее название «Центральный» получил перед Второй мировой войной, когда документацию стали вести на румынском языке.

Богата история столичных рынков. И хороших традиций, если присмотреться, немало. Осталось ли что-нибудь от «классического» кишиневского базара сегодня? Может быть, стоит чаще заглядывать в прошлое?

ПЛЕННОГО ОСМАН-ПАШУ ВСТРЕЧАЛИ ЦВЕТАМИ

12 апреля 1877 года немощные улицы провинциального Кишинева превратились в тракт, по которому устремилась мировая история. После того как попытки дипломатов улучшить мирным путем положение христиан на Балканах не увенчались успехом, в Кишиневском Кафедральном соборе прозвучал манифест о начале Русско-турецкой войны.

«За год до этого, – вспоминал потом кишиневский доктор Моисей Слуцкий, – в Бессарабию стали прибывать части формировавшейся Дунайской армии. В Кишинев со своим штабом прибыл главнокомандующий Николай Николаевич. Поселился в доме Катаржи по улице Каушанской, по этому случаю переименованной в улицу Николаевскую. Наш сонный город ожил. Здесь сосредоточились штабы отдельных воинских частей, кроме поступивших на военную службу местных гражданских врачей, появилось много подрядчиков и поставщиков, прибыли военные агенты иностранных держав... Начались парады, смотры войскам»...

Осман-Паша

Заседания медицинского общества происходили дважды в неделю. Обсуждались вопросы военной санитарии, главным образом новый антисептический метод лечения ран, который было сложно применять, что в условиях войны обещало немалые трудности. Всю зиму полевые хирурги осваивали разные методы в наложении гипсо-

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский (1837-1898), Пленного Осман-Пашу, командовавшего турецкими войсками в Плевне, представляют Его Императорскому Высочеству Государю Императору Александру II, в день взятия Плевны русскими войсками 29 декабря 1877 года

вых повязок. Практиковались в технике военно-полевой хирургии.

Московские благотворительные комитеты открыли подписку по сбору средств на оружие и обмундирование для братьев-болгар. Стали формироваться дружины ополченцев. Вскоре прибыла помощь – белье, сапоги, сукно на шинели. Жители Самары подарили патриотам знамя, которое вышили монахини женского монастыря; специально для этого события петербургский художник Симаков написал иконы Богоматери, Кирилла и Мефодия. На собранные средства было закуплено 20 тысяч ружей «Шаспо» со штыками-саблями и 12 орудий. Часть болгарских ополченцев поступила в казармы Кишинева и Одессы, другая небольшими группами обосновалась в румынских городах и селах.

В апреле 1877 года на Скаковом поле Кишинева в ряду нескольких дивизий стояли и три дружины болгарского ополчения. В весеннем воздухе развевались знамена.

По поручению императора Александра II, Архиепископ Кишиневский и Хотинский Павел зачитал царский манифест, объявивший войну Турции. Окончив, он благословил воинов иконой. Тысячи солдат и провожающих, словно один человек, опустились на колени и склонили головы. «Да возвратит Вас Господь к нам целыми, невредимыми и увенчанными лаврами!» – с волнением в голосе произнес владыка. Тишина стояла такая, что слова достигали самых дальних концов поля. После окончания молебна государь простился с войском. Кавалерия выступила в поход в тот же день, перешла Прут и пересекла границу Румынии. «Мы испытывали чувство удовлетворения, – писал очевидец, – когда узнали, что Румыния не только не препятствовала переходу русских войск, но и встречала их с братским чувством. Еще больше мы были обрадованы, когда узнали, что румынская армия, возглавляемая своим князем Карлом I, присоединилась к русским воинам».

Как известно, главные итоги задунайского похода 1877–1878 годов – образование Болгарского государства, провозглашение независимости Сербии и Румынии. Турция вернула России земли, которые были утрачены во время Крымской войны. О форсировании Дуная в 1877 году газеты того времени восторженно писали, что русская армия переправилась «внезапно, быстро, с изумительной энергией и поразительным искусством». Для болгарского народа пробил час освобождения от пяти векового османского владычества. Исход Русско-турецкой войны решился в Плевне и на перевале Шипка, где русским воинам и небольшому отряду болгарских ополченцев удалось выстоять под напором 40-тысячной турецкой армии.

Все обстоятельства этой военной кампании описал Всеволод Крестовский в своих записках «20 месяцев в действующей армии». В Русско-турецкой войне Крестов-

ский принимал участие как редактор армейской газеты «Военно-летучий листок». Находясь в штабе действующей Дунайской армии, писатель общался с генералом Скобелевым, с аккредитованными при штабе иностранными корреспондентами. В отличие от штатских коллег, редактор «ВЛЛ» имел разрешение на въезд в армейские тылы. Более того, Крестовский лично участвовал в боевых действиях передовых частей русских войск, в том числе в штурме Траянова перевала на Шипке. За боевые заслуги и храбрость военный журналист был удостоен чина штаб-ротмистра, награжден орденами Св. Анны, Св. Станислава, Св. Владимира, Сербским Крестом, орденами Румынии и Черногории.

Во время взятия Плевны, которая была окружена соединенными Русской и Румынской армиями, был ранен в ногу главнокомандующий турецких войск. Осман-паша сдался в плен, и это решило исход войны задолго до ее окончания. Сдались также десять турецких генералов, две тысячи офицеров и 30 тысяч солдат. Осаждавшие захватили богатые трофеи – артиллерию, боеприпасы, обозы. Крестовский очень подробно описал картину сдачи Осман-паши в плен: главнокомандующий передал противнику личное оружие, пожалованное ему за храбрость. «...Осман пригласил его (русского генерала) знаком садиться, но генерал Струков в силу военного этикета, продолжил объяснение стоя, отдавая этим должную дань почтения паше как главнокомандующему».

Газета «Бессарабское слово» от 11.05.1927 года, отмечая полувековой юбилей свержения турецкого ига, также отмечала уважительное отношение к побежденным. «Когда раненого героя-пашу привезли в Кишинев на носилках, – рассказывала газета, – местные дамы встретили его на вокзале с ворохом цветов и устроили ему шумную овацию». В Кишиневе Осман-паша находился несколько

дней перед отправкой в Петербург. Его разместили в здании военной гауптвахты, которая стояла на пересечении улиц Павловской и Харлампиевской (в районе нынешней улицы Диордица).

Ну, а каков был почет триумфаторам? Спустя полвека после войны одна местная газета попыталась выяснить, как сложились судьбы ветеранов победной кампании. Из 11 бессарабских офицеров, участвовавших в освободительной войне, к тому времени осталось десять. Генералы Губоржевский и фон Гейкинг рассказали корреспонденту подробности о перевале Шипка. Бесконечные перестрелки, снег, холод и голод на позиции, куда трудно было подвозить провиант, изматывали воинов. Одежда, обувь изнашивались и не спасали от жестоких горных ветров. Воду брали в единственном источнике в ущелье. Первые вылазки сопровождалась стычками с противником, который брал воду из того ручья. Но потом установилось неписаное соглашение – у ручья не воевать... Прошедшие полвека изменили отношение и к участникам войны, и к их ратному подвигу. «Глубокие старики – участники войны, – писала газета «Бессарабское слово» 12 мая 1927 года, – озабочены главным образом вопросом о пенсии, которую они получают в малом размере или вовсе не получают. Они надеются, что к юбилею войны их пенсион будет уравнен с пенсионом офицеров, сражавшихся в союзных рядах румынской армии».

Кстати, среди стариков, доживавших век на скромную пенсию, был и легендарный генерал Кузьма Евстафьевич Мунтянов. Балканская война положила начало военной карьере тогда еще поручика Мунтянова. В русско-японскую войну он был назначен командиром 3-й Восточно-Сибирской горной батареи. За личную храбрость и мужество, выказанные в бою на Мадзяданской позиции, в феврале 1905 года полковника Мунтянова на-

градили Георгиевским крестом. Когда вспыхнула Первая мировая, Кузьма Евстафьевич был уже в чине генерала.

Еще меньше лавров пришлось на долю рядовых солдат Балканского похода. 28 июня 1881 года во славу павших на поле брани, получивших раны и увечья, были заложены на Скаковом поле часовня и инвалидный дом. Во время Второй мировой войны здание инвалидного дома разрушилось. А память о ратном подвиге солдат и офицеров в Русско-турецкую войну 1877–78 годов превратилась в разменную монету. До перестройки столичный район Рышкановка изобилует болгарскими именами: кинотеатр «Шипка», обелиск и мемориальный музей болгарских ополченцев. Было в республике и несколько хозяйств с названиями «Шипка» и «София».

На 130-й год после Освободительной (так до сих пор в Болгарии называют Русско-турецкую войну) в Кишиневе ничего не осталось от исторического события. Нет ни мемориального музея болгарских ополченцев, ни его материалов. К часовне добавили купол и пристройку, и на историческом месте появилась еще одна церковь. А ведь чувствуя жертв войн, заботясь о них, потомки исполняют не только долг любви и правды. Они совершают акт благоразумия. Чествуя победы и победителей, они создают будущие поколения победителей и будущие победы.

ДЕТЕКТИВ С ПАМЯТНИКОМ

О мастере бронзового литья Борисе Васильевиче Эдуардсе сохранилось мало сведений. Родился он в Одессе в семье ирландского коммерсанта в 1860 году. После окончания рисовальной школы, 21-летний юноша поступил в Петербургскую Академию художеств. Из-за слабости здоровья оставил учебное заведение и уехал в родной город. Занялся скульптурой. Поехал в Париж, где, скрыв свою профессию, устроился рабочим на завод литья Бар-

Памятник

А. В. Суворову. г. Одесса

г. Измаил

бадьен. Вернувшись в Одессу, открыл Ателье художественной и промышленной скульптуры и бронзолитейный завод. В 1919 году 41-летний скульптор эмигрировал то ли в Италию, то ли в Англию. След его канул в Лету, а вот с одним из его самых известных творений произошла почти детективная история...

Хотя скульптор создал немало монументальных портретов (инженеру и археологу А. Н. Полю в Кривом Роге, А. Пушкину и Н. Гоголю в Харькове, доктору Андреевскому и Екатерине Второй в Одессе. Его бронзовые скульптуры украшают музей Севастопольской обороны), а жителям Одессы он известен как автор памятника полководцу Александру Васильевичу Суворову.

Историческое общество, существовавшее при Одеском военном округе, имея довольно скромные сбережения, обратилось к Борису Васильевичу с просьбой поставить в Очакове памятник фельдмаршалу Суворову в память о битве при Кимбурне (1787). Там полководец, раненный в бок во время боя, выиграл сражение.

Получив одобрение военного министерства относительно проекта, скульптор выпросил у командующего округом саперов, которые произвели земляные работы.

Памятник А.В. Суворову в Румынии

Из переплавленных старых пушек и ядер, которые ему также выделило военное ведомство, присовокупив к проекту 6 тысяч рублей Общества, Борис Васильевич Эдуарде отлил памятник. Статуя привела заказчиков в восторг. Полководец левой рукой зажимает рану в боку, а правой указывает войску – вперед, в бой! Члены Исторического общества не скрывали своего восхищения художественным воплощением замысла художника и, само собой, дешевой работой сооружения. Когда в 1900 году возник вопрос о постановке памятника Суворову на поле сражения у реки Рымник, заказ без обсуждения предоставили Борису Васильевичу.

Суворова с Румынией связывала победа в 1789 году 25-тысячной русско-австрийской армией визиря Юсуф-Паши, вторгшегося на территорию края. Турков наголову разбили при Рымнике. Полководца наградили Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия первой степени (высшей наградой Российской империи). Кроме того, Александр Васильевич получил почетный титул графа Рымникского. Австрийский император, чьи войска сражались под командованием Суворова, присвоил герою титул графа Священной Римской империи.

Российский царский двор дипломатическим путем получил согласие короля Румынии на установку памятника. Император Николай II высказал пожелание, чтобы Суворова изобразили верхом. Эдуарде представил два варианта проекта. На одном эскизе полководец поздравлял

Из переплавленных старых пушек и ядер, которые ему также выделило военное ведомство, присовокупив к проекту 6 тысяч рублей Общества, Борис Васильевич Эдуарде отлил памятник. Статуя привела заказчиков в восторг. Полководец левой рукой зажимает рану в боку, а правой указывает войску – вперед, в бой! Члены Исторического общества не скрывали своего восхищения художественным воплощением замысла художника и, само собой, дешевой работой сооружения. Когда в 1900 году возник вопрос о постановке памятника Суворову на поле сражения у реки Рымник, заказ без обсуждения предоставили Борису Васильевичу.

войска с победой, сидя на обыкновенной кавалерийской лошади. На второй вариант получился сложнее. Суворов, осадив на скаку дончака (казачий тип чрезвычайно выносливой лошади донской породы), подняв левой рукой шляпу, произносил: «С нами Бог, чудо-богатыри» и благодарил за победу. Боковые грани памятника украшали бронзовые барельефы с изображением различных моментов боя. На передней грани, над варяжским щитом, был высечен крест как напоминание об установленном сразу после победы над турками деревянном распятии, первом незатейливом памятнике русским воинам на румынской земле. Четвертую грань пьедестала украшала бронзовая доска с перечислением суворовских полков, участвовавших в сражении, в том числе и румынских войск.

Император одобрил второй проект, монарха особенно восхитило изображение коня редкой породы. Скульптор пояснил, что его описание почерпнул из военных документов. Хотя смета на изготовление монумента составила 245 тысяч рублей, государь надбавил автору еще сотню. Так Его Величество деликатно компенсировал Эдуардеу расходы за памятник в Очакове.

Сохранились воспоминания жителя Бендер, у которого останавливался одесский скульптор, возвращаясь после переговоров по установке памятника из Бухареста. Эдуард рассказывал, что Кароль I, который лично принял скульптора, выразил благодарность русскому императору за память о румынских солдатах, которые участвовали в бою под командованием Суворова. Когда скульптор попросил у короля разрешения на покупку земли под памятник, то правитель категорически отказал. «Румыния ответит вам землю без всякой покупки, – сказал он, – а в установке памятника будут помогать румынские войска бесплатно». Для «наблюдения за сооружением» монумента создали совместную румыно-российскую комиссию, в

которую входили представители различных военных и дипломатических кругов.

Торжественное открытие памятника состоялось 6 ноября 1913 года в присутствии румынского двора и депутатов от русской армии на месте Рымникского сражения. Монумент установили на высоком пьедестале из красного финского гранита на возвышенном месте, откуда он прекрасно виден со стороны проходившей невдалеке железной дороги. В честь этого события выпустили памятную медаль, которую выполнили по рисункам Бориса Васильевича.

Затем начинается почти детективная история. Через семь месяцев в Сараево убили эрцгерцога Австро-Венгрии Фердинанда с супругой. Первого августа 1914 года Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война. Скульптор из-за угрозы наступления германских и австро-венгерских войск срочно демонтировал памятник и отправил его в Одессу. Все бронзовые части вместе с фигурной решеткой благополучно прибыли в родной город скульптора. Их сложили на литейном дворе Эдуардса, где они пролежали почти десять лет. Разобранный монумент разыскал местный краевед, почитатель суворовского таланта. По его предложению областной исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся разрешил установить бронзовую статую Суворова около Одесского Художественного музея.

Задолго до тех событий скульптор решил увековечить облик русского полководца, не потерпевшего в своей военной карьере ни одного поражения, и в городе Измаиле. Автор собирался взять за образец свою удачную старую статую. Конную статую хотел оставить без изменений, а на барельефах – изобразить эпизоды штурма Измаильской крепости. И в 1914 году, за месяц до объявления Первой мировой войны, на Соборной площади Измаила

торжественно заложили памятник. Увы, военные действия помешали строительству.

Проект неожиданным образом осуществился после окончания уже Второй мировой войны. Статую Суворова постановлением Совнаркома Украины перевезли из Одессы в Измаил и установили на центральном проспекте, который и теперь носит имя великого русского полководца. Что за скульптура украшает бывшую крепость: та, что вывезли из Румынии? Или, быть может, это оригинальный проект Эдуардса, который он изготовил специально для Измаила? Похоже, ответы на эти вопросы так и останутся неразгаданной загадкой...

А что за величественная фигура Суворова стоит близ города Фокшань в Румынии? В 1959 году румынский скульптор Маркус Бутуной изготовил новый монумент. И на этом скульптурном портрете граф Рымникский предстает на коне. Александр Васильевич сидит в спокойной позе и смотрит на расстилающуюся перед ним долину Рымника. Памятник установлен на холме у шоссе при въезде в село Суворово. На противоположной стороне, где некогда находился старый памятник, теперь стоит только отреставрированный цоколь. Село Суворово стало обладателем двух памятников великому русскому полководцу.

ТРИ ЖЕНЫ

Это здание в Кишиневе стоит на углу улиц Влайку Пыркэлаб и В. Микле. Его трудно узнать, но даже за очень изменившимся фасадом можно разглядеть черты лечебного корпуса общины Красного Креста Гербовецкой Божьей матери...

Русско-японская война не обошла стороной Бессарабию. Как мы уже рассказывали, в первых числах февраля сводная рота боевого состава от Волынского и Минско-

Наталья Васильевна
Харузина

го полков получила назначение во Владивосток. По обращению императрицы Марии Федоровны образовался кружок дам, которые занялись сбором вещей для раненых воинов. Дамы-волонтеры все прибывали, и общество вскоре стало именоваться местным комитетом Красного Креста. Возглавила его супруга бессарабского губернатора княгиня София Владимировна Урусова. Дел у комитета было невпроворот: сбор и отправка снаряжения Бессарабского отряда на Дальний Восток, забота о призрании семей воинов, ушедших на фронт.

Осенью 1904 года члены общины простились с княгиней Урусовой, которая вместе с мужем уехала по новому месту его назначения.

Соратницы обещали Софии Владимировне продолжать начатое дело. 2 октября 1906 года прошло открытие и освящение Общины сестер милосердия Красного Креста. В честь местной святыни чудотворной иконы Гербовецкой Божьей Матери община взяла ее имя. Дамский комитет взял в аренду дом на углу Синадиновской и Фонтанного переулков, где открыл стационар на десять коек и амбулаторию.

Председательница дамского комитета Наталья Васильевна Харузина, сменившая Урусову, занялась подбором персонала. Выбор пал на М. Г. Вяземцеву из Екатеринодара, сестру милосердия Кубанской общины Красного Креста, участницу Русско-японской войны, которая в составе лазарета «Кубанская область» несколько месяцев работала в Харбине, потом находилась в составе летучего отряда на передовых позициях. За храбрость Вяземцева удостоилась двух серебряных медалей на Анненской

Дворик Гербовецкой общины

Внутренние помещения

ленте. Под стать старшей сестре Гербовецкой общины подбирались и помощницы. Ими стали девять лучших выпускниц училища при Красностоцком монастыре Гродненской губернии, чьи питомицы славились высокой нравственностью и просветительской деятельностью.

Девушки, воспитанные в простой и строгой обстановке монастыря, привыкшие к дисциплине и впитавшие в себя нравственные начала религиозной жизни, как нельзя подошли к миссии, которую возложил на них дамский комитет. Вместе со старшей сестрой они стали золотым фондом больницы Гербовецкой общины.

Тем временем глава дамского комитета Н. В. Харузина передала свои полномочия преемнице – супруге вновь назначенного Бессарабского губернатора графине Вере Петровне Канкриной. Новая председательница с не меньшим жаром взялась за благое дело общины. Мало того, что она добилась снижения платы за лечение и уход за больными. Вера Петровна решила построить собственный комплекс Гербовецкой общины.

К 1907 году дамский комитет располагал капиталом в 11 032 рубля 68 копеек. Кроме того, в местном управ-

лении для общинных нужд находилось 7 507 рублей 82 копейки. Община стала ходатайствовать перед главным управлением Красного Креста о разрешении построить здание с амбулаторным приемом. Прошение рассмотрели и ответили, что имеющихся средств на строительство явно не хватит. Отказав комитету в финансах, главное управление стало, однако, снабжать лечебное учреждение общины бесплатными медикаментами, перевязочными материалами, бельем.

За три с лишним года своей деятельности графиня Канкринина построила общежитие для сестер милосердия с квартирой для врача, надстроила второй этаж над зданиями больницы и амбулатории для коечных больных, возвела во дворе корпус для инфекционных больных. Первый этаж проектировал губернский архитектор А. М. Асвадулов. Второй этаж разрабатывал инженер Чекеруль-Куш. Помещения (проект сделал доктор Чорба) организовали по образцу английской больничной системы. Палаты и кабинеты – просторные и светлые, были снабжены паровым отоплением и электричеством. В медицинском учреждении общины все было на высоком уровне – от изящной архитектуры здания до организации врачебного дела. 40 постоянных коек, рентгеновский кабинет, амбулатория, которая за мизерную плату отпускала медикаменты около 250 больным в день. Хлопотами графини и на отпущенные городом средства в больнице общины установили ночное дежурство врачей, на экстренные вызовы выезжала карета скорой помощи...

Роль Веры Петровны Канкриной в развитии медицинского обслуживания горожан было трудно переоценить. Когда ей вместе с супругом, экс-губернатором, предстояло покинуть город, то члены Гербовецкой общины провели специальное заседание. Собравшись 22 марта 1912 года в зале Городской думы, они стали обсуждать, как

воздать за заслуги неутомимой председательнице. Решили отчислять 6 тысяч рублей из имеющегося в общине запасного капитала (около 25 тысяч рублей) в неприкосновенный фонд. Для того чтобы на полученные проценты учредить в больнице бесплатную койку графини Канкриной. Общежитию сестер милосердия, которое появилось благодаря хлопотам и энергии графини, тоже присваивалось имя благодетельницы. Еще Веру Петровну в отступление от устава избрали почетным пожизненным членом и попечительницей общины. На прощанье графине вручили икону покровительницы общины Гербовецкой Божьей Матери в серебряной оправе...

Такой удивительный проект удалось реализовать в Кишиневе трем женам первых лиц Бессарабской губернии позапрошлого века.

Как же сложились судьбы этих филантропок после революции? Княгиня София Владимировна Урусова свое 80-летие встретила в магаданской тюрьме, где провела до этого более 10 лет. Бывший бессарабский губернатор Алексей Николаевич Харузин после революции преподавал в Москве в сельскохозяйственном политехникуме, составлял учебные пособия для учащихся. В 1932 году постановлением особого совещания при коллегии ОГПУ его арестовали как врага народа и приговорили к высылке на три года. Через месяц Харузин умер в Бутырском изоляторе от сердечной недостаточности. За отца пришлось отвечать сыну Всеволоду, его дважды арестовывали. В 1932 году он оказался в лагере, строил Беломоро-Балтийский канал. В 1935 году «закоренелый контрреволюционер» получил 10 лет тюремного заключения. Наталью Васильевну Харузину, как мать врага народа, выдворили из Москвы в Малоярославец, где она скончалась в 1943 году.

Хочется надеяться, что чаша испытаний миновала графиню Веру Петровну Канкрину, но кто может знать.

БЕЗ БАРЬЕРОВ

Попечительский Совет торговой школы

Для России в конце XIX века началась новая экономическая эпоха, время стремительного роста промышленности и торговли. Бешеная конкуренция не позволяла ком-

мерсантам работать по старинке. Пришлось срочно изучать новые правила ведения дела, создавать и поддерживать новые отношения с зарубежными странами. Учились пользоваться кредитами, заключать сделки, вникать в тонкости многочисленных законов. Новая ситуация потребовала новых знаний. И в 1896 году в России вышел Высочайший указ – «Положение о коммерческих учебных заведениях».

Кишиневский градоначальник Карл Александрович Шмидт внимательно следил за обсуждением в прессе вопроса о коммерческом образовании. Он давно вынашивал идею открыть торговую школу, полагая, что Кишинев, как ни один город России, нуждается в таком учебном заведении.

«Главный элемент населения в Кишинёве, как и у большинства городов Бессарабии, не молдаване, а евреи, – писал немецкий путешественник Иоганн Георг Коль, побывавший в нашем городе в 1838 году, – последних насчитывается около 15 000. Их община в Кишиневе, таким образом, еще многочисленнее, чем в Одессе. Как везде, они занимаются барышничеством, торговлей и говорят

по-немецки. Через их руки проходит главное количество льняного семени, пшеницы и сала, которые Кишинев, как главный внутренний рынок Бессарабии, транспортирует в Одессу».

Эту особенность города отмечал и офицер генерального штаба Зашук, издавший в 1862 году свои «Военно-статистические очерки Херсонской губернии и Бессарабской области». Леонид Иосифович пишет: «Евреи, как везде, так и в Кишиневе – ремесленники и торговцы, в их руках капиталы, и потому они владеют всей производительностью края».

Торговая реформа 1865 года, которая давала послабление пошлин, сделала Кишинев самым крупным торговым центром Бессарабии. В те годы он по уровню торговли и численности населения входил в двадцатку крупнейших городов России. Все уличные лавки и лотки принадлежали евреям, купцам третьей гильдии. С 1866 по 1901 годы число торговых заведений города увеличилось на одну пятую, а их обороты выросли в 20 раз.

Более того, в 1900 году в Кишиневе находились две крупнейшие финансовые структуры – филиалы Дворянского и Крестьянского банков России. Известность банкирских домов и контор Грюнфельда и Блюменфельда, Бланка и Ефруси выходила далеко за пределы Бессарабии. Контора Ефруси выполняла функции не только банкирской конторы, но и закупала зерно оптом. За Тираспольской заставой контора имела шесть складов с зерном. Кстати, тогда Бессарабия занимала ведущее место в России по продаже хлеба.

Впрочем, и по переписи, например, 1897 года, состав 109-тысячного населения Кишинева выглядел однозначно 49 829 горожан были евреями. Великорусов на тот момент насчитывалось 29 299, молдаван – 19 081, малорусов – 3 393, поляков – 3 247, немцев – 1 270, болгар – 925,

Училище Миллера

армян – 369, греков – 306, цыган – 146 и 38 гагаузов.

Возглавляя Купеческое собрание города, Карл Александрович Шмидт на одном из заседаний предложил открыть Торговую

школу и представил на одобрение уже разработанные проекты устава и учебных программ будущего учебного заведения. Купцы не только одобрили идею, но и согласились отчислять взносы на его содержание. Уже летом 1898 года пришло разрешение Министерства финансов на открытие школы, а также циркуляр на обложение в ее пользу кишиневских купцов. Вскоре был избран попечительский совет, куда вошли самые «крутые» коммерсанты города: Егор Александрович Бокал, Моисей Аронович Клигман, Израиль Лазаревич Мичник, Елезарий Ионович Рейдель. Председателем совета избрали действительного статского советника Карла Александровича Шмидта.

31 августа 1899 года на углу улиц Леовской и Жуковского открылась трехклассная Торговая школа. В ней стали заниматься 140 учеников: 42 – в первом классе и 98 в подготовительном. Огромный наплыв учащихся заставил Педагогический комитет разбить подготовительный класс на два. Конкурс оказался настолько большим, как еще никогда не бывало в системе образования края, и оставался беспрецедентным до 1903 года. Главной причиной ажиотажа стало отсутствие процентной нормы для поступления в школу еврейских детей, хотя норма существовала тогда во всех учебных заведениях России. Чтобы как-то «разбавить» этнический состав учащихся,

многие состоятельные родители оплачивали обучение мальчиков из нееврейских семей...

На престиж школы повлияла и эффективная система обучения. В программу школы, кроме специальных предметов, входили общеобразовательные дисциплины; это открывало путь к дальнейшему образованию.

Уже первый учебный год показал, что на купеческие сборы школе не прожить. Городская Дума и Купеческое собрание не стали поднимать плату за учебу, зато увеличили налог с торговцев в два раза. Школа обзавелась мебелью, купила специальную литературу для библиотеки, открыла химическую лабораторию, физический и товарный кабинеты. Но каждый новый учебный год ставил попечителей в тупик. Как и где разместить новые классы? Наконец в 1903 году под наблюдением городского архитектора М. А. Еллади на Могилевской улице состоялась торжественная закладка нового здания Торговой школы. Здание, состоявшее из двух с половиной этажей, строили из крепкого бутового камня.

Увы, еврейский погром в пасхальные дни 1903 года нанес Торговой школе непоправимый урон. Многие учащиеся вместе с родителями покинули город. Кроме того, неудачи Русско-японской войны повлияли на доходы многих предприятий. Второй еврейский погром 1905 года подкосил школу окончательно. Да и город восполнил свою нужду в профессиональных интеллигентных торговцах двумя выпусками Торговой школы. Остальные выпускники уже не могли найти в Кишиневе применения своим силам. Давали частные уроки, занимались перепиской документов. Классы Торговой школы стали пустеть...

Хотя в 1905 году школа обрела собственное здание, ее дни, казалось, были сочтены. И тогда Педагогический комитет решил на амбициозный проект. В 1906 году

попечители предложили Купеческому собранию преобразовать Торговую школу в Коммерческое училище. В том же году трехклассное учебное заведение объявило о своем закрытии. А Коммерческое семиклассное училище сообщило о наборе учащихся...

В 1909 году состоялся первый выпуск 27 коммерсантов нового типа. В дальнейшем пятеро из них за безупречную службу удостоились золотой медали, восьмерым присвоили звание «кандидат коммерции». 26 бывших лицеистов первого выпуска снискали такое уважение сограждан, что до конца своих дней носили звание «личный почетный гражданин».

Судьба Карла Александровича Шмидта, который много сделал для превращения Кишинева в европейскую столицу, «крестного отца» Торговой школы и Коммерческого училища, странным образом переплелась с еврейством. Шмидт был убежден, что ему удалось построить благополучную культурную столицу, но потрясенный погромом 1903 года, он, будучи человеком чести, ушел с поста градоначальника. Из своих личных средств Карл Александрович оказал большую помощь городской еврейской больнице, которая принимала пострадавших...

После 1944 года красивый особняк сословно-коммерческого училища на улице Могилевской (теперь – Петру Мовилэ) отдали средней школе № 2. Из этого здания вышло три поколения ее выпускников. Мартовское землетрясение 1977 года разрушило старый особняк. В наши дни на его месте располагается лицей им. А. С. Пушкина.

ДВОРЯНСКИЙ ИНТЕРНАТ НА САДОВОЙ

Более ста лет назад в Кишиневе по улице Матеевича (тогда – улица Садовая, которая так называлась из-за здешних садов и виноградников, в окружении кото-

Пансионат-приют

рых стояли дачи горожан), на месте нынешнего здания Бюро межэтнических отношений, появился особняк. Это был пансион-приют для сыновей дворян, посещающих местные средние учебные заведения.

«Первые учебные заведения в Бессарабии появились в 1813 году с открытием в Кишиневе духовной семинарии, – говорит Евгений Румянцев, знаток истории Бессарабского дворянства. – Вскоре распахнули двери духовные училища, церковно-приходские и монастырские школы». За ними стали появляться гимназии, прогимназии, реальное училище.

Бессарабские дворяне не стояли в стороне от этого процесса. Они чувствовали себя ответственными за развитие своего края и его столицы – Кишинева. Создавали при учебных заведениях попечительные советы и комитеты, которые интересовались качеством учебного процесса, утверждали преподавательский состав, оказывали материальную поддержку малоимущим ученикам.

Идея открытия интерната для детей обедневших помещиков в Бессарабском Дворянском собрании витала давно. Первые выборы в этот орган сословного дворянского сообщества прошли в 1821 году. Были избраны

шесть депутатов во главе с областным предводителем дворянства.

Депутаты, несмотря на малочисленный состав, оказывали большое влияние на деятельность краевой и городской администрации. Обсуждали предложенные царским правительством вопросы социально-экономической политики, проводили выборы в уездные депутатские собрания, вели записи в Родословную книгу дворянства, учреждали опеку над дворянскими детьми, оставшимися без родителей. Дворянское собрание заботилось, чтобы юноши, стремящиеся к образованию, хотя их семьи и оказались в стесненных обстоятельствах, могли учиться и жить достойно.

И вот 20 мая 1900 года чрезвычайное собрание одобрило проект устава пансиона-приюта. Депутаты решили ходатайствовать перед Государственным казначейством о выделении пособия для устройства и содержания дворянского интерната на 70 мест. Бессарабцы, в свою очередь, брали на себя обязательства – каждый год отчислять новому учреждению до 15 тысяч рублей. Благодаря этому пятьдесят пансионеров получали возможность жить в элитном приюте бесплатно.

Правительство Российской империи выделило 50 тысяч рублей на приобретение для постройки здания дворянского пансиона-приюта садового участка. Летом 1901 года на состоявшихся торгах у Марии Николаевны Катакази за 50 тысяч рублей дворянство Бессарабской губернии, чьи интересы представлял предводитель Михаил Николаевич Крупенский, купило участок по улице Садовой со строениями, угодьями и садом. Недвижимость дворянки Катакази по своим размерам и удобству расположения больше всего соответствовала задачам нового воспитательного заведения.

Из бывшей собственности хозяйка ничего за собой не

оставила. Но поставила несколько условий. Конечно, новый владелец был обязан ежемесячно платить в городскую кассу все налоги. Без разрешения городской управы он не имел права возводить новые постройки и сооружения, и уж тем более открывать тут фабрику или завод. Новому хозяину запрещалось самовольно раздроблять, продавать или закладывать купленную землю...

Вскоре после торгов специальная комиссия составила строительный проект, осуществлением которого занялся архитектор Владимир Николаевич Цыганко. (Талантливый зодчий, не имевший специального образования, построил в Кишиневе много интересных зданий. Самый известный – Зоологический, сельскохозяйственный и кустарный музей Бессарабского губернского земства, ныне – Национальный музей природы и этнографии РМ.)

Строительство дворянского пансиона-приюта шло быстро. В 1903 году «Бессарабские Губернские Ведомости» (от 18 мая) сообщали своим читателям, что главный корпус здания по архитектуре превзойдет самые красивые дома Кишинева. Как, впрочем, и по удобству тоже. При пансионе строятся больница, электрическая станция, баня и другие бытовые службы. Стоимость постройки зданий, установка парового отопления и электричества, сообщали «Ведомости», обойдется заказчику в 356 тысяч рублей.

В 1905 году пансион распахнул свои двери. Часть здания отводилась для квартир воспитателям и директору интерната. Отличные условия не давали шанса дворянским отпрыскам превратиться в изнеженных барчуков. Юношей заставляли много времени уделять физической подготовке. Кроме занятий в гимнастических залах, они работали в саду.

Губернский предводитель оставил здесь на службе опытного садовника, под чьим руководством удаляли

негодные деревья, виноградные кусты, сажали новые. Устроители пансионата надеялись, что урожай с садового участка хоть частично станут покрывать расходы на содержание учреждения.

Но проект оказался очень затратным, денег на нужды интерната катастрофически не хватало. Депутатам ничего не оставалось, как передать здание в ведение Министерства народного просвещения, о чем в 1908 году сообщила газета «Бессарабец» (№ 74). Дворянский особняк был подарен Третьей мужской гимназии. К столетию присоединения Бессарабии к России учебное заведение переименовали в гимназию имени Императора Николая II (газета «Бессарабская жизнь», № 110 от 13 мая 1912).

Чудаки всегда удивляли мир. 45-летний Степан Бузу, землевладелец Оргеевского уезда, принадлежал их числу. Обладая в уезде двумя имениями и собственным домом в Кишиневе, стоимостью около 200 тысяч рублей, Степан Павлович пожертвовал солидную сумму на строительство церкви в селе Пересечина. Накануне столетнего юбилея Бузу обратился к директору 3-й мужской гимназии с прошением разрешить ему при заведении на собственные средства построить домовый храм Святого Стефана... Церковь получилась светлой и уютной. (На фото ее фасад украшен иконой.) За патриотическое деяние житель Оргеева удостоился большой золотой медали «За усердие» на Александровской ленте.

3 июня 1914 года, в день освящения в Кишиневе памятника императору Александру I (о чем мы рассказывали в материале «Три Александра»), 3-ю мужскую гимназию, которая к этому времени называлась Николаевской, посетил глава Российской империи с августейшими дочерьми. Во время приема царская семья с балкона смотрела выступление гимнастов-гимназистов, которые к визиту высоких гостей подготовили специальную программу.

В память об этом событии в актовом зале Николаевской гимназии установили мраморную доску с надписью...

По иронии судьбы, в здании, которое построили потомственные дворяне для потомков своего сословия, носившем имя российского царя, началось возрождение румынской государственности. Именно здесь 27 марта 1918 года «Sfatul Țării» заявил о намерении Бессарабии объединиться с Румынией. По этому поводу новая власть установила свою мемориальную плиту...

«Если дата рождения потомственного дворянства в Бессарабии довольно приблизительна, то дата кончины сословия содержится в одном из первых революционных декретов – «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», – считает Евгений Румянцев. – На бумаге приговор дворянству вынесли 10 (23) ноября 1917 года. Реально «голубую кровь» в России выжигали на полях гражданской войны, в ГУЛАГе, в изгнании».

Бессарабских дворян, к счастью, эта участь миновала. Но с переходом края под юрисдикцию Румынии произошла национализация земли – местный вариант земельного передела. Чтобы не пугать благополучных европейских соседей революционностью этого процесса, наделы прежних владельцев отнимали не все. Оставляли по сто десятин с обещанием возмещать потерю постоянными компенсациями. И бессарабские дворяне простились с главным своим богатством – землей. Гораздо большей потерей для активного сословия стало отлучение от власти, от представительства в органах власти. И самое важное – пролетарская революция в России на многие десятилетия подорвала престиж аристократии. Дворянская честь, благородство и достоинство перешли в категорию старорежимных пережитков, правда, не для представителей этого сословия. В 1931 году Кишинев потрясла драма, разыгравшаяся на службе. На отпрыска старинной бессарабской

дворянской семьи Сергея Кантакузина, служащего банка, в присутствии посетителей несправедливо накричал его новый патрон. Оскорбленный, не получив извинений, Кантакузин застрелил обидчика, а потом и себя...

ГОСТИНИЧНЫЙ НОМЕР – 50 КОПЕЕК

Отели часто называют визитками города. Но они также служили верной приметой развития экономики. Со строительством в 1871 году кишиневского вокзала открылось железнодорожное движение по Тираспольско-Кишиневскому участку, который связал Кишинев с Одессой. В 1873 году «железка» протянулась от Кишинева до Корнешт, а через два года – до Унген. Железнодорожное сообщение Кишинева с районами края, с другими губерниями России и зарубежными странами превратило его в крупный центр оптовой закупки хлеба, шерсти, винограда, вина. Город превратился в центр купеческого и банковского капитала Бессарабии. Кишиневское отделение Госбанка России, которое было создано в 1864 году, проводило самые крупные операции. Отпускало кредиты солидным торговцам, земельным собственникам, а также появившимся позже местным банкам.

Угловое здание на пересечении улицы Г. Бэнулеску-Бодони и бульвара Штефан чел Маре – малая часть того, что осталось от гостиницы «Швейцарская». В разное время здесь останавливались король сербский Милан I, министр народного просвещения Российской империи Леон Кассо, певец и актер Федор Шаляпин, французский писатель, журналист и общественный деятель Анри Барбюс и другие знаменитости. Комплекс зданий в этом районе принадлежал коллежскому советнику Ивану Монастырскому. В 1865 году он продал свою недвижимость правлению Кишиневской духовной семинарии, которая сильно

нуждалась в помещениях для занятий. Но учебное заведение вскоре получило ассигнования на постройку нового здания. Дома Монастырского стали сдавать в аренду.

Швейцарский гражданин Шарло Семадени, взявший здание в наем на 12 лет (с 1874 по 1886 годы), открыл в нем гостиницу. После того у здания владельцы менялись

Гостиница «Палас-отель»

много раз. Но имя «Швейцарская», которое ей дал Семадени, так за ней и осталось. Кто знает, может, именно по ее примеру стали давать названия и другим гостиницам. Как бы то ни было, но почти все гостиницы в Кишиневе в прошлом веке носили европейские названия: «Лондонская», «Парижская», «Палас-отель», «Савойя»...

Несмотря на солидные названия и благородную архитектуру, некоторые отели располагали скромными удобствами. Вот как гостиница «Парижская» рекламировала свои услуги в «Бессарабском вестнике» в 1895 году. (Отель стоял на месте нынешней музыкальной школы, что неподалеку от Национальной филармонии). «...Здание вновь отремонтировано, увеличено количество номеров, появились теплые ватер-клозеты. Для выездов и лошадей построены просторные конюшни с полами и водопоем. При гостинице устроена специальная столовая с домашним обедом. Номера – от 50 копеек, обеды – от 40 копеек».

Прорыв в отельном бизнесе совершил миллионер Барбалат, открывший в Кишиневе 1 мая 1914 года шикарную гостиницу «Палас-Отель». 4-х этажное здание в 120 комнат занимало весь квартал на улице Александровской

(ныне угол ул. Штефан чел Маре и В. Александри). Впервые для удобства постояльцев в гостинице установили лифт, имелись телефоны и телеграф. В «Палас-Отель» впервые стали оказывать гостям дополнительные услуги: доставку еды из ресторанов, покупку билетов на поезд, в театр и т. д. Любимое детище миллионера просуществовало до кончины его владельца. В 1928 году в примэрию Кишинева от г-жи Левиной, одной из наследниц Барбалата, поступило предложение купить у нее гостиницу за 25 миллионов леев...

Каждая гостиница располагала рестораном, который стремился завлечь публику если не кухней, то музыкантами, танцорами, эстрадными программами. Объявление в газете «Друг» от 14 января 1914 года гласило: «Ресторан Швейцарской гостиницы дает ежедневные ужины из 2-х блюд (рыбное и мясное) по цене 1 рубль. С участием лирической певицы Левицкой и венгерской красавицы Фельдеши. Играет румынский оркестр под управлением Жана Ильеско». Тогдашнее музыкальное «меню» в ресторане от нынешнего сильно отличалось. В репертуаре звучала музыка на любой вкус: классическая, оперетта, танцевальные мелодии. При этом музыкантам надо было играть без нот, аккомпанируя певцу по слуху. Публика, посещавшая рестораны, знала толк в музыке. Не случайно, будучи в Кишиневе в 1929 году, певец Петр Лещенко со своей женой Женни, семейным дуэтом «Петрушка и Розика Мыртынович», выступал именно в ресторане гостиницы «Londra».

БЕССАРАБСКИЙ КУРОРТ БУДАКИ НЕ НУЖДАЛСЯ В РЕКЛАМЕ

Более ста лет назад средний класс Бессарабии любил отдохнуть на берегу Черного моря. Обычно выбирали небольшое село Будаки, что находилось неподалеку от

Аккермана (теперь Белгород-Днестровский). Предпочтение этому уголку отдавали из-за особой климатической зоны, которая образовалась благодаря близости моря и Шабалатского соленого озера с лечебной грязью. Об ее целебных свойствах знали не только бессарабцы, но и многие жители Петербурга, Москвы, которые с июня по сентябрь тоже устремлялись в Будаки. (Кстати, кишиневский аптекарь Егерман исследовал химический состав воды и грязей Шабалатского озера, сравнив их с химическим составом одесских лиманов.)

История появления поселения связана с семьей уральских горнозаводчиков и меценатов Демидовых, которые в конце XVIII – начале XIX века считались символом российского богатства, предприимчивости и щедрости. Во время Русско-турецкой войны один из потомков славного рода Павел Демидов представил военному совету 25 000 пудов чугунных снарядов, изготовленных в Нижнем Тагиле. За это император Александр I пожаловал семейству землю, на которой возникло поселение Будаки. Павел Демидов, владелец земель, заложил там

каменный храм Преображения Господня. Смерть Павла прервала благое дело, и местные жители подняли церковь своими силами. В построенный при храме склеп перенесли останки ктитора.

Деревню построили по типу немецких колоний. Две длинные широкие улицы тянулись параллельно береговой линии. Здесь находился важный промысел Бессарабии, состоявший из восьми рыбных заводиков. Каждый нанимал свою команду рыбаков, выходивших ночью на лов. Главным видом промысла являлась скумбрия, но в сети попадали также кефаль, камбала, севрюга и другая рыба.

Популярным село стало благодаря вовсе не рыбалке. По данным «Бессарабских губернских ведомостей» (от 20 октября 1873 года), в «настоящем году» в Будаки отдохали 15 семей исключительно из Бессарабии. Приезжающие останавливались в крестьянских избах с глиняными полами и тучами злобных мух. Из-за этих тварей приходилось спать, укрывшись с головой. Гораздо хуже обстояло дело с питанием.

Из-за того, что плиты тут топились кизяком и кирпичом из самана, все блюда пропитывались не только дымом, но и кизяком. При этом в селе трудно было купить свежее мясо, хлеб, хорошую воду к чаю, а вот молоко, яйца, рыба имелись в изобилии. Цены на продукты здесь не уступали кишиневским. Экстремальный быт, дороговизна, все трудности бытия отступали перед магнетизмом этого уникального места на черноморском побережье. Морские купания, прогулки на лодке по озеру, охота на птиц в камышах и на косе – каждый находил занятие для души.

Утро в Будаки начиналось к одиннадцати. На улицах появлялись экипажи и шарабаны, которые везли барынь и детей к морю. Больные отправлялись на ближайшую

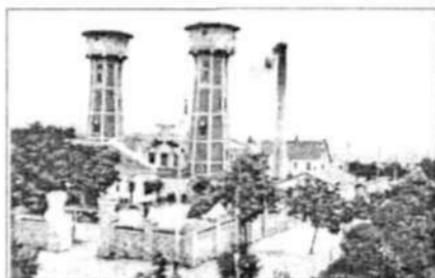
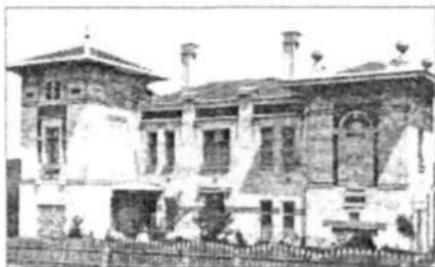
косу. Там мужчины и женщины раздевались, лезли в грязь, обмазываясь ею с ног до головы, и, подобно таинственным животным, распластывались под обжигающими лучами. Распаренные фигуры через какое-то время перемещались на морской пляж, где закапывались в горячий песок, превращаясь из черных существ в бурые. Бальнеологический сеанс завершался омовением в озере. Говорят, эти процедуры излечивали от ревматизма, золотухи, кожных болезней и прочих недугов. К двум-трем часам жизнь в Будаки замирала – начинался полуденный сон. К пяти часам сонное царство оживало, и к морю снова устремлялись пешеходы и экипажи.

Через какое-то время аккерманские предприниматели открыли в селе крохотную гостиницу с ресторацией. Постояльцы отмечали сносную стоимость обедов, но роптали на малые порции блюд. В 1901 году здесь была открыта Кишиневская епархиальная лечебница для больных служителей церкви, учителей духовно-учебных заведений, их детей. Благодаря хлопотам директора московской детской лечебницы Шабельского, тут в 1902 году организовали санаторий для детей, при котором имелись училище, домашняя церковь и чудесный сад.

Южная степь, яркое солнце, золотые пляжи, особый климат и близость моря – до сих пор привлекают в Будаки, известное теперь как село Приморское, немало туристов.

ЗОЛОТОЙ ВЕК «ЖЕЛТОГО ДОМА»

Откуда произошло название Костюжены? Ирина Львовна Кантакузина, покойная старожилка Кишинева, в своих воспоминаниях упомянула историю, услышанную в 40-х годах от директора психиатрической лечебницы Лашкова. В прошлом веке между Кишиневом и Бендерами стояли леса. Однажды в сильную метель, когда за-

Корпуса Костюженской лечебницы

мело дорогу, и лошади встали, волчья стая загрызла беззащитных путников. Двух гимназистов, ехавших с кучером на каникулы домой. Мать, узнав об этом, потеряла рассудок. А отец, не сумевший оправиться от трагедии, посвятил себя служению душевнобольным. Построил больницу, дав ей имена погибших детей: «Костя – Женя». Со временем это название приобрело форму, которая дошла до наших дней.

Скорее всего, это только легенда. Поскольку в Бессарабии до постройки Костюженской лечебницы

психиатрическую помощь оказывали в специализированном отделении губернской земской больницы. А «желтый дом» в позапрошлом веке стоял на месте теперешней больницы скорой помощи, на углу улиц Шмидтовской (ул. Дософтей) и Госпитальной (ул. Т. Чорбы). Целыми днями из-за забора торчали головы больных, которые строили страшные рожи и посылали ругательства вслед прохожим. В начале 80-х годов XIX века земство стало хлопотать о постройке самостоятельного стационара. В Бессарабии существовали земли, пожертвованные на

благотворительные цели богатыми землевладельцами. Общественные деятели Кристя, Пуришкевич, Котруца и барон Стюарт ходатайствовали об ассигновании крупных сумм из доходов этих земель на постройку лечебницы. Царское правительство выделило земству 600 тысяч рублей, и строительство началось.

В феврале 1898 года заведование Костюженской лечебницей принял доктор медицины, психиатр Анатолий Дмитриевич Коцовский. Коренной бессарабец, уроженец Сорокского уезда, выпускник Новороссийского университета, он отличался неистощимой энергией и оптимизмом. С 1903 года постройка новых корпусов лечебницы велась при непосредственном участии председателя земской управы барона Александра Стюарта и доктора Анатолия Коцовского. Объявив конкурс, из всех претендентов они выбрали архитектора Александра Иосифовича Бернардацци, хотя его проекты стоили несколько дороже. Автор самых красивых зданий в Кишиневе возвел в Костюженах целый комплекс: 11 павильонов для больных, два здания мастерских, дом для персонала, два летних барака. Все корпуса украшала красная марсельская черепица, которая перекликалась с красным кирпичом и котельцом-ракушечником фасада зданий. На территории лечебницы появились два артезианских колодца, причем над одним из них соорудили водонапорную башню. Коцовский организовал биологическую очистку вод.

Работать в лечебницу приглашали лучших психиатров. В то время считалось, что больных, страдающих душевными недугами, нужно не только лечить, но и, по мере их выздоровления, возвращать в привычные условия жизни. Лечебница располагала 400 гектарами земли, имела сад, виноградник, прекрасную животноводческую ферму. Обитатели лечебницы занимались посевами злаков, кукурузы, разводили цветы, ухаживали за фонтана-

ми. В различных мастерских занимались всевозможными ремеслами. В кузнице и механических цехах трудились те, кто имел в этом деле навыки. Женщины работали в пошивочных цехах, рукодельничали. Свои работы мастерицы выполняли с таким вкусом и аккуратностью, что у них от заказчиков не было отбоя. Богатые горожане заказывали дочерям на выданье приданое. К 1908 году Костюженская лечебница превратилась в лучшее психиатрическое учреждение России.

Число пациентов выросло до 700 человек. Стесненные условия заставили Анатолия Дмитриевича искать новые модели психиатрической помощи. В проекте «семейное призрение» глава лечебницы увидел выгодное и дешевое содержание спокойных больных, не нуждающихся в строгом больничном режиме. По наблюдению психиатра, казарменная обстановка большого стационара доводит больного до состояния ложного слабоумия, которое быстро проходит в семейной обстановке. Талантливый оратор и популяризатор, вносящий бодрую веру в любое дело, за которое брался, Анатолий Дмитриевич выступил с новым проектом на заседании земства. Патронаж организовали в ближайшем селе Скиносы. Крестьяне, получая 10-12 рублей в месяц на содержание одного больного, охотно брали обитателей лечебницы в семьи. И не удивительно: корова по ценам того времени стоила 9 рублей! Через полгода в селе находились около двух сотен больных. Пришлось открыть даже приемный покой и установить дежурство фельдшеров. В 1909 году бессарабская лечебница располагала самым крупным патронажом семейного призрения в России.

В лечении душевнобольных в Костюженах применяли не только новейшие достижения науки: гидро- и электро-терапию, лечение вытяжками из разных желез животных, психотерапию. Важным терапевтическим средством

профессор Коцовский считал иллюзион и театр. Открыл большую библиотеку. В театре «Синяя птица» играли как профессиональные, так и самодеятельные артисты из выздоравливающих пациентов. Публика на спектакли приезжала из Кишинева. Фронтон здания театра (пострадал от землетрясения в 1940 году), тоже построенного по проекту Бернардацци, украшало мозаичное изображение синей птицы. Сам Анатолий Дмитриевич, превосходный музыкант, из 40 сотрудников лечебницы организовал симфонический оркестр. Их выступления имели такой успех, что коллектив стал давать концерты в городе, а потом положил начало Симфоническому обществу Кишинева.

Закат золотого века желтого дома Бессарабии пришелся на начало Первой мировой войны. Экономическое положение комплекса сильно ухудшилось. Из-за аварийного состояния многие здания стояли заколоченными, штат персонала с каждым годом все сокращался. В лечебнице остались только опасные больные. Видя, что приход румынской администрации положение любимого детища не улучшил, профессор уехал в Одессу. Там ему предложили пост главврача Одесской психиатрической больницы и заведование кафедрой нервных и душевных болезней медицинского факультета Новороссийского университета.

Вернувшись в Бессарабию через несколько лет, Анатолий Дмитриевич открыл в Кишиневе санаторий профессора Коцовского для нервных больных. Дом № 2, который окружал фруктовый сад, до сих пор стоит на углу улиц Лазо и Когэлничану. Здесь доктор принимал больных, лечил и жил до своей кончины.

БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ

В любом городе, кроме достопримечательностей, есть знаковые фигуры, по которым всегда угадывается место. Как по очертаниям Биг-Бена мы узнаем Лондон, так с еврейским Кишиневом всегда ассоциировалось имя Моисея Борисовича Слуцкого. Прекрасного врача, первого председателя городской еврейской общины, старейшего общественного деятеля Бессарабии не стало в ночь на 24 октября 1934 года. Ему было 83 года.

Даже если Моисей Борисович больше ничего не сделал бы для евреев Бессарабии, это имя осталось бы в истории благодаря его запискам «В скорбные дни» (Воспоминания о Кишиневском погроме 1903 года), где он с фотографической точностью запечатлел трагедию, о которой узнал весь мир. Конечно, никто лучше Хаима Бялика не передал эмоции о кишиневских ужасах, чья поэма «Сказание о погроме» («В городе резни») сделала одессита одним из самых известных еврейских поэтов XX века. Но каждый исследователь, интересующийся этими событиями, начнет поиск с воспоминаний главврача еврейской больницы. Самое удивительное, что эту единственную в своем роде книгу с ценными свидетельствами о тех событиях написал не журналист. Хотя в Кишиневе тогда выходили десятки периодических изданий, где тру-

Корпуса Еврейской больницы

дились настоящие акулы пера, принадлежавшие, в том числе, и евреям. Феномен Слуцкого состоит в том, что (какие бы требования мы ни предъявляли к этой профессии) главным требованием журналистики является далеко не литературный талант и не специальные знания в каких-то областях, а высокая степень ответственности и бескорыстное служение обществу.

Моисей Борисович Слуцкий обладал этими качествами в избытке. Он родился 1 января 1851 года в местечке Васильково Киевской области (теперь это городок, стоящий на речке Стугна, с примерно 40-тысячным населением находится в 25 километрах южнее украинской столицы). Моисей, рано лишившись отца, воспитывался у деда в Бердичеве. Леон Эфрусси, дед по матери, являлся старейшим представителем знатной еврейской фамилии, родственником знаменитого в то время раввина Шулима – Нусина Маргулиса и рабби Йойзипа Эфрусси. Леон имел собственную фуру, четверку лошадей, кучера, двух разъездных приказчиков, которые возили аптекарские товары из Гамбурга и Брод (теперь – Украина). Хотя коммерсант своей продукцией снабжал несколько губерний, своим делом он интересовался мало. Приказчики жилились, и Леон это знал. Большую часть своего времени дед проводил в спорах и беседах с такими же учеными мужами, как и он. Крупица чудаковатости деда упала на судьбу будущего доктора, а, может, и сыграла определяющую роль в выборе жизненного пути.

После пяти лет Моисея отдали в хедер, меламед попался драчливый и злобный. Уверял его мать, что сын – тупица, и ни на что не способный капризуля. Мучениям пришел конец, когда мать, собираясь искупать ребенка, увидела на его теле синяки. Дед забрал внука из хедера и отвез в Казенное еврейское училище 1-го разряда. Поступок его вызвал скандал среди ортодоксальных родствен-

ников и евреев Бердичева. Дело в том, что смотрителем казенного еврейского училища тогда назначался только христианин. В училище мальчик попал в особые условия – начальство рассчитывало, что примеру Эфрусси последуют другие состоятельные евреи города. Кто знает, не поступи Моисей в училище, как сложилась бы его судьба. Может, он выбрал бы дорогу предков и стал бы известным раввином или толкователем Торы. Но Моисей стал доктором, и в этом выборе, похоже, косвенную роль сыграл его дед.

В 1862 году Леон умер, дочь коммерсанта вместе с детьми (сыном и дочерью) переехали в Бельцы, где жила ее старшая замужняя дочь. Семейный совет решил мальчика определить в Кишиневскую гимназию. Она к тому времени существовала уже тридцать лет, но оставалась единственным учебным заведением во всей Бессарабии. Ученика отвезли на вступительные экзамены, по результатам которых Моисея приняли во второй класс. Руководил гимназией Кирилл Яновский, отменивший в качестве воспитательных мер розги и стояние на коленях. Антисемитизма не было в помине, евреи составляли в гимназии как бы привилегированную группу. В 1869 году Слуцкий окончил 1-ю мужскую гимназию, в 1875 – медицинский факультет Харьковского университета. В 1877 году 26-летний молодой специалист без жалования поступил сверхштатным младшим врачом в Кишиневскую еврейскую больницу. Через 12 лет его избрали старшим врачом этого лечебного учреждения, еще через 10 лет – главным врачом. Поначалу стационар, при котором имелся еще и приют, пребывал в жалком состоянии. Из-за нехватки помещений амбулаторных пациентов обследовали в приюте. Койку больные нередко делили на двоих. Срочные операции производили прямо на постели больного. «Ходячие» пациенты отправлялись в коридор, «лежачие» прятали голову под подушку, чтобы не видеть

тяжелого зрелища. Часто из клинических антисептиков в арсенале докторов имелась только вонючая карболка. Бюджет больницы формировался из платы за лечение, пожертвований, «коробочного» сбора и процентов с неприкосновенного капитала. Заслуга главврача Слуцкого состояла в том, что он не побоялся поломать практику использования «коробки». Еврейские сборы шли на нужды всех без исключения культурных и благотворительных учреждений Кишинева, а до больницы доходили жалкие крохи. Хотя там лечились самые малоимущие, а не только евреи, кишиневцы. Авторитетом активного общественного деятеля и незапятнанной репутацией Моисей Борисович добился, чтобы городская управа из «коробочного» сбора выделила учреждению 40 тысяч рублей на постройку трех новых зданий еврейской больницы. Осенью 1898 года состоялось их открытие. Кишиневская еврейская больница превратилась в самое крупное медицинское учреждение в Бессарабии.

Когда в 1903 году произошел погром, то еврейская больница приняла не только убитых и раненых. Здесь укрывались женщины и дети. Из-за беспорядков поставщики перестали доставлять продукты, и больница из собственных запасов кормила всех, кто находился в те дни под ее крышей. «С прекращением погрома, – писал Моисей Борисович в «В скорбных днях», – в городе наступило сравнительное спокойствие. Но не то было в больнице. Полиция подбирала всех убитых, валявшихся на улицах, во дворах и разгромленных домах, и доставляла их в больницу, а обитатели этих домов, особенно на окраинах, разбежавшиеся по всему городу и возвратившиеся после прекращения погрома в свои жилища, находили там тяжело раненных, которые в разгар погрома не могли быть доставлены в больницу, и направляли туда же. И весь медицинский персонал и прислуга больницы продолжали без перерыва работу... Многие в изнеможении падали с

М. Б. Слуцкий, Ф. Ф. Чорба

ног и засыпали, где попало...» Больница оказывала помощь не только местным жителям. В 1919-20 годах больница разместила в родильном отделении беженцев с Украины, пострадавших от еврейских погромов.

Слуцкий избирался гласным городской думы, был членом многих попечительских советов, участвовал в работе многих комитетов, которые организовывались в период войн, революции, голода, на которые так был щедр XIX век. Но основным предметом его заботы оставалась еврейская больница. Годами занятый, уставший доктор посещал богатых кишиневцев и уговаривал, улещивал пожертвовать на больницу. Моисею Борисовичу, благодаря его энергии и администраторским способностям, не раз удавалось спасти любимое детище от финансового краха и закрытия... Деятельность медика начиналась при русском царе, а закончилась «при румынах». И та, и другая власть не могла не отметить профессионализм доктора-иноверца. Заслуги Слуцкого были отмечены «русскими» орденами: Красного Креста, Станислава, Святой Анны, Владимира, как, впрочем, и «румынскими»: Корона Румынэ, Меритул Санитар и другие.

Сколько будет существовать наш город, столько будет жить память о Кишиневском погроме 1903 года. Но, может, молдавской столице пора восстановить историческую справедливость и сохранить имя доктора Слуцкого для потомков? Как это сделали жители гагаузского городка Комрата в отношении памяти земского врача Исаака Гурфинкеля.

«ВКУСНЫЕ» МЕСТА КИШИНЕВА

Какие лакомства вы обожали в детстве? А в какие игрушки играли? Сколько бы ни минуло лет, мы помним краски и запахи детства, которые живут в нас, сколько бы ни прошло лет с тех пор, когда «деревья были большими». Мы убедили Татьяну Янушевскую, постоянную читательницу наших краеведческих публикаций, в прошлом заведующую отделом переводов Торгово-Промышленной Палаты, рассказать о «вкусных» местах довоенного Кишинева.

«По рассказам моей мамы, – рассказывает Татьяна Николаевна, – примерно в 1905 году в Фонтанном переулке, 11 (ныне ул. Вероники Микле), открылась первоклассная кондитерская Андрея Ивановича Манькова. Она быстро превратилась в разновидность местного клуба, где проводили время сливки местного общества». Меню кофейни не ограничивались только «сладким», здесь обедали и ужинали. Поэтому кафе непременно входило в маршрут каждого кишиневца, вышедшего «в город» погулять. Маньков благодаря своей предприимчивости поднял кондитерское дело на небывалую высоту. Свой бизнес кондитер дотянул до 1933 года, к тому времени его дела пошатнулись, и он ликвидировал свое заведение. 11 января 1934 года 92-летний кондитер простился и с другими земными заботами. Многие коммерсанты, глядя на бойкое место Манькова, тоже сделали ставку на кофейни.

В 30-х годах в Кишиневе насчитывалось примерно два десятка кондитерских и кафе (большинство из них находились на улице Александровской). Но каждый владелец кондитерской стремился, чтобы в его заведении имелся эксклюзив. Меню заведения являлось не только средством дохода хозяина, но и честью его «мундира», которой деловые люди очень дорожили.

Магазин и кондитерская бухарестской шоколадной

Кондитерская Манькова

фабрики Замфиреску размещалась на первом этаже Епархиального (Серафимовского) дома (угол улиц Пушкина и Александровской). Перед большими праздниками витрину заведения украшали движущиеся фигурки библейских персонажей, Деда Мороза. Накануне Пасхи появлялась зеленая травка, усеянная цветами, среди которых копошились

игрушечные цыплята. Лежали завернутые в золоченую бумагу шоколадные яйца, ягнята и зайцы. У витрины постоянно толпились дети и взрослые, разглядывавшие феерическое зрелище. Зато ворихки не дремали. «Друг моего папы, – улыбается наша собеседница, – называл витрину Замфиреску не иначе как «наживкой» для карманников».

Напротив кофейни росли деревья шелковицы. Летом под их кроны выставлялись столики, за которыми горожане проводили немало часов. Кондитерская изготавливала великолепные торты, которые нарезали и продавали как пирожные. «Я обожала булочки с марципанами, – говорит Татьяна Николаевна, – к ним мама или тетя заказывали мне какао или горячий шоколад». Солистом летнего меню становилось мороженое: малиновое, клубничное, лимонное, сливочное, шоколадное, фисташковое и другие. Десерт готовился на натуральных сливках и свежих желтках

с различными добавками – соком, медом, вареньем, ванилью, украшался фруктами, шоколадной стружкой или тоненькими бисквитными печеньками – пишкотами. К мороженому, чтобы не простудить горло, обязательно подавали стакан воды комнатной температуры.

На Александровской, где теперь стоит Дом моды, тоже имелась отличная кондитерская. Она находилась ближе к дому Янушевских, и маленькую Танюшу родители чаще всего водили именно туда. Там продавали нежные булочки, рогалики, пирожные «картошка», таявшие во рту. Но малышка обычно просила печенье, покрытое коричневой глазурью и украшенное четырьмя шариками, посыпанными шоколадной стружкой. «Коронным в этой кондитерской, – вспоминает Т. Янушевская, – был торт «наполеон», истинный его вкус, увы, городские заведения со временем потеряли. Халвы в кофейнях Кишинева было столько сортов, и это восточное лакомство имело такой чудный вкус, что после детства я больше не ем ни мороженого, ни халвы. Теперешние сладости даже близко на них не похожи». Свою продукцию кондитерские продавали и «на вынос» в изящной упаковке.

Хлеб продавался разных видов и форм. Для первых блюд горожане обычно покупали серый круглый хлеб, на который были наклеены две цветные акцизные марки. Свежими бубликами, сушками, баранками, сушками-малютками торговали лоточники, ходившие по улицам. Они раскладывали на плетеных лотках, выстланных белыми салфетками, свой товар и продавали его не на вес, а на «вязочку».

На первом этаже примэрии со стороны улицы Влайку Пыркэлаб располагался продуктовый магазин и питейное заведение семьи Ковальских, которая передавала свой бизнес от отца к сыну. Ковальские имели собственное производство, и их колбасы в рекламе не нуждались. В

Кишиневе было несколько магазинов с этим «брендом». Один из них находился на углу улиц Щусева и Пушкина. В просторном торговом зале стояли бочки с маслинами нескольких сортов, сельдью, в открытых коробках золотились копченые рыбины, лежали круги всевозможных сыров... Чего там только не было! Все это издавало такие запахи, что в магазин невозможно было не зайти, – продолжает свой рассказ Татьяна Николаевна. – Славилась магазины Ковальских и замечательными горячими пирожками с вкуснейшими начинками, которые раскупались вмиг. Разнообразие колбасных изделий приводило в задумчивость даже завсегдатаев: копченый окорок, «кровянка», «чайная», «краковская», сосиски... Колбасы отличались не только отменным вкусом, но и красивыми узорами на срезе. В ливерной колбасе, например, фарш обрамляло тонкое колечко нутряного жира. Вкуснотища – необыкновенная! Колбасы не покупали килограммами. Как деликатесные продукты, их брали понемногу: ломтик одного вида – на ужин, ломтик другого – на завтрак». Когда пришла советская власть, то магазин Ковальского переоборудовали в стандартный продовольственный. Загадка, но при всей скудности ассортимента эта торговая точка умудрялась сохранять остатки традиций прежнего магазина.

Один из магазинов игрушек находился на улице Пушкина. Примерно там, где заканчивается торговый центр «Gemenii». У входа в детский рай стояла деревянная фигура африканца в набедренной повязке с огромной серьгой в ухе. Прежде чем нырнуть в волшебный мир игрушек, мальчики и девочки не упускали случая изучить жителя далекого континента. Королевы зала – французские и немецкие куклы своими элегантными нарядами с вышивкой, кружевами и ангельским выражением лиц, как железные дороги и другие механические игрушки в

душах маленьких посетителей магазина оставляли неизгладимый след... Кукольная посуда, кстати, отличалась от обычной только размерами, поэтому ее изготавливали одни и те же мастера. Не только в магазине, но и на базаре продавались плетеная мебель и керамические сервизы для кукол. «Самыми доступными для большинства кишиневских ребят, – продолжает наша собеседница свой экскурс, – были игрушки, выполненные местными умельцами из натуральных материалов. В них не было чужеземной холодности, и они сразу завоевывали детское сердце. Впрочем, все это – сказочные воспоминания далекого детства...»

ДИТЯ БИЗНЕСА И ИСКУССТВА

Кто из кишиневцев не бывал в кинотеатре «Odeon»? Но что знаем мы о нем? Открылся сразу после войны, поэтому и получил название «Кинотеатр «Победа». После реконструкции здания (проект

Торговая палата

архитектора Валентина Войцеховского) кинотеатр переименовали в «Бируинцу». В 1992 году ему вернули первоначальное имя – «Odeon». Позже, поскольку в нем часто проходят различные кинофестивали и другие акции, – учреждение получило статус Центра культуры. При этом история самого «Odeon» остается для горожан абсолютно чистым листом. Видимо, поэтому 80-летие одного из старейших кинотеатров молдавской столицы прошло никем не отмеченным.

Сохранилось фото элегантного здания, которое стоя-

ло на углу улиц Михайловской (теперь – ул. Еминеску) и Шмидта (теперь – ул. Митрополита Варлаама). Это – «прародитель» нашего «Odeon». Дом в 1909 году построил для собственных нужд Павел Котляревский. Стройка не обошлась без ЧП, о чем поведала читателям газета «Друг» (от 19.07.1909). Утром 18 июля обвалились шестиметровой высоты подмости, на которых находились 60 рабочих. Пострадавшие (обошлось без смертельных исходов) обвинили подрядчика Павла Кошелева в том, что конструкцию смастерили из гнилых досок, сэкономив на гвоздях. Они заявили прессе, что купол с карнизом над главным подъездом дома Котляревского, весом в 2000 пудов, поставлен непрочно и угрожает падением. Сообщение наделало много шума в городе. На объект явилась комиссия в составе двух инженеров, архитектора Владимира Цыганко и даже помощника пристава 2-го полицейского участка. Специалисты придиричиво исследовали объект и вынесли вердикт: дом Котляревского строится качественно и никому опасность не угрожает. Члены комиссии не погрешили против истины. Здание простояло более тридцати лет и непоправимо пострадало во время войны. От всего комплекса осталось здание, где теперь размещается «Odeon».

Дом Котляревского, занимавший большую часть квартала, имел внушительный вид. Хозяин, владевший аналогичным предприятием в Одессе, открыл и в Кишиневе Товарищество по торговле мануфактурой. В 1919 году коммерсанты и промышленники Бессарабии создали Торгово-Промышленную палату (Camera de Comerț), которую возглавил экс-примар города Герман Пынтя. Деловые люди с первых дней рождения новой структуры стремились обзавестись собственным зданием. Но их планы реализовались только на третий год деятельности, когда Бессарабия получила обильный урожай пшеницы.

Он пополнил кассу и упрочил положение общественной организации. В 1922 году Торгово-Промышленная палата за 7 миллионов леев купила у наследников Котляревского их солидный дом.

Не имея возможности уплатить за недвижимость всю сумму, промышленники взяли в Ванса «Comercială» ссуду на 5 200 000 леев с условием, что погасят долг до 27 марта 1927 года. Увы, из-за очередного неурожая и сокращения сферы своей деятельности Палата, в ведении которой из девяти уездов осталось только три (Кишиневский, Оргеевский, Бендерский) – доходы организации упали до минимума. В 1925 году вместо рассчитанной прибыли в 7 658 100 леев Палата инкассировала только 5 200 000, т. е. 68% всего бюджета. Отдавая себе отчет, что Палата не сумеет к назначенному сроку рассчитаться с долгом в 4 732 240 леев, члены Палаты попросили в Национальном банке заем на 5 миллионов.

В меморандуме, адресованном управляющему банка, бессарабские предприниматели подробно изложили причины, заставившие их сообщество прибегнуть к займу. Они указывали, что Торгово-Промышленная палата могла бы сократить свои расходы за счет прекращения финансирования Коммерческого училища, единственного в Бессарабии учебного заведения такого профиля, на содержание которого Палата (только за два года) израсходовала 1 387 869 леев. Она могла бы закрыть Биржу, Арбитражную камеру и другие субсидируемые ею структуры, но учитывая, как писали бессарабские коммерсанты в прошении, с каким трудом эти учреждения создавались и насколько они важны для экономического развития Бессарабии, Палата не может лишить их финансовой поддержки.

Доводы оказались столь убедительными, что Бухарест не отказал просителям в кредите. И в августе 1926

года (в считанные месяцы) на углу Михайловской и ул. Шмидта в здании Торгово-Промышленной палаты открылись кафе «Биржа» и первоклассный ресторан с еврейской кухней, который вскоре стал любимым местом творческой интеллигенции: кишиневских журналистов, актеров, музыкантов.

Через два года Торгово-Промышленная палата решила на неожиданный проект. При своем здании она начала строить новый театр, дав ему имя «Odeon». По своей архитектуре и благоустройству он мог рассчитывать на лучший театр Кишинева. Конструкция сцены, зал на 600 мест, в котором дальние кресла также удобны, как и передние, высота зрительного зала превышала 8 метров, усовершенствованная вентиляция – театр обустраивали с широким размахом. Мебель для зрительного зала заказали в Вене, на известной фабрике «Братья Тонет».

На открытии театра (газета «Бессарабское слово» от 1.12.1928) в присутствии городских властей, прессы, деятелей культуры, президиума Союза коммерсантов и всего совета Палаты Герман Пынтя, ее председатель, сказал, что коммерсанты выделили театру участок земли в счет арендной платы. Через 15 лет, получив всю сумму аренды. Торгово-Промышленная палата станет собственником театра «Odeon». Сразу после открытия артисты Национального театра блестяще сыграли одноактную комедию «Гордиев узел».

ПУТИ И СУДЬБЫ

ДЕВУШКА С АМБИЦИЯМИ

Одной из влиятельных фрейлин при Императорском дворе Александра I была наша землячка Роксандра Стурдза. Дедушка ее был молдавским господарем. После его кончины родители Роксандры по приглашению русских дипломатов перебрались в северный край. Огромное состояние, которое они оставили на родине, вскоре сошло на нет. Стурдзы купили

Роксандра Стурдза

в Могилевской губернии усадьбу и принялись за новую деятельность. Мать Роксандры жадно пополняла свои знания, много читала, налаживала сельское хозяйство и воспитывала пятерых детей. После смерти старших родители всю привязанность перенесли на Роскандру и Александра. Когда Роксандре исполнилось 15 лет, семья перебралась в Петербург: пришло время вывозить девушку в свет. И тут выяснилось, что «барышня-крестьянка», несмотря на нежный возраст, наделена амбициями поистине государственных масштабов. Сказалась дедушкина кровь.

Провинциалке удалось расположить к себе воспитательницу сыновей императора Павла. Графиня Шарлотта Карловна Ливен в свою очередь обратила внимание императрицы на умную, образованную (не по годам) девицу

Стурдзу. Стоит ли удивляться, что деревенскую затворницу вскоре назначили фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны?

Царский двор был центром политической и светской жизни. Придворная служба открывала множество очень широких возможностей. Незамужние представительницы родовитых фамилий достаивались придворного звания фрейлины, которые «состояли» при императрицах, великих княгинях и великих княжнах. Профессиональное образование фрейлины получали в петербургском Смольном институте, и после его окончания вовсе не замыкались в будуарах, как это принято считать, а шли на государственную службу. Одни служили воспитательницами и преподавали августейшим особам, другие были советницами, и к их мнению прислушивался даже император.

Император Александр I

Кроме «общеобразовательных предметов», фрейлинам полагалось знать и соблюдать все тонкости придворного этикета, а это непростая наука. Их обязанности были расписаны по часам, нерадивость грозила отставкой. Главная задача фрейлин состояла в том, чтобы «сделать хорошую партию». Выходя замуж, девушка покидала государственную службу...

Когда началась Отечественная война 1812 года, император Александр I уехал в действующую армию. Императрица Елизавета Алексеевна со двором обосновалась в Летнем дворце на Каменном острове. Вернувшись, окрыленный победой император познакомился с фрейлиной Стурдзой, которую отличали искусство собеседницы и самостоятельный ум. Внучка молдавского господаря

была одной из тех немногих женщин, с кем император вел серьезные разговоры и к чьему мнению прислушивался. Надо полагать, что и Роксандрой руководили не только карьерные побуждения. Александр I мог вызвать вполне бескорыстную симпатию. «Доселе я знал аристократию рода, – отзывался о нем современник, – умел подмечать иногда аристократию ума и таланта, но вижу, что есть еще третья аристократия – это аристократия сердца». Другой восхищался обаянием его улыбки, а впечатлительный Сперанский называл императора «сущим прельстителем».

Влияние Стурдзы на монарха не бросалось в глаза. Когда оно угасло, скрытная фаворитка спокойно отступила в тень. В 30 лет она вышла замуж за министра иностранных дел и гофмаршала Веймарского двора фон Эдлинга. Проведя при августейших особах 12 лет, сохранив к императору более чем теплые чувства, фрейлина покинула двор. За безукоризненную службу она удостоилась императорского подарка – 10 тысяч десятин (более 10 тысяч гектаров) земли в Бессарабии.

Вскоре Эдлинги переехали в Россию. В 1822 году супруги осели в Одессе. 36-летняя Роксандра с увлечением стала хозяйствовать в своем имении, как это делала когда-то ее мать. За несколько лет графиня превратила пустынное место в цветущее поселение Манзырь. Живя в глуши, занимаясь хозяйством, она переписывалась с прежними знакомыми в России и Европе. В 1829 году Роксандра завершила работу над рукописью «Из записок графини Эдлинг», которые полны зорких наблюдений – настоящая энциклопедия политической и бытовой жизни России. Рассказывая о правлении Александра I, редкий исследователь не заглянет в «Записки» нашей землячки.

Но и этого энергичной внучке молдавского господаря оказалось мало. Для нее настал черед благотворительных

подвигов. Роксандра открыла в имении школу для бедных детей, церковь и больницу, основала сиротский дом, собирала средства для устройства женского монастыря. Во время греческого восстания дочь гречанки сама жертвовала большие суммы и приглашала своих друзей собирать средства на выкуп греков из турецкого плена.

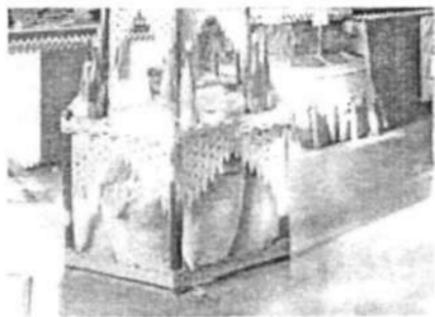
В 1841 году Роксандра овдовела, она пережила супруга всего на три года. Похоронили бывшую фрейлину в Одессе. Брат ее, государственный сановник-дипломат Александр Стурдза, который известен как церковный писатель и переводчик, продолжил дело, начатое сестрой. Рядом с усыпальницей Роксандры он, по ее завещанию, построил Церковь Св. Марии Магдалины, открыл кладбище, а позже основал Одесскую богадельню сердобольных сестер. Сначала здесь давали приют только христианкам, но после стали брать всех, кто нуждался в крове, хлебе и утешении.

ОТЦОМ БЕССАРАБСКОГО ВИНОДЕЛИЯ БЫЛ ШВЕЙЦАРЕЦ

Во время турецкого владычества самые большие виноградники находились в окрестностях Аккермана (ныне г. Белгород-Днестровский). Посадки, оставшиеся после ухода турок, поступали в казну либо раздавались. Осенью 1822 года благодаря хлопотам бессарабского графа Паравичини в эти места прибыли пять семей французов-виноградарей из швейцарского кантона Во.

Первое время поселение носило турецкое название «Аша-абаг» (Acha-abag), что значит «Нижние сады». «Садами» тогда называли виноградники, а «нижними» их именовали потому, что плантации находились ниже Аккермана. Французы не стремились переименовать поселок. Но из-за трудностей произношения называли

его по-своему – «Шаб-баг» (Schabag). А потом швейцарцы и вовсе «офранцузили» турецкий топоним: Шабо. Год за годом берега Днестровского лимана покрывались прекрасными виноградниками. Самым талантливым виноделом среди колонистов оказался поручик швейцарской службы Карл Тардан. Наитие здесь было ни при чем. Карл являлся учеником Альфонса Декандоля, выдающегося швейцарского ботаника и директора ботанического сада Женевского университета. В 1847 году, на первой сельскохозяйственной выставке, которая проходила в Кишиневе, Тардан представил 8 сортов вина из собственных подвалов. Шесть – столовых, одно – десертное и одно – шипучее. Весь ассортимент удостоился золотых медалей. Вина швейцарца

Виноделие в Бессарабии

завоевывали награды на выставках Санкт-Петербурга, Москвы, Херсона. Хозяйство колонистов превратилось в опытную станцию для бессарабских виноградарей.

Яркой фигурой среди бессарабских виноделов был председатель Бендерской уездной земской управы Константин Александрович Мими. Увлечшись виноградарством, он отправился изучать это искусство во Францию. Не удивительно, что его виноградное хозяйство в Бульбоке, по воспоминаниям современника Иосифа Бехталовского, стало образцом культурных достижений. Глава Бендерского земства приобрел прекрасный инвентарь для изготовления вина. Построил небывалый двухэтажный подвал для хранения и выдержки вин высшего качества. Хранилище спроектировали так, что оно шло в гору, и его размеры можно было увеличивать бесконечно. Мими первый ввел в ассортимент виноград сорта «Алиготе». Наладил отправку своей первосортной продукции в Москву, Одессу и Владивосток.

У себя в хозяйстве Константин Александрович открыл курсы рационального виноделия, их посещали даже курсистки, желающие получить новые знания и навыки, которые были очень востребованы. Часто занятия переносили из Бульбок в Бендеры, и председатель уездной земской управы их оплачивал. Во время Первой мировой войны Мими обеспечивал русскую армию вином.

Виноградное хозяйство «Бульбока» вписало одну из интересных страниц в историю бессарабского виноделия. Профессор Бухарестской Агрономической академии И. Теодореску, читая лекции о румынском виноделии, не раз отмечал значение хозяйства Мими в распространении культурных приемов в деле подбойного виноградарства.

Винодел имел опытное поле со школой садовых рабочих и в другом селе. Там учились выращивать виноградные саженцы, занимались прививкой.

А. А. Аршеневский,
Старший Советник
Бессарабского Губернского
Правления

Г. П. Аршеневская,
урожд. Рышлякова

Дом Рышляковых

А. М. Ралли, представитель
Бессарабского дворянства

Княгиня Е. М. Ухтомская,
сестра А. Ралли

Е. К. Ралли, В. К. Кудревич,
Э. К. Кудревич, представители
Бессарабского дворянства

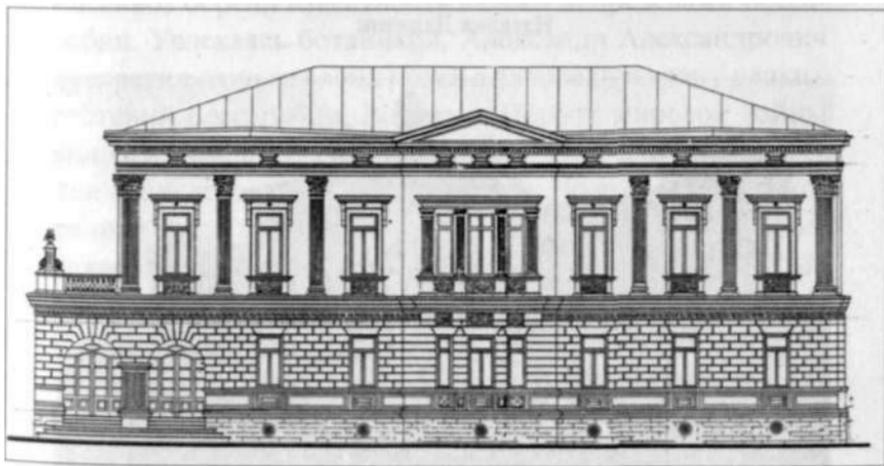
К. Д. Рышкан, Помещик,
частный владелец
Вестарничен и Рышкановки

Е. А. Рышкан-Дерожинская,
супруга Е. Л. Рышкан-
Дерожинского

Областной предводитель
Бессарабского дворянства,
Е. Л. Рышкан-Дерожинский
с братом Матвеем

Дом Рышкан-Дерожинских до перестройки его
ул. В. Пыркалаб, угол Букурешть

Наталия Даддани

Гимназия Наталии Даддани

Школа Мими дала путевку в жизнь многим бессарабцам со скромным достатком. Окончив курс, они становились самостоятельными виноградарями. Заводили собственные небольшие парники, наполняя Бендерский уезд дешевыми саженцами, которые качеством не уступали привозимым из Франции.

Обидно мало сохранилось сведений о греческом семействе Захариади. Гавриил Безвиконный, отец известного знатока бессарабской старины Георгия, в воспоминаниях, опубликованных в журнале «*Din trecutul nostru*» (№13–14, 1934 год) рассказывает о пяти братьях Захариади, владельцах обширных имений и домов в Измаиле. Захарий Александрович возглавлял Измаильский Непременный земский комитет и уездный земский совет. Иван Александрович избирался измаильским городским головой. Один из братьев занимался наукой. Александр Александрович, просвещенный помещик-агроном, преуспел в виноделии и виноградарстве. Его вина с чумайских массивов обрели известность далеко за пределами Бессарабии. Увлекаясь ботаникой, Александр Александрович превратил одно из своих полей в заповедную зону редких растений Бессарабии. Во время Первой мировой войны винодел пожертвовал крупный капитал для приобретения плавучего лазарета «Сестрица». Но его заслуги вскоре оказались забытыми. В 1918 году образцовое имение Захариади «Чумай» погибло в огне революции. Элитные виноградники подверглись уничтожению, огромные погреба редких вин французских лоз – разграблению.

Виноградарством и виноделием увлекались многие бессарабские землевладельцы: Кристи, Семиградовы, Дерожинские, Томулец, Леонарди. Сохранилась опись 1880 года движимого и недвижимого имущества, оставшегося после кончины дворянина Петра Егоровича Леонарда, владевшего в Оргеевском уезде огромным имением Бо-

гичены. В экономическом погребе винодела в 97 бочках (каждая имела особый номер) хранилось 4800 ведер вина. В этой «винотеке» значились – как местные, богиченские старые вина, так и старые французские... Оргеевцы знали секреты хороших вин. С Одесской винной выставки 1910 года виноделы этого уезда Бессарабии увезли немало наград. Большая серебряная медаль досталась белому столовому вину из винограда «Сильвалера», которое произвел П. Дическул. Такую же награду увез домой опять же оргеевец Н. Стилосу. Он изумил жюри божественным вкусом каберне. Бронза досталась столовым винам Д. Баканова из Бендер. А вот натуральные коньяки завода Рейделя брали реванш даже в искусственной Франции. В 1894 году они лидировали на выставке в Лионе, в 1895 – в Бордо. В 1896 году кишиневским коньякам не было равных в Нижнем Новгороде, в 1897 – в Киеве.

Дотошный краевед М. Балицкая детально изучила продвижение виноградарства в районе Каменки. Особенность микроклимата долины пойменной террасы Днестра учел потомок древнего аристократического германского рода Людвиг Адольф Петер Зайн-Витгенштейн-Берлебург. В Бессарабии он был известен как Петр Христофорович Витгенштейн. Фельдмаршал русской армии, имя которого упоминал Лев Толстой в «Войне и мире», оказался успешным коммерсантом. В начале 20-х годов XIX века Петр Христофорович привез из Германии и Франции лозу высококачественных технических и столовых сортов. Таких, как Пино черный, Рислинг, Траминер. Альварна, Мускат, Чауш, Шасла и другие. Виноградники фельдмаршал заложил на каменных террасах Днестра, для чего завез на гребни плодородную землю. Кстати, свои виноградные плантации Витгенштейн украсил каменными башенками-сторожками, которые на зеленом фоне плантации смотрелись очень живописно.

Для успешного ведения дела Петр Христофорович привез с берегов Рейна потомственных виноградарей и поселил их на своих землях. Каменские вина сортов Рислинг и Траминер, по отзывам современников, напоминали рейнские. Сбывали вина Витгенштейна в Москве, Петербурге, Варшаве. Перекупщики часто выдавали каменские вина за французские и на том хорошо зарабатывали. А потом Петр Христофорович открыл в своем раю первый в юго-западной России лечебный курорт, где с недугами боролись виноградом. Бизнес поставил на широкую ногу внук полководца – князь Федор Львович Витгенштейн. Он, кроме лечения виноградом, ввел лечение кумысом, для чего развел табуны молочных кобылиц.

РУССКИЙ БАЙ ИНЗОВ

166 лет назад, 27 мая 1845 года, не стало Ивана Никитича Инзова, чье имя знакомо каждому школьнику. Этот генерал от инфантерии (пехоты), не написавший ни одного стиха, вошел в историю русской литературы как ангел-хранитель поэта Александра Пушкина во время его трехлетней ссылки в Бессарабию. Впечатления тех лет вошли в поэзию и прозу Александра Сергеевича: «В степях зеленых Буджака», «Цыганы», «Кирджали». В Кишиневе Александр написал более ста стихотворений, закончил «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Гавриилиаду», «Братьев-разбойников», приступил к роману «Евгений Онегин».

Иван Никитич Инзов

21-летний Александр Пушкин оказался в Бессарабии

в 1820 году за оду «Вольность». Поэту грозила ссылка в дальние края, но стараниями друзей он вместо севера попал на юг. Приехав в Кишинев, Пушкин первое время вел себя очень тихо. Наместник Инзов, выяснив, что поэт сидит без денег, принял его под свою крышу. Иван Никитич был необычным администратором и добрейшим человеком. Сироту воспитала семья дворян Трубецких. В 17 лет Иван поступил в Сумский кавалерийский полк, участвовал в походах в Италию и Швейцарию. Во время Отечественной войны командовал дивизией, дослужился до чина генерал-майора. Удостоился Георгиевского креста и орденов Святой Анны I, II, III степени. Инзова, за милосердие к французским пленным, одного из русских генералов, наградили французским орденом Почетного легиона.

Дом где жил Инзов (не сохранился), принадлежал боярину Доничу. Обычно его арендовали на городские средства для наместников Бессарабии. Особняк стоял на холме, откуда открывался прекрасный вид на реку Бычок и нижнюю часть города. Генерал-губернатор Бессарабской губернии не имел семьи, жилье снимал вместе со своими помощниками по службе. Увлекался изучением природы. Кабинет исследователя украшали деревца разной величины и минералы. На птичьем дворе стояли вольеры и клетки с множеством певчих канареек и декоративных птиц.

Пушкину отвели две комнаты. Голубые стены он испортил восковыми пулями: поэт упражнялся в стрельбе из пистолета. Соседнюю комнату занимал слуга Никита. Крепостной Сергея Львовича, отца поэта, сопровождал Александра во всех его путешествиях. В то время о Бессарабии ходили самые невероятные слухи. Будто здесь живут одни разбойники, места кишат змеями и скорпионами, народ косят чума и лихорадка.

Ссылный под опекой Ивана Никитича ожил, сделался

веселым, шутливым и смелым в обращении. Стал озорничать, как прежде. В один из знойных дней он получил приглашение на обед от губернатора. Когда гости собрались, явился Пушкин. Экцентричный костюм озорника привел публику в замешательство. Не смущаясь, он продефилировал в прозрачных кисейных панталонах без нижнего белья. А то он любимого серого попугая Инзова выучил непристойным молдавским выражениям. Птица приветствовала ими архиерея Димитрия, пришедшего поздравить наместника со светлым праздником Пасхи. Расстроенный старик Инзов только и сказал безобразнику: «Какой ты шалун! Преосвященный догадался, что это твой урок!» На праздники Иван Никитич обязательно брал Александра с собой в митрополию. Становился возле клироса на колени и молился. Поэт тоже пристраивался рядом. Но пока генерал общался с Всевышним, Александр корчил гримасы знакомым дамам. Наблюдая за его шалостями, Инзов лишь вздыхал. В редких случаях Иван Никитич отнимал у поэта сапоги и не выпускал из комнаты несколько дней

Холостяк Инзов относился к озорству непоседливого Александра снисходительно. Прощал все выходки, догадываясь об истинной их причине. Поэт просил отца помочь ему деньгами, но тот отказывал. Стесненность в материальных средствах, болезненное самолюбие – все это делало поэта чрезвычайно ранимым и резким. Вспышки гнева пиита доводили мирные беседы до ссор, а то и до поединков. Дуэли – тоже входили в список развлечений Пушкина в Бессарабии. Не избегал он ни карт, ни кутежей, ни ухаживаний – прежних увлечений петербургской жизни. Друзья поэта утверждали, что большинство выходок любимца – не что иное как поза, стремление выделиться из «толпы». Дескать, Александр преувеличивает свои недостатки, бросает вызов. Так, похоже, считал

и Иван Никитич... Спустя много лет Александр Сергеевич с «нежным участием» вспоминал добрейшего своего опекуна. В воображаемом разговоре Пушкина с императором Александром I поэт отзывался о наставнике с душевной теплотой. Мол, Инзов – добрый и почтенный старик, русский в душе. Не предпочтет английского шалолая своим соотечественникам. Доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные. Сердечное отношение к опальному Пушкину – не единственная заслуга Инзова. С именем генерала связан золотой век болгарских колонистов в России. После окончания русско-турецкой войны 1806–1812 годов, когда Бессарабию включили в состав России, началось интенсивное заселение края. Больше всего сюда прибывало задунайских болгар, бежавших от турецкого гнета. В 1821 году под наблюдением и активном содействии наместника Инзова на берегу озера Ялпуг началось строительство города Болграда.

Председатель комитета иностранных поселенцев помогал семьям, вырванным с родных мест, сохранять на новых землях свои традиции, культуру и религию. Много лет генерал не расставался с проектом построить Новую Болгарию со столицей в бессарабском городе Болграде. Андрей Фадеев, его помощник, в своих воспоминаниях писал: «Внимание Инзова было поглощено устройством Болграда и заботами об умножении переселения в Бессарабию болгар. На прочие дела и колонии он мало обращал внимания».

За свои хлопоты по управлению 83-мя болгарскими колониями и двумя городами глава Попечительского комитета об иностранных поселенцах Юга России заслужил безграничное уважение и поклонение приезжих.

Сдав дела по управлению Бессарабией своему преемнику графу Михаилу Семеновичу Воронцову, Иван Ни-

китич не покинул своего поста попечителя колонистов. В 1833 году он из Кишинева переехал в Одессу. Перед кончиной Инзова разбил паралич, старик не вставал с постели, лишился речи. Несмотря на беспомощное состояние, пост попечителя за Инзовым оставляли до его кончины в 1845 году. Болгарские колонисты обратились к царю с просьбой перезахоронить своего «крестного отца», как они называли Ивана Никитича, в Болграде. Для этого на народные деньги, которые собирали по всем колониям, в городе построили церковь имени Святого Митрофана. В феврале 1846 года болгарские колонисты вырыли останки Ивана Никитича и на руках понесли гроб из Одессы в Болград. Несли в стужу 230 километров, перекладывали ношу на катафалк, только останавливаясь на привал.

При погребении Ивана Никитича один из бессарабских поселенцев сказал: «Нет на земле такого болгарина, который бы сделал столько добра своим соплеменникам, сколько сделал для нас русский Бай Иван Инзов. Пока мы живы, будем помнить его благодеяние...» Действительно, в Болгарии именем Ивана Никитича названо село «Генерал Инзов», есть одноименное село и в Запорожской области, а в Приазовье – село Инзовка.

После развала Союза усыпальница Ивана Никитича пришла в плачевное состояние. Благодаря обращению академика Дмитрия Лихачева в Одесское областное общество охраны памятников и старины последний приют генерала отремонтировали.

Интересно, в каком состоянии он теперь?

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА КНЯЗЯ

Похоже, след этого сына армянского народа на нашей земле не затеряется. В начале октября правительство приняло постановление о реставрации комплекса зданий усадьбы семьи Мирзаяна. К концу месяца районные вла-

Усадьба семьи Мирзаян в
г. Хынчешть

сти должны были провести техническую экспертизу всех строений, создать рабочую группу и разработать концепцию развития и благоустройства памятника. Весной 2007 года, в год 190-летия со дня гибели Манук-бея, намечались восстановительные работы в усадьбе. Но, увы, воз и ныне там.

Два столетия личность армянского дипломата Манук-бея Мирзаяна, родившегося на территории нынешней Болгарии, служившего у турецкого паши во славу Российской империи и похороненного в Кишиневе, интриговала румынских, русских и армянских историков.

У нас самым осведомленным о жизни и смерти «славного драгомана Мануки» (драгоман – дипломатический переводчик уровня помощника министра иностранных дел в Османской империи) был военный в отставке, доктор исторических наук Джорж Соломонович Фаньян. Собственное расследование провел и районный журналист Константин Смолин, когда занял кресло директора открывшегося в 1979 году в г. Котовске (ныне г. Хынчешть) Охотничьем замке Мирзаяна историко-краеведческого музея. Все ли страницы во многом закрытой жизни князя удалось прочитать исследователям?

Отец Манука, Мартирос Мирзаян, рано покинул родную Араратскую долину и перебрался на Балканы. Женившись на дочери состоятельного соотечественника, он в Ращуке, в торговом и административном центре Высокой Порты (теперь это город Русе в Болгарии) стал одним из богатых купцов. В 1764 году родился сын Ованес, а через пять лет – Манук. Ованес, изменивший имя на Иоанна, получил образование в Ращуке, а потом в Яссах, столице княжества Молдавия. Он рано стал помогать отцу, отличался благородным характером, стал достойным примером для подражания подрастающему Мануку. Находясь в Константинополе, Иоанн узнал о беде, постигшей отцовского друга. Молва о необычайной красоте его 12-летней дочери достигла султана, и он приказал доставить девочку в свой гарем. Иоанн предложил родителям бедняжки сообщить султану, что их дочь по армянскому обычаю с колыбели обручена с ним. И, мол, жених прибыл обсудить предстоящее бракосочетание. План – «сработал», Иоанн Мирзаян женился на юной красавице, и молодожены покинули Константинополь. Однако это был опасный вызов, дело замяли благодаря связям отца с правителем Ращукского пашалыка. Но счастье оказалось недолгим. Иоанн через несколько лет погиб в схватке с янычарами, поднявшими мятеж. Юная вдова осталась с тремя детьми, и их дядя Манук, обожавший старшего брата, заменил племянникам отца.

Тонкий ум, образованность и богатство открыли Мирзаяну путь на Олимп султанской империи. От казначея рушукского паши Манук поднялся до дипломатического советника главного визиря Порты, начальника ее финансового ведомства, удостоился высокого титула «бея». Занимая ключевые посты, Мирзаян вел двойную игру, снабжал российскую военно-дипломатическую службу ценнейшими сведениями. Талант же дипломата раскрыл-

ся во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Используя свои связи, Манук Мирзаян сыграл важную роль посредника в переговорах. И в 1812 году в его имени в Бухаресте противники подписали мирный договор, по которому междуречье Днестра и Прута перешло под протекторат России. Империя высоко оценила заслуги 43-летнего драгомана-бея, удостоив его звания кавалера ордена Владимира третьей степени и чина действительного статского советника. Мирзаян принял российское подданство, купил в Бессарабии в Ганчештах (ныне Хынчешть) лесной массив с летней резиденцией княгини Долгоруковой. Но не роскошь и богатство влекли князя. Единственной страстью этого сына армянского народа была забота об облегчении участи своих соплеменников, притесняемых в Османской империи. Не эта ли большая забота подвигла успешного юношу стать армянским Штирлицем?

Живя в Ганчештах, Манук Мирзаян разработал проект постройки в районе Рени армянского города – государства Александрополя, и с нетерпением ждал разрешения императора. И вот в 1817 году в имение с долгожданным известием прибыли важные гости. Главнокомандующий русской армией на Дунае барон Беннигсен и губернатор бессарабской области генерал Бахметов сообщили, что документ подписан Александром I! На радостях хозяин подарил Беннигсену лучшего своего скакуна. Видя, что барон побаивается жеребца, Манук-бей показал высокий класс верховой езды. Подъезжая к гостям, он, якобы, соскочил на ходу. Ударившись о седло, князь Мирзаян получил смертельную травму внутренних органов и через два дня скончался. Существовала еще одна версия гибели драгомана. Дескать, его отравил на праздничном обеде по случаю важного известия слуга, подкупленный Портой. Как бы там ни было, 20 июня 1817 года, на 48 году жизни действительного статского советника и кавалера Манук-

бея похоронили в склепе армянской соборной церкви в Кишиневе.

До последнего дня жизни Манук-бей заботился о детях брата, дав им хорошее воспитание и образование. Старшую Елену выдал замуж, дав ей щедрое приданое. Розалии духовным завещанием выделил в виде наследства драгоценности. Племянник Герасим окончил Московский университет, участвовал в Русско-турецкой войне на Дунае, служил на ответственных должностях в Правлении губернатора в Одессе.

У самого князя осталось шестеро детей: Мурад (Иван), Кейрат (Григорий), Екатерина, Пембе, Мириам, Гайяне. За два года до неожиданной кончины их отец участвовал в работе венского конгресса, где решалась судьба Наполеона. Там он написал завещание на имя своего сына Мурада. В случае его внезапной смерти наследство, которое оценивалось примерно в миллион левов, переходило жене Мирзаяна. Дабы дочери могли получить свою долю, им надлежало выходить замуж только за соплеменников. Такова была воля их отца, и ее никто не ослушался. По загадочной причине через пять лет за отцом ушла дочь Мириам, а потом и Гайяне. (Надгробные плиты всех трех Мирзаянов лежат под сенью армянской церкви, что стоит за бульваром Ренаштерей.) Екатерина стала женой одного из крупнейших меценатов армянской диаспоры России Христофора Екимовича (Овакимовича) Лазарева (Лазаряна).

В своем духовном завещании Манук-бей распорядился, что пока его наследник Мурад (Иван) будет несовершеннолетним, управлять всеми делами он поручает Асватуру Аветову, мужу своей племянницы Елены. И даже определяет ему годовое жалование – 5 тысяч левов. Похоже, именно стараниями Аветова и появилась в 1881 году в Ганчештах прекрасная усадьба, построенная по проекту Александра Иосифовича Бернардацци. Она со-

стояла из дворца, охотничьего домика и церквушки в армянском стиле. Покои дворца расписывал маринист Иван Айвазовский, наезжавший погостить в Кишинев к своему брату. За изящным фасадом усадьбы Манук-бея порой разыгрывались настоящие драмы. Известен случай, когда вдова Мирзаяна обратилась к губернатору Бессарабии за помощью. Княгиня обвинила управляющего в том, что он переделал завещание на свое имя и лишил семью Манук-бея всех средств. Расследованием занялась авторитетная комиссия... Насколько факты соответствовали действительности и что выяснили эксперты – сейчас трудно сказать. Асватур Аветов в 20-х годах отстранился от своих обязанностей и места. Переехал в Кишинев и стал управлять имением армянской епархии, совмещая эти обязанности с хозяйствованием в собственных имениях в Баймаклии и Тараклии Кагульского уезда.

В 1895 году усадьбой в Ганчештах владел Григорий Манук-бей, который долгое время опекал семью будущего героя гражданской войны Григория Котовского. Сначала князь весь год оплачивал жалованье и визиты врачей к его отцу, который вскоре умер от чахотки. По протекции и на средства Манук-бея его крестник Гриша поступил в Кишиневское реальное училище. Князь также выделил пособие на учебу и одной из сестер Котовских. Оставшись без присмотра, сирота стал прогуливать занятия, хулиганить и через три месяца оказался за воротами училища. Тогда Манук-бей устроил сорванца в Кокорозенское сельскохозяйственное училище и оплатил весь пансион. В Кокорозенах Григорий, по настоянию спонсора, «налегал» на агрономию и немецкий язык. Благодетель обещал направить питомца на Высшие сельскохозяйственные курсы в Германию. Увы, эти планы не осуществились – в 1902 году Григория Манук-бея не стало...

ТУЧКОВ СОЗДАЛ МИНИ-ВАВИЛОН

Измаил, украинский порт на Дунае, незримыми нитями связан с Кишиневом. Сразу возникает образ генерал-аншефа А. В. Суворова, чьи войска 11 декабря 1790 года, в ходе русско-турецкой войны 1787-91 годов, штурмом взяли эту крепость. Но Измаил сохранил память и о потомственном военном Сергее Алексеевиче Тучкове. Имя этого представителя старинного дворянского рода, чей отец был генералом-инженером, сподвижником Румянцева и Суворова, носит улица, а в городском сквере ему поставлен памятник.

Генерал С. А. Тучков

Чем же Сергей Алексеевич заслужил уважение горожан? Не боевыми победами, хотя Тучков состоял на службе с юных лет. В первом морском сражении в составе парусной и гребной эскадры он участвовал в 22 года. За полвека своей военной карьеры воевал во всех кампаниях, которые вела тогда Россия.

Уже в двенадцатилетнем возрасте Тучков проявил себя как литератор и в юношеские годы достиг на этом поприще немалых успехов. Он являлся одним из учредителей и деятельных членов Общества друзей словесных наук, публиковал в журнале «Беседующий гражданин» свои стихи и прозу. Литературные занятия Тучкова прервала Шведская война 1789–1790 годов, в которой он участвовал в качестве командира роты, а затем батальона морской артиллерии. Вернувшись в Петербург, Тучков

Измаил. Крестовоздвиженский крепостной собор

узнал о запрещении Общества друзей словесных наук в связи с выходом книги А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Под разными видами большая часть членов Общества потеряла свои должности и велеием Екатерины II была выдворена из Петербурга.

Но в памяти жителей Измаила С. А. Тучков остался вовсе не литературными трудами.

В 1809 году его назначили комендантом крепости Измаил. Благодаря энергии и высоким нравственным качествам Тучков смог убедить некрасовских казаков вернуться из турецких владений. Этого много лет не удавалось другим военным и государственным российским деятелям. Некрасовцы, потомки донских казаков, после поражения в Булавинском восстании ушли во главе со своим атаманом И. Некрасовым на Кубань, оттуда – в Турцию, где создали казачью «республику». Там получили право самоуправления (казачий круг) с обязательством участвовать в войнах против России.

К казакам присоединились и старообрядцы, которые из-за религиозных притеснений бежали за кордон. Благодаря Сергею Алексеевичу те и другие вернулись в пре-

дела России. Безымянное предместье крепости Измаил превратилось в город.

Комендант лично выбрал место для города. Разбил его на кварталы, заложил первые здания для магистрата и градоначальства. Одну часть некрасовцев Тучков поселил в восточной половине города, которую стали называть «Старой Некрасовкой». Другую – в западной, названной «Новой Некрасовкой». 19 сентября (1 октября по новому стилю) 1812 года указом Сената город обрел имя – Тучков.

Заселение и застройка его велись с таким размахом, что к 1812 году здесь появилось много каменных зданий и более ста лавок.

Кроме всего, С. А. Тучков создал наилучшие условия для успешной работы астрономической комиссии в предместье Измаила – Старой Некрасовке. Основатель Пулковской обсерватории, астроном В. Я. Струве вместе с геодезистом, генералом Карлом Теннером. Хр. Ганстеном и Н. Х. Зеландером (их звали «геометрами трех народов» – России, Норвегии, Швеции) с 1816 по 1852 годы выполнили одно из самых известных в истории геодезии градусное измерение дуги меридиана. Она простирается от Северного Ледовитого океана (город Хаммерфест в Норвегии) до устья Дуная (село Старая Некрасовка в Украине) и получила название «Дуга Струве». Русско-Скандинавское градусное измерение вошло в сокровищницу мировой науки и не потеряло актуальности до настоящего времени...

Все улицы города Тучкова шли перпендикулярно и параллельно центральному проспекту, который его учредитель назвал Дунайским (сейчас проспект Суворова) – в честь великой европейской реки, на берегу которой раскинулся новый город. Непосредственное участие в его становлении принял М. Воронцов, в то время Новорос-

сийский и Бессарабский генерал-губернатор. Он предложил разбить вокруг Покровского собора парк и посадить вдоль проспекта деревья.

С. А. Тучков с радостью принимал на жительство каждого нового поселенца: запорожца, некрасовца, румына, цыгана, христианина, магометанина, иудея. Каждое землячество принесло в город свою культуру и обычаи... Например, греки выстроили здесь красивые каменные дома и церковь, открыли греческое консульство, коммерческое казино. Участок бульвара от улицы Верхне-Дмитриевской (Свердлова) до Училищной (Бендерской) стали именовать Греческим сквером. По обе стороны аллеи высадили деревья разных пород, кусты жасмина и сирени, цветы. В 1821 году в Тучкове побывал А. С. Пушкин. В сопровождении офицеров он осмотрел крепость, достопримечательности города и целый день провел в беседе с градоначальником.

ПЕРВЫЕ ГУСАРЫ – МОЛДАВАНЕ

Константин Карузо

Отчаянные смельчаки, удалцы, красавцы и поэты... Откинутый на левое плечо ментик, лихо заломленный кивер, усы, сабля. Кому не знакомы портреты гусар?! Их подвиги и бурная жизнь описаны в романах, трудах историков, отмечены в театральных постановках и художественных кинолентах. При этом мало кому известно, что наши предки имели самое непосредственное отношение к этому воинскому формированию, которое 300 лет служило российской империи.

Гусарами в XV веке (по-венгерски

«хусар», означает «один из двадцати») называли конных воинов венгерского ополчения, которое разделялось на роты по 20-25 всадников. В 1707 году Петр Великий для защиты южных границ по западному примеру создал свою легкую конницу. Первую гусарскую часть набрали в южной России из сербов, валахов и молдаван. Это воинское формирование из нескольких сот искусных воинов поначалу называлось Валашской хоронгвией. В мирное время конники несли пограничную и сторожевую службу по месту жительства, в военное – принимали участие в боях. Полки состояли из наемных воинов, их содержание российской казне обходилось в копейчку. После Прутского похода 1711 года Валашскую хоронгвию распустили. Но как только началась Русско-турецкая

Летучий эскадрон

кампания (1735–1739), легкая кавалерия снова вернулась в регулярную русскую армию. Весной 1739 года она наголову разбила турок. Важную роль в виктории сыграли гусары – выходцы из Балканских стран. Семилетняя война убедила императора в необходимости хорошо обученной и организованной конницы. И легко конники, как еще называли гусар, заняли свое место в регулярной армии. Царский указ 1741 года узаконил существование гусарских полков. Первые гусарские полки возникли на территории нынешней Украины и носили названия – Сербский, Венгерский, Грузинский и Молдавский.

Гусары, в отличие от тяжелой кавалерии, вели разведку и боевое охранение малыми отрядами. Им поручались самые рискованные и трудные задания. Летучие эскадро-

ны гусар совершали рейды и набеги на тылы и коммуникации противника. Дерзкие и сложные операции требовали от гусар особого искусства в верховой езде, владения оружием, отваги, находчивости, инициативы. Служба в гусарских полках считалась самой опасной. Сами удалцы шутили, что хороший гусар не доживает до 35 лет...

В 1807 году генерал-майор А. П. Мелиссино, великолепный кавалерист, участник штурма Измаила, за что удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени, получил приказ сформировать новое соединение. Свое название гусарский Лубенский полк получил от места Лубны (Полтавской губернии), где поначалу находился. Шеф полка и его офицеры приложили немало усилий, чтобы превратить в армейское формирование толпу добровольцев. Поначалу оно состояло из отставных чиновников, семинаристов, купцов, мещан, дворян, крестьян, священнослужителей. Это были греки, сербы, молдаване, немцы, французы, поляки, цыгане, крещеные евреи и даже негры. Спустя несколько десятилетий 8-й гусарский Лубенский полк превратился в отлично воевавший отряд.

В 70-е годы XIX века в тихий Кишинев вошел 8-й гусарский Лубенский полк. Старые газеты рассказывают, что горожане встречали военных с радостью. Выстроившись вдоль улиц, кишиневцы громкими криками приветствовали кавалеристов. Из многих окон навстречу лубенцам летели цветы. На балах замелькали синие мундиры, расшитые серебром. Кстати, гусарский мундир был необыкновенно нарядным. Он состоял из доломана – короткой суконной куртки со стоячим воротником. Поверх нее надевалась еще одна куртка-ментик. Гусары носили узкие рейтузы, ч и к ч и р ы , и короткие ботинки. Костюм дополнял кушак, черный кивер (головной убор) с белым султаном и шнурами. Парадный мундир, который шился на собственные средства, содержание лошади быт

офицеру обходились очень дорого. Поэтому в XIX веке в гусарах служили представители состоятельных семей. Кстати, реальную кавалерист-девицу Надежду Дурову, а не Шурочку Азарову, о которой рассказывает фильм «Гусарская баллада», недостаток средств вынудил перевестись из Мариупольского гусарского полка в Литовский уланский, где служба обходилась дешевле.

Военные обеспечили заработком многих горожан. В районе Инзовой горы (ныне Пушкинская горка) кавалеристы арендовали конюшни. Поставка фуража стала очень выгодной коммерцией для кишиневских подрядчиков. Господа офицеры снимали квартиры по всему городу. Хотя в гусарах и служили отпрыски состоятельных фамилий, но привычки и требования заставляли большинство военных жить не по средствам. Местные ростовщики услужливо открывали им кредиты. В срок долги возвращались редко, гусары отделялись взносом процентов. Векселя переписывались с включением процентов на проценты в тройную сумму действительного залога. Но никто не унывал. Получит офицер деньги из дома, расплатится с ростовщиком, и опять – набирать долги. Как-то один из офицеров запустил уплату процентов. К гусару пришел судебный пристав с исполнительным листом и заявил, что вынужден описать все имущество должника. «Описывайте, если нужно», – вздохнул гусар, сидя в кресле и потягивая вино. Когда пристав закончил свою работу, военный невозмутимо заявил, что из всего имущества ему принадлежит лишь стакан, все остальное – хозяйская собственность. И такие истории в полку случались на каждом шагу.

Гибель Александра II в 1881 году изменили жизнь армейцев. Царствование Александра III началось с коренной реорганизации кавалерии. В 1882 году армейские, уланские и гусарские полки переименовали в драгунские.

8-й гусарский стал именоваться 24-м драгунским Лубенским полком. Изменилась не только нумерация полков, но и форма, вооружение и строй. Вместо доломанов и чакчир ввели мундиры нового образца, сабли сменили на шашки, карабины уступили место винтовкам системы Бердана № 2. Гусары смирились с новым вооружением и новыми требованиями службы. Вот только не хотели снимать свои покрытые славой доломаны, с которыми было связано боевое прошлое гусар. И император разрешил доносить старую форму до конца года.

Одно время Лубенским драгунским полком командовал потомственный военный полковник Евгений Петрович Грессер. Свой день он начинал с объезда расположения полка, посещал манежи и казармы. Тактические занятия для штабных офицеров Евгений Петрович проводил в 8 вечера у себя дома. На учебу никого не приходилось «загонять». Поскольку после теории и практики все собирались за кипящим самоваром вместе с семьей полковника, состоявшей из его жены Надежды Павловны, трех падчериц и пасынка. За чаем начальник штаба дивизии полковник Каменский, обладая редкими способностями, разбирал задачи, выполненные подчиненными. После этого многие усаживались за карточный стол. Игра шла небольшая, и проигрывал чаще всего хозяин дома. Довольный общим оживлением Грессер звал офицеров ужинать. За столом засиживались подолгу, острили, шутили, чувствуя себя легко и просто. Благодаря Грессеру в полку сохранялся дух товарищества, который зародился среди однополчан во время Русско-турецкой кампании. Офицеры представляли собой дружную семью, состоявшую из ярких личностей.

Поручика Александра Ивановича Зилоти любил весь полк. Красавца высокого роста, всегда безукоризненно одетого, знал, конечно, и весь город. Одна из его сестер

была замужем за губернатором. Зилоти редко находился дома. Утро гусара начиналось с посещения кондитерской Манькова. «Пить кофе в кондитерской, – уверял поручик приятелей, – обходится дешевле, нежели покупать уголь». Александр не относился к картежникам и кутилам. Его страстью были лошади. Нелюбовь к линейной фронтовой службе стоила поручику выговоров, внеочередных дежурств и даже гауптвахты. Но в Александре жила душа спортсмена. Он устраивал скачки на пари, въезжал на любимом жеребце Карабахе по лестницам в дома, перескакивал через решетку бульвара, и как-то даже в центре города перепрыгнул через чей-то фэзтон.

Впрочем, гусары не только кутили и танцевали на балах. Всю зиму в полку шли теоретические занятия. После сдачи экзаменов командиров распускали по частям. Начинались эскадронные, а потом полковые учения. С июня по июль полк проводил на «траве», занимаясь заготовкой сена на зиму. Для этого эскадронные командиры снимали у помещиков из Зайкан, Цынцерен, Бачоя громадные сенокосные луга. После окончания травяного довольствия полк стягивался к штабу и направлялся в Бендеры на бригадные и дивизионные сборы. К началу августа полк отбывал на маневры с пехотой и артиллерией.

Гусары были желанными гостями в лучших домах Кишинева. Одним из верных друзей полка считался отставной киевский гусар старых времен Гавриил Константинович Катакази. Владея громадным состоянием, Катакази часто устраивал вечера для своих любимцев. Дом его стоял под Инзовой горой, неподалеку от гусарских конюшен. И когда полк возвращался с учений, Катакази, заслышав трубачей, выходил за ворота и зазывал офицеров позавтракать. Лубенцы любили заезжать к Гавриилу Константиновичу разговеться на Пасху после заутрени. И на радость хозяина дома часто устраивали конные тур-

ниры, демонстрируя свою ловкость и хорошую выучку. Конечно, в числе первых тут блистал поручик Зилоти.

Одним из новшеств, отвлекающих военных от праздных развлечений, стало введение в кавалерийских полках охотничьих команд. Они должны были учить наездников быстро ориентироваться на местности, преодолевать препятствия, находить следы и т.д. За новое дело взялся страстный охотник Масалитинов, имевший прекрасных борзых собак. Помощником ему приставили поручика Константина Карузо. Работа охотничьих команд стала первым шагом к полевым упражнениям, которые появились в учебных программах военных учебных заведений только через 15 лет...

Осенью 1888 года город отвел место для полкового кладбища. Первым офицером, чьи останки похоронили на новом погосте, стал командир 5-го эскадрона ротмистр барон Александр Иванович Медем. Барон оставил порядочное состояние. Сад и деньги перешли к единственной сестре. А движимое имущество Медем завещал своим денщикам и вахмистру 5-го эскадрона... Простился полк и с героем Садинского боя, полковником Левенталем, имевшим именное золотое оружие «За храбрость». С виду неприветливый, он обладал редкой добротой, часто выручал прокутивших молодых корнетов. Причем, всегда давал половину запрашиваемой суммы.

В середине 80-х в Кишинев приехала труппа опереточных артистов. Украшением труппы служила примадонна – красавица К. В один прекрасный день один из корнетов Лубенского полка, увидев на Александровской экипаж артистки, прогалопировал у ее колеса. Не успел корнет вернуться домой, как его вызвали к Левенталю. Встретил штаб-офицер корнета сурово – не подал руки. «Нельзя забывать, – сказал он строго, – что полк принят в обществе. В то время как вы подъехали к экипажу К., на улице

стояло много дам и барышень из домов, в которых бывают господа офицеры». Корнет сознался, что поступил опрометчиво. После беседы Федор Федорович пригласил гостя за стол. Из разговора выяснилось, что корнет испытывает большие затруднения в деньгах, а ему предстоит ужин с актрисой. И грозный воспитатель выдал офицеру сумму, правда, наполовину меньше запрашиваемой.

Почти 40 лет простоял полк гусар в Кишиневе. 14 марта 1907 в городе прошли празднества по случаю столетнего юбилея Лубенского полка. За верное служение Отечеству и престолу его наградили новым штандартом с надписью «1807–1907» и Александровской юбилейной лентой. В 1914 году гусары ушли на Первую мировую и больше не вернулись в Кишинев. Время до Октябрьской революции, они, как и другие кадровые полки русской армии, провели на фронте. После бывшие гусары прошли путь многих тысяч царских военных, оказавшихся в окопах гражданской войны, а потом покинувших Россию. В 1951 году 39 оставшихся в живых сумских гусаров отпраздновали в Париже и Сан-Франциско 300-летие своего полка.

След «наших» лубенцев канул в Лету. На старом кладбище возле церкви Елены и Константина (у цирка) затерялась могилка поручика Александра Зилоти, застрелившегося в 27 лет вследствие внезапно возникшей душевной болезни. В 2000 году в Национальный архив обратилась странная посетительница. Показав рисунок со стершейся надписью «генерал Грессер», она попросила помочь ей найти родственников усопшего. Ей объяснили, что это вряд ли осуществимо: он похоронен больше ста лет назад. Больше визитерша не появилась. И след генерала Евгения Петровича Грессера, доброго «папаши» Лубенского полка, которого в 1891 году его питомцы проводили на полковое кладбище, затерялся окончательно...

НА БЕССАРАБСКИЙ КУРОРТ СЪЕЗЖАЛАСЬ ВСЯ РОССИЯ

Петр Христианович
Витгенштейн

Популярный курорт возник на выжженном берегу Днестра. Открыл его фельдмаршал Петр Христианович Витгенштейн, герой кампании 1812 года, потомок древнего аристократического германского рода. Еще до войны, в 1805 году, он купил у князя Долгорукого за 135 тысяч рублей ассигнациями имение в поселке Каменка. Несмотря на большие заслуги перед Российским отечеством и цар-

ским двором, в том числе за спасение «Петрова града» от наполеоновского нашествия, после войны Витгенштейн попал в опалу. Участник битвы при Ватерлоо оставил службу и занялся благоустройством своего имения.

Князь, с его немецким складом ума, решил использовать благоприятные условия местности для производства высококачественного вина. Для внедрения культуры производства западного образца фельдмаршал привез с берегов Рейна и поселил на своих землях в поселке Антоновка десятки немецких семей. В 20-х годах XIX века из Германии, Франции и других мест он привез широкий ассортимент лозы высококачественных технических и столовых сортов винограда: Пино черный, Рислинг, Альварна, Мускат, Чауш, Шасла, Траминер. Первые виноградники заложили на южных, защищенных от ветра каменных террасах. Землю сюда завозили. Каменистая почва, раскаляясь на солнце, аккумулировала тепло, соз-

давая благоприятный микроклимат для ускорения созревания урожая, повышения сахаристости ягод.

Немецкие специалисты построили уникальную систему мелиорации, которая орошала виноградники. Камни огромных размеров, которые невозможно было сдвинуть, включались в ландшафт виноградника. Более того, Петр

Винные погреба в Каменке

Христианович украсил террасы малыми архитектурными формами, поставил сторожки в виде башен для отдыха виноградарей. Все это на фоне ухоженных виноградников производило впечатление рукотворных декораций.

Петр Христианович построил винзавод. Каменские вина считались лучшими в губернии и сбывались по высоким ценам. Ведро вина в окрестных селах в 1846–47 годах продавалось за 50–75 копеек серебром. В имении фельдмаршала красное вино продавали не дешевле 2 рублей (серебром) за ведро. Бутылка шипучки (напоминающей шампанское), обходилась покупателю в серебряный рубль. Сбывали вина Витгенштейна в юго-западных губерниях, возили в Варшаву, Петербург, Москву, Киев. Там ловкие коммерсанты наклеивали на бутылки из Каменки французские ярлыки и продавали их под заграничной маркой. Производство вин приносило хозяину тоже солидную прибыль. На каждый рубль затрат он получал 67 копеек прибыли.

Всякое дело, которое Витгенштейн осваивал, он имел

свойство преобразовывать в новый проект. Он решил открыть курорт с новым для края методом лечения. В 1818 году построил великолепный дворец (не сохранился), который сразу приобрел репутацию самой изысканной усадьбы в Подольской губернии. Вокруг дома хозяин с помощью немецких специалистов по садово-парковому искусству, заложил пейзажный парк площадью в 27,3 га. К 70-м годам Каменка превратилась в популярное место отдыха и лечения.

Каменский курорт принимал гостей летом и осенью. Лечение виноградом, которое начиналось в конце августа и заканчивалось в ноябре, сочеталось с лечением кумысом. На засоренных парах имения для этого разводили молочных кобылиц. Трудно сказать, насколько, с позиций нынешней медицины, эти способы лечения были эффективными. Но в XIX веке молочные продукты считали эликсиром молодости, спасавшим от болезней сердца, сосудов, желудка и печени. Каменская здравница практиковала и спелеотерапию – лечение воздухом пещеры, которая находилась в горе. Говорят, внутри этой природной камеры имелись столы и скамьи, вырубленные из камня. Увы, в советское время, в 50-х годах, пещеру взорвали. Стараниями Петра Христиановича в Каменке появились два парка с прудами, возникли православный храм, вольная аптека, одноклассное училище, две переправы через Днестр, климатическая станция для купания, дачи для больных в виноградный сезон. В разгар сезона от железнодорожной станции Попелюхи до Каменки курсировали экипажи. Если не в усадьбе, то в соседних домах гости находили чистую квартиру и питательный стол.

Петр Христианович владел тремя языками: французским, немецким, русским. Обрел счастье в браке, имел девятерых детей. Супруга имела большое влияние на главу семейства, но никогда не демонстрировала этого на людях. Во время Первой мировой войны в здании кургауза

(так на немецкий лад семья называла свой курорт) жена фельдмаршала устроила госпиталь для местных жителей, пострадавших на поле военных действий. На первом этаже находился маленький ресторанчик. В парке играл оркестр, каждый входящий покупал билет. Всего этого основатель земного рая в Каменке уже не увидел. В 1843 году по дороге в Германию, где аристократ предпочитал восстанавливать свое здоровье, он скончался. Тело 75-летнего Людвига Адольфа Петера Зайн-Витгенштейна-Берлебурга (полное имя этого немецкого аристократа) похоронили в Каменке, в родовом склепе построенной им кирхи.

От пребывания большого немецкого семейства в Каменке не осталось и следа. Нет ни православной церкви, ни кирхи, ни дворца, ни дач, ни прудов, ни цветников. В годы войны, как будто они были виноваты в зверствах фашистов, местные жители выбросили из склепа останки немецкой семьи: самого фельдмаршала, его жены и двух детей. Ныне на здании санатория «Днестр», который открылся на территории бывшей усадьбы П. Х. Витгенштейна, есть его барельеф. Несколько лет здесь появился огромный камень, который установил родственник Петра Христиановича, приезжавший сюда из Германии.

СКРОМНЫЙ ТРУЖЕНИК НИВЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Пожалуй, это единственный случай в истории российской короны, когда за свои труды педагог, сеявший «разумное, доброе, вечное», удостоился особых почестей, какими на склоне лет осыпали Кирилла Петровича Яновского. Юбиляра накануне его 80-летия наградили сразу несколькими высшими наградами, в том числе бриллиантовым знаком ордена святого Александра Невского. Все это совпало с производством Яновского в чин действительного тайного советника (этот граж-

Директор К. П. Яновский (1863–1871 г.)

данский чин 2-го класса в Табели о рангах соответствовал военному чину генерала-фельдмаршала), кроме того, Кирилла Петровича ввели в члены Государственного Совета. Как ни странно, но наш город имел самое непосредственное отношение к этим событиям: счастливец, на которого пролился золотой дождь, в прошлом возглавлял Кишиневскую гимназию.

Открытое лицо, умный взгляд. С портрета на нас смотрит директор 1-й мужской гимназии Кишинева – Кирилл Петрович Яновский. В его роду мужчины отдавали предпочтение военному мундиру. Один из них, имевший двойную фамилию Францишкович-Яновский служил в Царстве Польском при короле Владиславе. При присоединении Малороссии к России, он получил звание наказного полковника Черниговского полка. Петра Яновского, отца педагога, в 11 лет приняли на службу в земский суд канцеляристом. В 1791 году Петр Францишкович-Яновский и его род были внесены в дворянскую родословную книгу Новгород-Северской губернии. Дворянский титул не спас от бедности семью Петра Яновского, ставшего к тому времени попечителем Черниговского ремесленного училища. Кирилл был шестым ребенком в большой семье. Это обстоятельство не прибавило ему ни родительской любви, ни счастливых родственных связей, которые помогли бы мальчику пробиваться в жизни.

Кирилл поднимался на каждую ступень лестницы успеха только благодаря своим знаниям, трудолюбию и энергии. После окончания Черниговской гимназии он поступил в Киевский университет Св. Владимира. Материальные возможности студента были таковы, что ему при-

1-я мужская гимназия

шло жить в гостинице Киево-Печерской лавры в качестве богомольца. Окончив университет, молодой педагог преподавал математику в гимназиях Ровно и Одессы.

Через несколько лет Яновский получил место старшего учителя математики в Кишиневской гимназии, которая была открыта в 1832 году. Первыми преподавателями здесь были чехи. Все речи на торжествах по случаю важных событий они произносили на латыни. После революции 1848–49 годов гимназия изгнала язык Овидия из своих стен, видя в классицизме причину всех зол, обрушившихся на Западную Европу.

Кирилл Яновский, прибыв в Кишинев, узнал, что ему придется преподавать еще и физику, и это его не испугало. Все годы учебы в университете он обеспечивал себе существование репетиторством. К окончанию курса он создал собственную методику изложения сложного материала. При объяснении теорем по алгебре и геометрии он вместе с учениками мастерил модели геометрических фигур, что облегчало усвоение материала. На уроках физики Кирилл Петрович проводил занимательные опыты,

знакомил с устройством различных приборов. Авторитет Яновского рос год от года, а через пять лет по ходатайству преподавателя бессарабские дворяне пожертвовали гимназии тысячу рублей на оснащение физического кабинета. И Кирилл Петрович, с разрешения попечителя Новороссийского округа, к которому относились кишиневские учебные заведения, поехал покупать физические приборы в Париж. В это трудно поверить, но чудак из Кишинева в Мекке развлечений и искусств каждый день просиживал на занятиях своих коллег, педантично занося в тетрадь наблюдения. Приборы выбирал долго и придирчиво, остановился на продукции братьев Бретон, но торговался, как заправский сквалыга-лавочник. Единственная блажь, которую позволил себе Яновский в Париже, – взял несколько уроков фотографии, которая делала первые шаги...

Шесть лет Кирилл Петрович совмещал преподавание физики и математики в 1-й мужской гимназии с инспекторской деятельностью. А в 1862 году его назначили директором Кишиневской гимназии. На должности инспектора, директора, попечителя и министра просвещения назначались люди сугубо военные. А они, конечно, считали, что в профессиональной подготовке нуждаются священники, медики, военные, но никак не педагоги. Начальство требовало от педагогов и их питомцев две вещи – не пропускать уроки и соблюдать субординацию. Стоит ли удивляться, что российская школа на протяжении всего девятнадцатого столетия была обделена талантливыми педагогами и руководителями учебного процесса. Учителя преподавали свои дисциплины, вызубрив материал наизусть, от учеников они требовали такого же ответа.

Жизнь Кишиневской мужской гимназии мало отличалась от аналогичных заведений других городов империи. В кругу педагогов считалось неприличным во вре-

мя перемены говорить о работе и учениках. Зато живо обсуждались выигрыши и проигрыши – педагоги, как и многие горожане, увлекались карточной игрой. Директор гимназии, предшественник Яновского, имел привычку именовать учащихся не иначе как «негодяи». Во время студенческих беспорядков в Москве и Петербурге он распорядился не вручать учащимся писем из дома, пока их не прочтет... дирекция. Подобных нововведений у «реформатора» оказалось немало, за что его и уволили. Кирилл Петрович не стал «топить» предшественника, хотя при передаче дел у бывшего руководителя обнаружилась недостача библиотечного имущества на 1500 рублей. Созвав педсовет, Яновский предложил коллегам разделить долг экс-директора, чтобы каждый из своего жалованья отчислил минимальную сумму. Коллеги поддержали Кирилла Петровича и полтора года рассчитывались за халатность нерадивого администратора. Яновский наладил дисциплину в проведении педсоветов. До него учителя считали незорным «опоздать» на полчаса и более. Директор терпеливо поджидал подчиненных, не решаясь призвать их к порядку

В годы Яновский начал публиковать первые статьи по педагогике. В работе «Детский мир», которая увидела свет в «Одесском Вестнике», он много размышлял о сущности педагогического процесса. Некоторые мысли автора не утратили своей актуальности и поныне. По его мнению, материальное положение, в которое поставлен педагог, низводит профессионала до ремесленника. «Мало есть счастливых, – отмечал он, – которые, выйдя победоносцами из борьбы с действительностью, остаются истинными учителями до конца своей педагогической деятельности. Обеспечьте его материю, тогда и дух его сделается здоровее. Тогда редко встретите учителя-ремесленника, тогда как теперь вы редко встретите ис-

тинного учителя». Кирилл Петрович подчеркивал: миры учителя и ученика составляют единое целое. Благополучие одного не может существовать без нормальной жизни другого. Яновский считал, что строгость в воспитании детей необходима. «Но строгость – подчеркивал он, – не должна допускать грубости. Грубые меры дают и грубые результаты. Между воспитателем и питомцами исчезает доверие, а без доверия явиться в детский мир – что без компаса пуститься в море».

Изменения в учебном процессе, кадровые перестановки умножили число как друзей, так и недругов руководителя гимназии. Кирилл Петрович едва не стал жертвою ложного доноса. Директора гимназии обвинили в распространении революционных идей и пропаганде безбожия среди учащихся. Делу дали официальный ход, и над Кириллом Петровичем сгустились тучи. Не миновать бы беды, но, к счастью, расследование поручили окружному инспектору В. Д. Дабиже. Князь разобрался в ситуации до мельчайших подробностей. И доказал полную невиновность оклеветанного педагога. Кирилл Петрович до конца своих дней сохранял благодарность Дабиже.

В Кишиневе Кирилл Петрович встретил свою любовь. Аннушка Ситовская, ученица пансиона Ризо, сумела разглядеть доброе сердце одинокого и застенчивого человека. Судьба подарила Кириллу и Анне деток: Антона, Марию, Елизавету. В 1871 году Яновского перевели в Петербург на должность помощника попечителя учебного корпуса. В Северной Пальмире он курировал университетское образование, пытался устранять в этом деле отрицательные стороны. Не боялся высказывать свое мнение тогдашнему министру просвещения Д. А. Толстому о том, что отсутствие серьезного воспитательного воздействия профессоров на студентов – явление ненормальное

и некультурное. Как и вмешательство полиции в университетские дела.

Недипломатичный попечитель пришелся не ко двору министерских чиновников... Получив от кавказского наместника приглашение на должность попечителя учебного округа, Кирилл Петрович не мог скрыть радости: он снова будет занят нужной и полезной деятельностью. Кавказ переживал трудную эпоху реформ. Яновский в школе видел проводника гражданственности в общественную среду, считал дело педагогики не узким профессиональным делом, а большой государственной задачей.

За 20 лет попечительской деятельности на Кавказе Яновский стал одним из крупных государственных и культурных деятелей края. Прямой характер и честность, тем не менее, не позволили ему занять пост министра народного просвещения Российской империи. Этот портфель ему предложили лишь за два года до кончины. Заранее зная, что 80-летний труженик от него откажется.

ДРУГОЙ ПУТЬ

Скорей всего Любу Белюгову ожидала судьба большинства ее ровесниц из хороших семей. Замужество, обычные семейные радости, дети. Но космический жребий, ветры звезд, что дуют с мельниц богов, изменили ее путь.

Отец Любы, Александр Иванович, выпускник Киевской духовной академии, одно время вел в Кишиневской духовной семинарии физику и математику. Обучал семинаристов греческому и еврейскому языкам, совмещая преподавание с заведованием библиотекой. Слу-

Любовь Александровна
Белюгова

жил советником Бессарабской палаты государственных имуществ, имел в городе репутацию человека редкого благородства и честности. Супруга его, Вера Егоровна, была женщиной образованной, не лишенной литературных интересов. Родители не стали препятствовать сыну, когда Евгений, окончив юридический факультет Московского университета, выбрал не адвокатскую практику, а стал преподавать латинский язык в 1-й кишиневской мужской гимназии. Многие юноши и девушки того времени, увлеченные демократическими идеями, видели свое предназначение в служении обществу. Вопреки тяжелым условиям труда и быта, низкому жалованью, равнодушию государственных чиновников к их заботам, они становились докторами и учителями. Видимо, к этому числу относился и брат Любви. Занявшись преподаванием латинского языка, Евгений сделался одним из лучших в городе специалистов по обучению этому трудному предмету.

Кирилл Петрович Яновский, директор гимназии, где служил Белюгов, в своих мемуарах «Воспоминания и мысли» рассказывал, как на урок к латинисту пожаловал Николай Иванович Пирогов, попечитель, педагог и знаток древних языков. Зайдя в VII выпускной класс, гость поинтересовался, мол, какую тему «проходят» ученики. Евгений Александрович скромно ответил, что юноши разбирают трактаты Цицерона, Тита Ливия, Горация и Тацита. Пирогов заметил, что уважаемому педагогу пыль в глаза пускать негоже. Разве возможно, имея всего четыре урока в неделю, освоить работы Тацита, одного из трудных римских авторов. Открыв учебник, попечитель поинтересовался, разбирали ли класс тему, изложенную на выбранной им странице. Получив отрицательный ответ, предложил ученикам по очереди переводить текст, отвечать на вопросы по грамматике. И немало удивился, когда семиклассники стали свободно читать и переводить...

Слушая рассказы брата о своих занятиях, Люба завидовала его трудной, но такой интересной жизни. Увы, этот путь, думала она, ей заказан. Получив обычное для девицы домашнее образование, она не имела права на преподавательскую работу.

Внезапная кончина брата, он умер в 1861 году от воспаления легких, потрясла его родных и близких. Тогда-то Люба и решила: если она не может стать учительницей, то ничто не мешает ей открыть собственную женскую гимназию. Хотя бессарабское дворянство и собиралось за свой счет открыть женскую гимназию, но, как это часто бывает, дело по разным причинам тормозилось. Образование для женщин в Кишиневе ограничивалось двумя пансионами (закрытыми средними учебными заведениями с общежитием). Многие сетовали, что знания, которые там давали, сильно отставали от реалий жизни, а обучение стоило немалых денег, но ситуация не менялась. И тогда 33-летняя Люба проявила редкую настойчивость и упорство. И в 1864 году, на субсидии знакомых и родственников, в доме Шмакова (здание не сохранилось) на углу улиц Купеческой и Московской она открыла частную гимназию для девочек всех сословий и вероисповеданий. В число обязательных предметов входили – русский язык, история, география, арифметика, физика, естественная история, немецкий язык и рукоделие. По своему усмотрению ученицы могли еще заниматься музыкой, пением, танцами, рисованием. В начальный год гимназия состояла из приготовительного и двух первых классов, где обучались всего 15 девочек, причем 9 из них не платили за занятия. Учителя, работавшие в

Земская женская гимназия

новом учебном заведении, получали самую ничтожную плату за свой труд – 25 копеек серебром. Но хозяйка гимназии так верила в успех, что в течение этого самого трудного для учебного заведения года, ни один педагог не оставил своего места. Ежегодно расширяясь на один класс, гимназия Белоуговой стала самокупаемой только на пятый год. 19 девушек из более ста учениц учились здесь бесплатно. Все это время гимназия получала из 10-процентного бессарабского капитала ежегодное пособие в 1 500 рублей. Недостающие средства по содержанию гимназии, в том числе на приобретение различных учебных пособий, учредительница покрывала из собственных сбережений. С 1870 года бюджет гимназии, благодаря финансовой поддержке местных дворян увеличился до 4 440 рублей...

Чрезмерный труд, огорчения, нескончаемые поиски денег на содержание любимого детища подорвали слабое здоровье учредительницы. Зная о своем тяжелом заболевании, Любовь Александровна, снабдив гимназию всеми для благоустроенного заведения необходимыми средствами, передала ее Бессарабскому земству. 24 ноября 1871 года 42-летней Любви Белоуговой не стало. В память о ней земский попечительский совет решил открыть в гимназии 8-й специализированный класс. Чтобы воспитанницы, изучая, кроме педагогики и других общих предметов, обучались практике ведения уроков, и после окончания гимназии могли преподавать и зарабатывать себе хлеб насущный. Учителя гимназии тоже старались сохранить память об основательнице гимназии. Издали обстоятельную брошюру «Несколько слов о сооружении памятника Любви Александровне Белоуговой и о предполагаемом учреждении в честь ее стипендии», дав возможность каждой гимназистке ее получить. На добровольные пожертвования поставили на могиле

Любови Александровны на Армянском кладбище памятник. Педагогический совет учредил стипендию имени Белюговой, которая позволяла бедным девушкам получить образование в гимназии бесплатно.

Самый важный урок дала короткая жизнь этой умной и энергичной личности, стремившейся к просвещению и благу, которая впервые указала юным "провинциалкам, кем в обществе может быть женщина. Любовь Александровна завещала им честный, разумный труд и знания, как лучшее украшение.

СТИХИЯ МИМИ

Русское земство – местное самоуправление в сельских местностях с преобладанием дворянства в его органах, было сословным и цензовым. В нем состояли люди обеспеченные, которые служили обществу не ради жалованья. Кстати, жалованье члена земской управы равнялось 50 рублям, но редко кто эти деньги получал. А кое-кто из членов еще и приплачивал управе из личных средств.

К. А. Мими

Перед уездным земством стояли огромные задачи: развивать народное образование, медицину, ветеринарию, дорожное дело, агрономию и животноводство, виноградарство, пчеловодство. Требовали совершенствования кооперация и сеть народных банков, другие сферы экономической деятельности. Земство имело право самообложения. Вот на эти народные средства и кипела жизнь в Бендерском уезде.

Дирижером здешнего управленческого оркестра являлся Константин Александрович Мими. Он родился в

Кишиневе в 1868 году, детство провел в имении Урсоа Бендерского уезда. С отличием окончив Первую мужскую гимназию, он продолжил образование на юридическом факультете Новороссийского университета. Заинтересовавшись виноградарством и виноделием, Константин поехал во Францию. Вольнослушателем записался в агрономическую школу в Монпелье, где изучал организацию винной промышленности. Вернувшегося домой недавнего студента избрали гласным Бендерского уездного земства, потом членом управы. А потом он возглавил земскую управу.

Среднего роста, плотный, с рыжеватой бородой лопатой и белесыми ресницами, со скверной привычкой во время размышлений грызть ногти – таков был председатель уездного земства. Но острый ум Мими, эрудиция, огромная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела и находчивость делали этого мужчину рядовой наружности необычайно привлекательным.

Одно из его начинаний – программа помощи жителям уезда в улучшении породы домашнего скота. В 1911 году Мими снарядил экспедицию в Бухару за покупкой каракулевых овец для земства. К удивлению многих, министерство выделило команде земства из местных хозяев командировочные документы, приказывающие русским представителям оказывать бендерчанам содействие в выполнении важной миссии. Доставка в Бендеры из Бухары целого стада чистокровных каракулей взбудоражила всех овцеводов юга России, которые совершали в село Тодорешть, где открылось опытное хозяйство, настоящее паломничество. Опять же по предложению Мими барон Стюарт, председатель губернского земства, пригласил в Тодорешть из Америки профессора Майкеля для организации селекции кукурузы. Иностраный специалист поставил дело не только в опытном хозяйстве, но и в частных владениях уезда.

Одна дама подарила земству дачу и виноградник в селе Хаджимус. Мими устроил там школу наглядных пособий, пригласил специалиста и закрутил большое предприятие, куда познакомиться с новинками в аграрном искусстве съезжались хозяева со всей губернии.

Конечно, случались в работе Мими и просчеты. Например, в Мисилиндре Мими выбрал для опытного поля земли в балке. Первые же морозы уничтожили все наработки. Участок тут же превратили в школу садовых рабочих, где стали выращивать виноградные саженцы, занялись прививкой, заложили маточник американской лозы. Выпускники школы становились самостоятельными работниками, заводили хозяйства по выращиванию дешевых саженцев, которые по качеству не уступали французским, их завозили разные посредники.

Учреждение Губернской кассы мелкого кредита произвело настоящий перелом в хозяйственной жизни уезда. Упрощенная форма кредита оказывала населению реальную помощь.

Благодаря Мими в Бендерском уезде появилась телефонная связь. Выучившись шоферскому делу, Константин Александрович приобрел два автомобиля для земской управы. Сев за руль, этот подвижник переустройства жизни стал просто летать по уезду, возникая в самых отдаленных уголках, где, конечно, его не ждали. У него не было никакой личной жизни. А отдыхал Константин Александрович только в поездках, в которых он отправлялся в Москву или Петербург за разрешением или субсидиями для очередного проекта...

Председатель земства обладал отличной памятью. Все доклады на земских собраниях он говорил на память, цитируя уйму цифр, и никогда не ошибался. Лично опекал отдел народного образования. Бывая за границей, привозил в школы, чьи ученики не выезжали дальше род-

ной деревни, модели диковинных машин, оборудования, вагонов. При строительстве одной из школ произошел перерасход средств, выделенных по смете. На ЧП сразу указал лидер оппозиции – комратский миллионер Цанко-Кильчик. Мими поблагодарил его за подсказку и сказал, что лицо, пожелавшее сохранить инкогнито, добровольным пожертвованием уже покрыло издержки. Этим жертвователем был, естественно, сам Мими.

Константин Александрович всегда нуждался в средствах. Постоянно получал деньги вперед за сданные в аренду свои имения. Практичный в общественном деле, он махнул рукой на собственное хозяйство в Бульбоке, которое многие считали образцовым. Внедрял передовой опыт птицеводства, свиноводства, виноградарства. Но после первых результатов охладевал к своему детищу. Мими словно приобретал опыт, чтобы потом без ошибок применять его в земском деле, которому он отдавался со всей пылкостью. Впрочем, личному виноградарскому хозяйству Мими, которое многие годы считалось рассадником культурных приемов в подвойном виноградарстве, принадлежит особая страница в истории бессарабского виноделия. В годы Первой мировой войны винный погреб «Бульбока» обеспечивал русскую армию вином.

Министерство настолько заинтересованно относилось к начинаниям Бендерского земства, что стало его постоянным партнером. Не было случая, чтобы ему отказали в средствах. При этом центральные власти так доверяли сельчанину, что ни разу за всю карьеру Мими не прислали контролера для проверки расходования казенных денег. В Москве и в Петербурге прекрасно знали, что все государственные деньги уходят на дело, которое затевал Константин Александрович. Когда появилась возможность использовать монастырские деньги на дорожное строительство уезда, Мими отправился в Румынию из-

учать шоссейное дело. Вернувшись, занялся разработкой проекта прокладки сети дорог в уезде. Война 1914 года нарушила все мирные планы. С первых месяцев перед земствами поставили главный вопрос дня – снабжение армии продовольствием. Деятельность Мими приняла все бессарабский размах. Все земства перешли в подчинение к Константину Александровичу.

После 1918 года, когда Бессарабия присоединилась к Румынскому Королевству, предводитель жил в Бульбоке, занимался хозяйством. Кстати, во время революции, когда в огне погибли многие усадьбы, крестьяне окрестных сел, рискуя жизнью, не дали разорить имение Мими. В 1925 году Константин Александрович переехал в Бухарест, где возглавил Национальный банк Румынии. Несмотря на приличное положение в обществе, интересную работу, Константин Александрович последние годы жил воспоминаниями о счастливых годах своего предводительства Бендерским уездом.

Когда 17 апреля 1935 года его не стало, останки этого яркого представителя эпохи общественного строительства Бессарабии перевезли в Кишинев и похоронили на Армянском кладбище. Вот только никто не знает, где теперь находится его могила.

ШОТЛАНДСКИЙ РЫЦАРЬ

20 октября 1917 года в Кишиневе произошло событие, которое из-за революционных событий прошло для кишиневцев незамеченным. За шумом митингов, губернских съездов крестьян Бессарабии, выступлениями на заседаниях комитетов Советов рабочих и солдатских депутатов никто не услышал о кончине 75-летнего старика, который последние дни не покидал своей дачи на Костюженском шоссе. Это был барон Александр Федорович Стюарт, основатель Земского музея (ныне Националь-

Барон Александр
Федорович Стюарт

ный музей природы и этнографии), большой подвижник науки и нервный центр земской жизни Бессарабии, который свои связи, организаторский талант и личные средства посвятил во благо нашего края.

«У каждого шотландца имеется родословная, – писал в своей автобиографии земляк нашего героя романист Вальтер Скотт. – Это его достояние, столь же неотъемлемое, как его гордость и его бедность».

Прадед Александра Стюарта по отцовской линии происходил из знатного шотландского рода Стюартов, который, попав в Курляндию, пустил в ней корни. Отец Федор Федорович окончил Санкт-Петербургский университет. Во время войны с турками служил при генеральном штабе, а потом при русском посольстве в Константинополе. Гречанка Роксанда Дмитриевна, мать Александра, приходилась внучкой молдавскому господарю Константину Мурузи, который был казнен турецким султаном за то, что действовал в интересах России.

У Федора Федоровича и Роксанды Дмитриевны было трое детей, Александр был средним. Родителям его принадлежала часть имения Мурузи в Бендерском уезде (теперь – Анений-Ной): Цынцарены (ныне Цынцэрень) и Джаманой (Жямэна). Стюарты имели влиятельную родню. Сестра матери, Смаранда Дмитриевна, была замужем за братом вице-губернатора Бессарабии М. Крупенского. Севастия Дмитриевна, другая сестра, служила фрейлиной при царском дворе. Двоюродный брат матери, А. Стурдза, был дипломатом.

Конечно, мальчика с такой родословной ожидала карьера государственного деятеля. И, действительно, Алек-

сандр Стюарт поступил в престижный петербургский Александровский лицей. Здесь он подружился со своим соседом по комнате Николаем Ножиным, который был увлечен естественными науками. Эта дружба изменила судьбу барона. Друзья бросили лицей и перешли на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

Студенческие беспорядки в высшей школе не способствовали серьезному занятию наукой. По совету профессоров Александр забрал документы и отправился в старинный немецкий университет Гейдельберга, который с 30-х годов XIX века до самого начала Первой мировой войны считался самым русским университетом Германии. А к началу XX века в нем училось больше россиян, чем в прошлом веке во всей Европе. В Германию переехали учиться также многие сокурсники Александра, увлеченные наукой: Николай Ножин, братья Баксты, Александр Ковалевский и другие. Во время учебы Стюарт слушал лекции самых выдающихся химиков, физиков, в итальянском городе Специи изучал морских животных. Результаты исследований опубликовал в немецком Зоологическом журнале. Весной 1866 года 24-летний Александр Стюарт сдал экзамены и защитил диссертацию.

Готовясь к сдаче экзаменов на магистра в Петербургский университет, Александр поехал в Россию. Его арестовали за участие в революционном движении, к которому принадлежали его однокурсники. Стюарту запретили жить в столице и выслали в Вятскую губернию на пять лет. Благодаря хлопотам влиятельных родственников, Александр все же получил степень магистра. В ноябре 1867 года получил разрешение на проживание в Одессе и Бессарабии. В 1868 году его приняли приват-доцентом на кафедру зоологии в Новороссийский университет. Молодого и материально независимого преподавателя, далеко-

го от кафедральных интриг и борьбы за должность, университетская атмосфера Одессы вскоре разочаровала.

Оставив вуз, он создал Новороссийское общество естествоиспытателей (НОЕ), стал его вице-президентом, ежегодно жертвуя на экскурсии и премии за лучшие работы по зоологии. Кстати, первую премию общество вручило будущему лауреату Нобелевской премии в области физиологии и медицины Илье Мечникову. По поручению II съезда русских естествоиспытателей и врачей Стюарт в 1871 году открыл в Севастополе биологическую станцию с библиотекой. Прибавив к выделенным финансам собственные средства на закупку приборов.

В 1869 году Бендерское земское собрание избрало 27-летнего барона Стюарта мировым судьей, и на эту должность Александр Федорович избирался в течение 30 лет! С того момента всю свою энергию потомок шотландского рода посвятил Бессарабии. К Бендерам же питал особые чувства. Часто бывал в этом городке, оказывал материальную помощь Александровской больнице, женской гимназии, другим учреждениям. В 1914 году при содействии председателя уездного комитета по виноградарству и виноделию барона А. Стюарта в Бендерах открылся музей.

Александр Федорович избирался секретарем Бессарабского губернского дворянского собрания, членом земской управы, а потом и ее председателем. Заведовал сиротскими домами, богадельнями, всюду добиваясь улучшения работы этих учреждений. В 1884 году открыл в Кишиневе детскую больницу. Но главными проектами его земской и научной деятельности стали подготовка проекта и постройка зданий Костюженской психиатрической больницы. Он не только построил здание Земского музея, подарил ему мебель, книги. Барон Стюарт учредил Бессарабское Общество естествоиспытателей. Оно финансировалось за счет членских взносов, пожертвований,

пособий губернского и уездных Бендерского и Кишиневского земств, платных публичных лекций, продажи изданий. На эти средства приобретались книги, издавались научные труды, проводились экскурсии, научные исследования. В Национальном музее природы и этнографии хранится фотография палеонтологических раскопки села Тараклия, организованных на средства БОЕи ЛЕ. За 11 лет существования общества, с 1906 по 1917 годы вышло в свет 6 томов «Труды БОЕи ЛЕ».

За чтобы ни брался барон Стюарт, он изучал дело до тонкостей. Перед постройкой Костюженской больницы детально проштудировал устройство аналогичных заведений в России и Швейцарии. Знал методы лечения, исследовал статистику психических заболеваний. Он настолько хорошо вник в работу лечебницы, что иногда в отсутствие врачей исполнял должность заведующего...

За 32 года служения идеалам земского дела барон Стюарт всего несколько раз брал отпуск для поправки здоровья. Лестного звания «эмблемы цветущей, идейной, богатой народолюбцами Бессарабии», которым барона наградили выступающие на похоронах, Александр Федорович уже не услышал. Похоронили его на Рышканском кладбище в пределах церкви Константина и Елены. Но от могилы барона не осталось и следа.

БЛАГОЕ ДЕЛО, СГУБИВШЕЕ КАЗИМИРА

Институт благотворительности в нашем крае имеет давнюю историю. Состоятельный землевладелец не считал богатство средством для беззаботного пользования благами жизни. Деньги, таков был принцип этого человека, давали только положение, которое обязывало.

Константин родился в старинной помещичьей семье, его с детства интересовала сельскохозяйственная деятельность. В 1874 году, когда он учился в Каменец-

К. Ф. Казимир

Подольской классической гимназии, убедил родителей перевести его вместе с братом Владимиром в Кишиневское реальное училище. Мальчикам сняли квартиру на Подольской улице. Они не только прилежно занимались, но самостоятельно вели домашнее хозяйство, аккуратно регулируя свой бюджет. После окончания училища Константин основательно подготовился к конкурсному экзамену в высшее сельскохозяйственное заведение России – Петровско-Разумовскую академию, и в 19 лет он стал ее студентом. Окончив четырехгодичный курс, получил диплом агронома.

Хорошее образование и семейные традиции помогли Константину стать деятельным, умелым и бережливым помещиком. В собственных имениях в Васкоуцах Хотинского уезда и в Чернолевке Сорокского уезда он организовал прекрасные хозяйства.

Казимир отказался от покупки обычных рабочих лошадей. Заплатив громадные деньги, он выписал из Бельгии арденовскую породу лошадей, тяжеловозов. И вывел полуарденов – тяжеловозную породу рабочей лошади. Купив дорогих английских производителей, вывел ценные экземпляры легкой верховой лошади для казенного ремонта. Стадо овец местной породы систематически улучшал чистокровными производителями каракулей, которые ему привезли из Бухары. Стада свиней беркширской породы довел до полной чистокровности. Насчет крупного рогатого скота Константин Федорович придерживался другого правила. Считал, что местный скот настолько вынослив и пригоден к работе, что при-

мешивать к нему другие породы – только ухудшать природу. Стремился внедрить такую систему полеводства, которая позволяла бы получать урожаи без истощения земли. Следил за успехами аграрной науки, внедрял у себя многие новинки. Кроме обычных злаков и кормовых трав, культивировал рапс, лен, бобик, разные сорта фасоли, гороха. Свое хозяйство часто называл «лавочкой, в которой найдется все».

В Васкоуцах и в Чернолевке Константин Федорович развел прекрасные сады. Они больше напоминали парки: великолепные аллеи из различных деревьев, цветники, беседки, живые изгороди. Усадьба в Васкауцах поражала всех, кто бывал здесь. Роскошный дом с зимним садом и оранжереей, множеством капитальных хозяйственных построек. Усадьба в Чернолевке отличалась скромностью, но Константин Федорович ее очень любил. Там жила Варвара Васильевна, его мать-старушка, к которой сын относился с глубокой нежностью...

Идеалист, стремившийся во всем к лучшим образцам, Константин Федорович пытался вносить хоть немного порядка в беспросветную жизнь крестьян. Строил для них в своих имениях школы, больницы, распространял агрономические знания.

В Константине Казимире было нечто загадочное. Богатый, независимый, одинокий, он вечно куда-то торопился. Выглядел всегда озабоченным и говорил о делах. Лишь после смерти многие узнали, что у земского гласного и рачительного хозяина все силы и средства отнима-

Члены Государственной
Думы Бессарабской губ.
К. Ф. Казимир,
В. В. Яновский,
Л. Е. Сицинский

ла благотворительность. «Я провожу селекцию людей», – шутил он, но именно так называл свою филантропическую деятельность. Считал, что раз можно повышать производительность полей, то можно увеличить и производительные силы людей. А для этого нужно выбирать лучшие экземпляры молодежи и давать им возможность учиться. Казимир мечтал создать отряд распространителей просвещения. Возвращаясь в свою среду, выпускники учебных заведений станут вносить в нее ферменты культуры. Благотворитель помогал своим питомцам не только материально, но и морально: советом и личным влиянием. Вникал в мельчайшие подробности жизни подопечных, был заботлив до мелочности. Называл стипендиатов «детьми». «...Мы спокойно и толком переговорим с вами и составим план дальнейшего вашего лечения, режима и учения...» – писал он одному. «...На расход по дороге возьмите из имеющихся у вас моих денег и рублей 25 употребите на покупку необходимого для поездки в деревню...» – советовал другому питомцу. «Имеете ли вы достаточно одежды для скорого возвращения в Россию? Ведь тогда была зима, а теперь у вас, вероятно, лето, а у нас весна. Напишите, не нужно ли вам чего-нибудь...» – тревожился он о третьем адресате.

Куда бы Казимир ни приезжал, он вел приемы, которые начинались с утра и велись до 4 часов дня. Выдавал деньги на теплую одежду, на лечение, улучшение пищи, на покупку книг. Во время одного приема он выдал девочке 40 рублей. Не успела она выйти за дверь, как раздались рыдания. Кто-то из посетителей, сидевших в приемной, украл у бедняги деньги. Филантроп не стал искать виновного. Оказал просительнице новую помощь. Казимира часто укоряли, что среди просителей есть личности недостойные. Он же обычно отвечал: «Лучше ошибиться, чем отказать там, где требуется». Но филантропа поражало,

когда к нему обращались за пособием для бедных родственников богатые люди...

Казалось, Константин Федорович должен был быть счастлив. Но дело, в котором он видел цель и смысл жизни – помогать бедным и обиженным, – сделалось его проклятием. Чем больше покровитель раздавал, тем больше его донимали просители. Осаждали с неотступностью кредиторов. Константин Федорович вынужден был скрываться, как должник, приезжать и уезжать инкогнито. За ним шпионили, выслеживали, когда он выходил из дому, присутствовал на земском собрании, оказывался в гостях. Собственная жизнь перестала ему принадлежать. Мецената бомбардировали письмами и телеграммами. Он постоянно возил с собой чемодан писем, которые не успевал читать. Чтобы переносить все это, нужно было обладать либо фанатичной твердостью, либо тупостью заурядного человека. Казимир не принадлежал ни к тем, ни к другим.

Все чаще чувствовал себя побежденным, а собственные средства – слишком ничтожными для армии страждущих. Стал изменять принципу – тщательно подбирать кандидатов в стипендиаты, вести личное наблюдение за их успехами, то есть производить селекцию лучших людей. Казимир сломался под натиском потока, число его стипендиатов достигло 600 человек.

Бессарабский гуманист умер 12 июля 1910 года от сахарного диабета. Друзья мецената учредили Общество содействия нуждающимся в образовании имени К.Ф. Казимира. Но оно просуществовало недолго. Любимое дело Константина Федоровича не нашло преемника.

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР

М. П. Рашкович и
Ю. А. Квятковская

Чтобы поступить на государственную службу, 17-летний поляк Александр Квятковский принял православие. Начинал он как чиновник в Витебском губернском правлении, оттуда перевелся в Томскую Казенную палату и женился на родственнице крупного сибирского золотопромышленника (невеста получила в приданое несколько при-

исков). Карьера 24-летнего Квятковского резко пошла в гору. Дослужившись до городничего, он оставил службу и занялся добычей золота. Семья перебралась в тайгу Енисейской губернии.

Юлия родилась в 1859 году. Она была пятнадцатым ребенком. Увы, золото никому из большого семейства Квятковских не принесло счастья. Когда отец разорился и умер, мать оказалась абсолютно не приспособленной к жизни, и все заботы легли на 16-летнюю Юлию. При жгучем морозе она ездила на базар закупать провизию и дрова, вела переговоры об отсрочке долгов, занималась продажей и покупкой дома. Заботы не мешали ее занятиям в Томской гимназии – окончила ее с серебряной медалью. От братьев, которые учились в Петербурге, Юлия узнала о существовании женских Врачебных курсов. Девушку не пугали ни дальняя дорога, ни запрет матери, ни полное отсутствие денег, ни вступительные экзамены. Юлия решила стать врачом вопреки всем препятствиям. Чтобы собрать нужную сумму на поездку, гимназистка

оставила 8-й класс и занялась репетиторством. Уроков дала столько, что заработанных денег хватило на дорогу и ей, и подруге.

В 1879 году девушки тронулись в путь. Добирались в Северную Пальмиру около месяца, всеми тогдашними видами транспорта: пароходом, на лошадях, по железной дороге. Конкурсный экзамен на Врачебные курсы при Николаевском военном госпитале Квятковская выдержала и поступила на первый курс. Безоблачная жизнь длилась недолго. Брат Александр, активист «Народной воли», вместе с 16-ю товарищами, оказался в застенках Петропавловской крепости. В его квартире полицейские обнаружили динамит и план Зимнего дворца, где впоследствии произошел взрыв. Весь год, пока тянулось следствие, учеба для Юлии отошла на дальний план. Она носила передачи, хлопотала о свиданиях, не пропускала ни одной встречи с братом. И, конечно, надеялась на помилование. Надежды ее рухнули 4 ноября 1880 года: Александра Квятковского казнили вместе с другими народовольцами.

Жизнерадостная веселая девушка, приехавшая ради своей мечты из глухой провинции в Петербург, казалось, умерла вместе с казненным братом. В те тяжелые дни, которые совпали со сдачей переводных экзаменов, Юлию поддержала сокурсница Мария Рашкович. Эта дружба продолжалась полстолетия.

Дипломы на право врачебной практики подруги получили в 1886 году. Хотя документ не имел оговорок, выпускниц допускали только в женские отделения больниц. Представители сильного пола предпочитали лечиться только у докторов-мужчин. Неоценимую помощь курсисткам оказали первые руководители-женщины, принятые на земскую службу в московские лечебницы. Квятковская и Рашкович оформились в такой стационар – обе

на одно место фельдшерицы. При этом упросили, чтобы им позволили выполнять обязанности врача и фельдшера по очереди. Обе не гнушались тяжелой и грязной работы, свободное время посвящали изучению всего больничного хозяйства.

В 1893 году Бессарабский губернский санитарный врач А. В. Чепурковский пригласил подруг работать в Кишинев. В 1865 году вышел закон о введении повсеместно в России правильного оспопрививания. В те годы оспа была одной из самых опасных и распространенных заразных болезней. От земских и городских учреждений требовали распространения предохранительной оспы через прививку телятам, а от телят — детям и взрослым. Но специалистов не хватало. Чепурковскому кто-то порекомендовал энергичную серьезную Квятковскую, которой он предложил на субсидии земства открыть частный оспенный телятник, что на современном языке означает — лабораторию по производству вакцины. Наладив это дело, Юлия стала искать нового применения и получила командировку губернского земства в Распопены Оргеевского уезда, где свирепствовала эпидемия дифтерита.

В 1894 году Квятковская открыла в Кишиневе частный прием по глазным болезням. Наплыв больных заставил Юлию заняться повышением своих знаний. Она некоторое время стажировалась в Одесской глазной лечебнице. Потом отправилась в Петербург, прошла подготовку в клиническом институте для врачей и в глазной лечебнице, которой руководил известный тогда офтальмолог Иван Христофорович Магавли. Он одним из первых в России начал производить иридэктомию (операции по удалению радужной оболочки глаза) и первые операции по пересадке роговицы. Но полученные знания не устраивали максималистку из Сибири. Чтобы получить опыт в проведении глазных операций, она записалась в Глазной отряд, который петербургская глазная лечебни-

ца командировала в отдаленные окраины России. За два месяца эти специалисты прооперировали столько больных, сколько в городской больнице не сделали за десять лет. Только одна преграда отделяла Квятковскую от экстремального путешествия – в отряд не брали женщин. Юлия попросила знакомого губернатора Закаспийской области сделать командиру отряда запрос на женщин-офтальмологов. И первый глазной отряд женщин отправился в Среднюю Азию. После этой командировки Квятковская и ее коллеги поехали в Уфимскую губернию, где буйствовала трахома.

Теперь она была готова исполнить свою мечту о клинике. Вернувшись в Кишинев, Юлия наняла флигелек из двух комнат. Сама выполняла работу высшего, среднего и низшего персонала. При операциях ей ассистировали доктор Чепурковский и ее подруга Мария Рашкович. За три года она выполнила более 200 крупных глазных операций.

Заручившись у попечительства о слепых согласием выделять ей 600 рублей в год на содержание нескольких бесплатных коек, офтальмолог открыла в 1899 году глазной стационар на 10 мест. А в 1905 году состоятельный пациент подарил заведующей 10 тысяч рублей. Квятковская передала сумму Кишиневской городской управе с тем, чтобы средства пошли на постройку нового здания глазного стационара. Дело ускорило вступление в силу духовного завещания генеральши Любови Артамоновой: она оставила попечительству участок земли, который занимал целый квартал. Напротив старого здания в 1909–1910 годах было построено двухэтажное новое здание лечебницы (сегодня в нем размещается Кишиневская митрополия). Число коечных больных здесь доходило в день до полусотни, амбулаторных – до 35 тысяч посещений в год.

Однажды, измотавшись от хозяйственных проблем, Квятковская пригласила врача Варвару Самсоновну Коссович, чтобы та взяла на себя часть административной работы. Через 17 лет после открытия учреждения главврачу пришлось оставить свой пост. Коссович, обладая властным характером, грубила больным, выдавала липовые справки. Несмотря на требования Квятковской, попечительский совет предпочитал не вмешиваться в конфликт. Один из попечителей приходился Варваре Самсоновне родственником. Офтальмологу пришлось оставить лечебницу.

А осенью 1916 года 59-летняя Квятковская отправилась на германский фронт в качестве заведующей глазным отрядом при хирургическом отряде земского союза. Подразделение Юлии состояло из 30 санитаров и 15 повозок. Прикомандированный к главному штабу отряд принимал раненых и тех, кого направляли проверить зрение... В 1917 году Юлию Квятковскую избрали членом Кишиневской городской управы. Под ее начало перешли более десяти санитарно-медицинских и благотворительных учреждений, школьный отдел. Отделению пришлось потрудиться: после развала армии на румынском фронте оттуда бежали санитарные и медицинские отряды, бросая на произвол судьбы медикаменты, дорогое оборудование, инструменты, лошадей.

В 1918 году, после упразднения городской управы, Юлию Квятковскую отстранили от общественных дел. Но и тогда полячка не поддавалась отчаянию: со свойственной ей энергией Юлия взялась за виноградарство и садоводство. Через несколько лет на сельскохозяйственной выставке она удостоилась золотой медали.

Всю жизнь Юлия верила в себя, в свое дело. Главным капиталом дочери золотопромышленника оставался золотой запас ее души: совесть и честь.

ОБСЕРВАТОРИЯ В СТАРЫХ ДУБОССАРАХ

Кант считал, что только две вещи достойны удивления и восхищения – наш внутренний мир и звездное небо над головой. Сто лет назад в бессарабском селе Старые Дубоссары (теперь Дубэсарий-Веж, Криулянский район) астрофизик Николай Николаевич Дониц открыл институт по изучению хромосферы и протуберанцев Солнца с тремя обсерваториями: астрономической, гелиографической и метеорологической.

Коленька Дониц родился под Кишиневом – в селе Петриканы. Его матушка, Мелания, скончалась от скоротечной чахотки, а батюшка Николай – застрелился. Восьмилетнего сироту взяла на воспитание бездетная сестра матери Елена. Тетушка вместе с мужем Львом Осиповичем жила в собственном имении в Старых Дубоссарах. Супруги Лысаковские полюбили мальчика как родного сына. Вскоре выяснилось, что Коля обладает недюжинными математическими способностями. И он стал первым учеником школы по точным наукам. Вскоре инте-

Николай Николаевич Дониц

ресы Доница вышли за рамки школьной программы – он заинтересовался астрономией. Загадочная жизнь других звезд и планет заворожила пытливого юношу.

В 16 лет Николай взялся строить собственную обсерваторию. Но работу пришлось прервать из-за переезда в Одессу, где он поступил в гимназию. Физико-математический факультет Новороссийского университета Дониц окончил в 21 год – экстерном. Талантливому выпускнику предложили место на кафедре, но его привлекала только самостоятельная деятельность.

Дипломированный специалист вернулся в Старые Дубоссары. Расширил построенную во время студенческих каникул обсерваторию и приступил к исследованиям, поискам новых методов изучения любимой науки – солнцеведения. Для исследований молодой ученый купил спектрогелиограф – астрономический инструмент для фотографирования Солнца, разработанный механиком Пулковской обсерватории Тимченко. И так доработал его конструкцию, что телескоп Доница стал более совершенным. Вместо того чтобы заставлять перемещаться весь громоздкий прибор (а это отражалось на точности наблюдений), бессарабский астроном приводил в движение только легкую фотографическую кассету. «К окончанию Первой мировой войны, – писал историк Георгий Безвизонный, – спектрогелиографы были большой редкостью даже в крупных астрономических учреждениях. В Европе их насчитывалось всего семь, доничевский (аппарат) был самым лучшим». Оснащению обсерватории в Старых Дубоссарах позавидовал бы не один исследовательский институт. Часть оборудования по чертежам Доница ему изготовили специалисты Института естественных наук при Йенском университете, с которым сотрудничала компания «Карл Цейс».

Большинство инструментов Николай Николаевич по-

строил своими руками – он был чрезвычайно одаренным механиком. «Башня» Доница была оснащена целостатом – вспомогательным астрономическим инструментом с плоским вращающимся зеркалом, позволяющим наблюдать небесные светила; экваториалом – астрономическим инструментом, дающим возможность определять положение любого светила на небесной сфере относительно небесного экватора. Каждый год зеркала этого телескопа ученый посылал в мастерские компании «Карл Цейс» для обновления серебряного слоя. В арсенале астронома имелся рефрактор фирмы «Рейнфельдер и Гертель». Этот телескоп, оснащенный различными оптическими системами, мог «бегать» по небесному своду в любом направлении, что позволяло легко находить нужную звезду или планету.

Николай Николаевич вел не только астрономические наблюдения. Трижды в день ученый производил метеорологические замеры. Во всех пишущих аппаратах, регистрировавших давление воздуха, температуру и влажность, – каждый день менялись бумажные ленты. Дониц составлял сводку погоды и по телеграфу передавал ее в Центральный метеорологический институт в Бухарест.

Покидал обсерваторию ученый только ради астрономии. Вместе с бароном Паленом, Андреем Байковым (специалистом по Луне и планетам), Леонидом Окуличем (уроженцем нашего края, работавшим в Пулковской обсерватории), Дониц побывал во многих странах. В Египте наблюдал прохождение планеты Меркурий по солнечному диску. Путешествовал по Китаю, Испании, Португалии. В поисках мест, откуда лучше всего удавалось исследовать солнечное затмение, астроном с гидами и инструментами поднимался на вершину Монблана и совершил экспедицию в северную Африку.

Николай Николаевич Дониц состоял почетным членом Румынской Академии наук, членом Гейдельбергского астрономического общества. С 1922 года участвовал в работе международных конгрессов астрофизиков и астрономов. Нашего земляка постоянно избирали председателем «солнечных» комиссий, на заседаниях которых он вызывал восхищение коллег своими гелиографическими снимками. Опубликовав всего 30 научных работ с описанием затмений, которые он наблюдал, и изложения своих методов исследования, Дониц фигурировал в ежегоднике «Whoiswho» – самых известных деятелей науки и искусства мира, издававшемся в Англии.

Живя в Старых Дубоссарах в окружении большой семьи родственников и знакомых, Николай Николаевич не отказывался принимать в своих научных владениях многочисленные экскурсии. Считался непревзойденным популяризатором науки – доходчиво рассказывал о Вселенной и о собственных исследованиях. Хозяин обсерватории обожал не только науку, но и «братьев наших меньших». Держал в усадьбе семь псов разных пород и возрастов, сам ухаживал за любимцами. Зная за ним эту слабость, горожане избрали ученого председателем Кишиневского общества покровительства животным, которое он возглавлял много лет. Еще Николай Николаевич любил музыку, обладал хорошим слухом, часто радовал родных и друзей исполнением арий и канцонетт...

С 1945 года Николай Николаевич Дониц работал во Франции. Об этом периоде его жизни нам ничего не известно. Говорят, будто он доживал свой век в богадельне в Ницце, отказавшись последовать за детьми в Аргентину.

Как все же мало мы знаем о наших великих земляках!

«ЧИСТЫЙ ХЛЕБ» САХАРНЫ

Ни в одном рекламном проспекте, предлагающем посетить Сахарну, мы ни разу не встречали упоминания фамилии супругов Николая и Евгении Апостолопуло, радетелей

Сахарна

тех мест. Евгения Апостолопуло родилась в 1857 году в семье дворянина Иоана и Екатерины Богдан (в девичестве Стрэжеску), имевших под Сороками обширное имение в Кухурештий де Сус (ныне Флорештский район).

Когда Евгении исполнился 21 год, ею искренне заинтересовался сосед по имению – дворянин Николай Апостолопуло, живший в селе Чирипкэу того же уезда. Николай Константинович, сын грека, принявшего бессарабское подданство, был на 13 лет опытнее своей избранницы. Окончив Кишиневскую мужскую гимназию, он продолжил образование за границей. Служа инженером путей сообщения, участвовал в прокладке железной дороги Новоселица – Бельцы – Резина. Евгения приняла предложение, и 27 апреля 1878 года состоялось венчание. Вскоре стало ясно, что у супругов много общего. Жизнь без конкретной помощи нуждающимся обоим казалась неполной и ненастоящей. Они открыли в имении Сахарна, где поселились, начальную школу для сельских ребят-тишек. Взяли под опеку Троицкий монастырь и церковь Святого Архангела Михаила, помогая святым обителям в их каждодневных нуждах...

А потом супругов постигло страшное горе – умер их горячо любимый пятилетний сын. Только одно средство

помогало безутешной матери заглушить свою боль, это – страдания других. Евгения стала местной «матерью Терезой», большей частью творила милосердие не деньгами, а богатством своей души. 19 декабря 1901 года, после 26 лет совместной жизни, Евгения Ивановна похоронила и мужа.

Николай Константинович оставил Бессарабскому земству часть своего имения, с тем чтобы в течение трех лет в нем открылась школа виноградарства и виноделия его имени. Земство выделило учебному заведению на первоначальное обзаведение 500 рублей и 2 300 – на ежегодное содержание. Недостающие средства вдова добавила от себя. Кроме того, Евгения Ивановна подарила школе обширный участок земли с постройками и виноградниками. Благодарные потомки в 1937 году на могиле Николая Константиновича с мраморным крестом поставили бюст филантропа, который выполнил скульптор Александр Плэмэдялэ...

Похоронив мужа, вдова несколько зим провела в Петербурге. Столкнувшись с полуголодной нищенской жизнью начинающих живописцев, помещица из Сахарны в большой квартире на улице Галерной открыла творческую коммуну с общей мастерской и жилыми комнатами для бедных студентов. Она с такой деликатностью опекала коммуны, что большинство художников и не догадывались, кому они обязаны избавлением от мытарств по петербургским углам и забот о хлебе насущном.

Евгения Ивановна обладала многими талантами. В том числе и незаурядным художественным вкусом, наблюдательностью, выразительным словом. Философ Василий Розанов летом 1913 года отдыхал вместе с семьей в имении Е. И. Апостолопуло. Литератор сразу обратил внимание на образную речь хозяйки. Пословицу о скромности, которую Евгения Ивановна ему процитировала

однажды, писатель тотчас внес в свои записи: «Когда девушка свистит – Богородица плачет». Видя интерес гостя к местной жизни, делилась с ним своими наблюдениями. Уверяла, что молдаване отличаются богатым воображением, могут сочинить историю, что называется на «ровном месте». Из цветов отдают предпочтение смягченным тонам. Нередко вставляла в разговор поговорки, приводившие в восторг Розанова: «Когда священник мало просит за свадьбу, то молдаванин обижается». По замечанию публициста, Евгения Ивановна сыпала наблюдениями и афоризмами, как перезревшая нива хлебным зерном. «Горькое не живет на ней, – писал философ. – Кислого нет возле нее. Нет дождя и грязи. Она вся пшеничная. И этот чистый хлеб «на упитание всем» живет и радуется». Из записей, которые гость вел во время отдыха, он составил книгу под названием «Сахарна», которая состоит из трех частей: «Перед Сахарной», «Сахарна», «После Сахарны». По всему тексту рассыпаны, словно речные жемчужины, короткие цитаты хозяйки имения, которую Розанов называл «счастливой женщиной».

Увлечшись искусством, Евгения Ивановна мечтала увидеть в Кишиневе музей общерусской живописи и молдавской народной культуры. Не дождавшись, она в своем имении в полуподвальном этаже открыла музей молдавской старины. Обставила комнаты изящной мебелью, коврами, предметами церковной утвари, иконами, макетами убранства молдавских домов. Музей в Сахарне напоминал большую каза маре, которую часто посещали экскурсанты.

Узнав о своем неизлечимом недуге, 58-летняя Евгения Ивановна составила духовное завещание. На средства, вырученные от продажи семейного предприятия в Одессе (около миллиона рублей), она наказывала открыть в Кишиневе музей. Благородную и хлопотную миссию учреж-

дения музея она возложила на друга своего детства, ставшего известным зодчим – Алексея Щусева. Но Октябрьская революция, грянувшая через два года, помешала Щусеву выполнить последнюю волю Апостолопуло.

Евгения Ивановна скончалась 6 ноября 1915 года в Одессе. После строительства в родовом имении Кухурештий де Сус церкви (по проекту Щусева), которую на средства супругов Апостолопуло построила сестра Евгении, – прах благотворительницы был перезахоронен в пределах святой обители. Евгения Ивановна завершила свои земные дела в ноябре, вскоре после дня рождения (1 ноября). Говорят, что такое совпадение происходит у тех, кто покидает мир, выполнив свое главное предназначение.

ВОЗВЫШЕННАЯ ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Один писатель сравнил библиотеку с космосом, а непрочитанную книгу – с нераскрытой тайной природы. 175 лет назад, в Бессарабии, 22 августа, когда обычно падают звезды, зажглась новая планета – Кишиневская городская публичная библиотека. В наш век ПК, существования электронных библиотек и падения интереса к чтению – трудно представить волнение провинциального губернского города, получающего выход в галактику мировой культуры. Представители местного общества, стяжавшие известность на общественной ниве, считали своим долгом принять участие в новом проекте: от гражданского губернатора Бессарабии и митрополита до состоятельных горожан. Каждый понимал – столица аграрного края делает шаг к прогрессу, к обретению репутации европейского города.

Библиотеки в Кишиневе существовали и прежде. Но то были частные собрания состоятельных горожан-библиофилов, книгами которых пользовался узкий круг

читателей. В 1813 году местная духовная семинария обзавелась собственным книгохранилищем. Но и сюда, понятно, записывали не каждого. Городская публичная библиотека принимала всех почитателей ее величества Книги, независимо от их вероисповедания и сословной принадлежности. Первоначальный фонд приобрели на пожертвования. Он составлял по нашим временам «смешную» цифру – примерно пять сотен книг. Но что это были за издания – в изысканных тисненых переплетках, на хорошей бумаге! Естественно, такое произведение типографского искусства и стоило немало. Для надзора за делами библиотеки учредили совет попечителей, который следил, в том числе, и за ведением денежной отчетности. Главной же его заботой являлось приобретение книг, которые выписывали из Москвы. В 1835 году библиотечный фонд пополнился специальной литературой. Императорская Академия Наук подарила кишиневцам 60 томов, а министерство народного просвещения – 609 книг. В 1836 году, после смерти библиофила Рябинина, попечители с публичного торга приобрели всю его коллекцию. Десятки словарей, грамматик различных языков, сотни томов литературы (в том числе на датском и арабском языках), географические атласы и карты.

Фонды росли, и через год библиотеке стало тесно в съемных помещениях. Тогда она переехала в только что отстроенный городской клуб. Он стоял в саду, выходявшем на улицу Александровскую. Передавая здание клуба (после публичных торгов!) иностранцу Краузе на четыре года, губернатор Павел Иванович Федоров поставил условие. Три комнаты клуба должна занимать публичная городская библиотека. Как ни странно, но именно это условие оказалось самым трудновыполнимым. Печи в тесных библиотечных залах так дымили, что выкуривали самых стойких читателей. Неудобства вынудили

искать новое прибежище. В 1835 году, собрав пожитки, публичная библиотека перебралась опять на съемную квартиру, в новый дом купца Богачева (на его месте стоит Национальный музей истории РМ), там учреждение размещалось 11 лет, до 1846 года.

Кто же был главным читателем «публички»? Не дворяне и не богатые торговцы, а молодежь и скромные чиновники. Занятые учебой и службой, они не имели возможности читать в библиотеке. Приходилось брать литературу на дом, давая подписку о бережном отношении к городской собственности... В 1844 году библиотеку, например, посетили 863 кишиневца, прочитавшие 1434 книги. Увы, не все читатели были образцовыми. Пропажу книг приходилось возмещать деньгами. Находились и такие «библиофилы», которые выбирали литературу не по содержанию, а по стоимости. И закладывали дорогие тома для получения денежного займа. «Чиновник Сливицкий, – жаловался попечителям библиотекарь Козлов, – получил от меня французское сочинение, стоимостью в 200 рублей ассигнациями. Но вместо чтения он заложил книгу какому-то мещанину за 15 рублей»...

Какими были они, библиотекари прошлого века, сменившие школьные классы и канцелярии на тишину и книжную пыль? Для многих из этих скромных беззаветных служителей книга стала единственной любовью всей жизни. Коллежский советник Козлов проработал в городской публичной библиотеке до самой смерти. Библиотекарь Танский не стал ограничивать свои интересы узкими рамками рядового сотрудника городской структуры. В 1849 году он обратился к генерал-губернатору за разрешением использовать 1 500 рублей (средства, предназначенные на содержание пяти студентов края, которые никогда до того не использовались) по назначению.

Танский предложил поощрять по одному из выпускников кишиневской гимназии, обучающихся в столичных

вузах, в том числе и Петербургской Академии Художеств. Еще библиотекарь просил ввести в учебную программу гимназии азы сельского хозяйства, технологий, коммерции. Танский просил главу края разрешить в Кишиневе (по аналогу газеты «Одесские вести») местное издание – «Бессарабские ведомости». И даже поручался регулярно выплачивать жалованье редактору и его помощнику из библиотечного фонда. Также скромный чиновник настаивал на учреждении премий за лучшие гимназические сочинения по истории, статистике, этнографии и сельскому хозяйству Бессарабии! Трудно выяснить, каков был ответ первого лица на обращение библиотекаря. Но в 1854 году в Кишиневе стали выпускать областные ведомости, а потом открылись и местные газеты.

Пожелтевшие страницы местной газеты за июль 1934 года сохранили заметку-некролог по поводу кончины 72-летней Дарьи Павловны Харжевской, 39 лет бессленно заведовавшей городской библиотекой. Она была таким организатором этого заведения, что до войны кишиневская библиотека считалась третьей среди аналогичных учреждений провинциальных губернских городов. Газетная статья рассказывает, как страдала Харжевская, когда в тишину библиотеки стала врваться политика, когда от заведующей стали требовать уступки читального зала для заседаний и различных собраний. «Зачитывание» и изъятие архивных экземпляров библиотеки, ценных книг Дарья Павловна переживала так, будто у нее сердце рвали на части. Варварское отношение к любимому детищу угнетало неутомимую труженицу «...библиотека была не только местом службы (для Харжевской), – писала газета, – не только делом, которому она посвятила свою жизнь. Для нее библиотека была храмом, местом проникновенного культа, возвышенной влюбленности, которая свойственна только Богом данному таланту».

НА СОПКАХ МАНЬЧУРИИ

Тома Феодосьевич Чорба в последний год жизни

Вряд ли кто-то мог предположить, что непривычные для бессарабцев названия Порт-Артур, Мукден и Цусима будут иметь самое непосредственное отношение к жителям нашего края.

22 января 1904 года Япония объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией. 29 января в Кишиневе на всенародном молебне в соборе прозвучал царский манифест о начале русско-японской войны. В тот же день на заседании Городской думы градоначальник Леопольд Егорович Сицинский, медик по профессии и польский дворянин по происхождению, произнес взволнованную речь. Он сказал, что хотя Бессарабия находится далеко от театра военных действий, бессарабцы, как верные сыны Отечества, тревожатся за своих братьев и готовы понести посильные жертвы на благо общего дела.

Без волокиты городские власти выделили 10 тысяч рублей на организацию в Кишиневе общины сестер милосердия. Открыли подписку на добровольное отчисление средств из собственного жалованья. Подписались на получение телеграмм Российского телеграфного агентства. Чтобы горожане имели возможность получать новости с театра военных действий из первых рук, сообщения расклеивали вблизи газетных киосков. В первых числах февраля 1904 года во Владивосток направилась сводная рота боевого состава от Волынского и Минских полков, дислоцировавшихся в крае. После напутственного мо-

лебна, где присутствовали все члены управы, городской голова благословил добровольцев иконой. Каждому офицеру вручили по золотому кресту, а нижним чинам – по полтиннику.

Война вызвала подъем патриотических настроений в каждом уголке Бессарабии. На рынках и на улицах, в учреждениях и учебных заведениях обсуждали события на Дальнем Востоке. Получив манифест царицы о помощи раненым, губернское правление провело экстренное заседание, в котором приняли участие более сорока представителей разного сословия. Все кишиневцы горели желанием помочь святому делу. Сбор средств, произведенный после собрания, дал 600 рублей. Образовался Дамский комитет Красного Креста, который потом преобразовался в общину имени Гербовецкой Божьей матери. Энергичные женщины с большим чувством патриотизма стали собирать припасы, белье, полотно, полотенца, кожи, валенки и другие вещи, необходимые для фронта.

В учреждения Бессарабии разослали более 2 500 подписных листов для сбора денег в помощь армии. Казначеем избрали Пантелеймона Викторовича Синадино, заступающего места городского головы (заместителя примара города). Собирали пожертвования разными способами: подпиской, сборами в кружки на улицах, при обходе домов и квартир, на благотворительных вечерах. Деньги для победы давали организации, учреждения, богатые и бедные. Размер пожертвований колебался от 50 копеек до нескольких тысяч рублей. Чиновники и служащие обложили себя добровольными взносами в пользу Красного Креста в размере 1-2 процентов от полученного жалования. Большие средства поступали от духовенства, которые собирали пожертвования в церквях. «Не было речи о каком-нибудь давлении или принуждении, – отмечал Синадино в своих записках о том времени. – Наоборот, шло

соревнование – кто принесет лучше и больше». Бессарабия благодаря подписным листам отправила в Петербург на нужды фронта более 260 000 рублей.

Однако не все суммы доходили по адресу. И тогда бессарабский губернатор князь Сергей Дмитриевич Урусов на собрании членов местного отделения Красного Креста предложил вместо сбора денег, которые направлялись в Петербург, сформировать госпиталь и отправить его на Дальний Восток. Получили разрешение, и работа закипела. Душой и главой проекта стала жена губернатора – София Владимировна Урусова. Хлопотала она без устали – закупала лекарства, продукты, постельное белье и кровати. На снаряжение стационара всем необходимым город истратил 28 тысяч рублей. Когда же встал вопрос, кто возглавит лазарет, то София Владимировна без колебаний назвала имя главного врача Кишиневской инфекционной больницы.

40-летнего Тому Феодосьевича Чорбу знал и уважал весь город. Вся жизнь и карьера этого делового, честного, знающего и преданного своему делу медика была связана с Кишиновом. Тома родился в многодетной семье. У отца, мелкого чиновника городской управы, в прошлом военного, не хватало средств на обучение детей. Старший сын получил образование в Кишиневской мужской гимназии благодаря доброте бездетного родственника. Томе после третьего класса грозило исключение из-за неуплаты. Выручила стипендия известного купца А. Чуфли, завещавшего каждый год от доходов распределять 4000 рублей в виде помощи бедным, но прилежным ученикам. Учеба на медицинском факультете Киевского университета далась из-за материальных затруднений тоже непросто, но студент своего добился. С дипломом врача I степени Чорба вернулся в Кишинев и стал служить любимому делу. Работал сверхштатным ординато-

ром психиатрического отделения в Костюженах, которое считалось самым сложным медицинским подразделением. Во время эпидемии холеры Чорба возглавил борьбу с заразой на посту городского санитарного врача. Купил в 1893 году в Варшаве две дезинфекционные камеры, оцепил город карантинными и наблюдательными постами, провел ряд законоположений по борьбе с эпидемиями инфекционных болезней, открыл при губернской земской больнице оспенный телятник. В Бессарабии появилось средство для вакцинации против оспы, всеобщего до этого недуга. Усилиями Тома Феодосьевича и по его проекту совместно с М. К. Чекеруль-Кушем в 1900 году на окраине города открылась инфекционная больница. Вот такой руководитель возглавил военный госпиталь. Вместе с главврачом на Дальний Восток отправились три доктора – Врубелевская, Червенводали, Беседовский и 12 сестер милосердия. Среди них – княжна Елена Юрьевна Кантакузен и Наталья Ильинична Кобиева. Заведовал хозяйством медицинского отряда судебный следователь по фамилии Давидович. По решению городских властей за всеми служащими, мобилизованными и ушедшими добровольно на войну, в том числе и персоналу лазарета Красного Креста, сохранялись места и жалование по постоянному месту работы...

Бессарабский госпиталь дислоцировался в Никольске-Усурийском, и благодаря железной дисциплине, которую установил Чорба, стационар считался образцовым. За полтора года кишиневские медики стали свидетелями многих кровопролитных боев, храбрости и мужества русской армии. Кто знает, может, именно они выхаживали раненых и увечных солдат и офицеров известного Мокшанского полка. Эти участники сражения под Мукденом и Ляояном одиннадцать суток удерживали свои позиции и не выходили из боев. На 12-й день японцы

окружили соединение, лишенное боеприпасов и потерявшее многих бойцов. Но в трагический миг оркестр с таким чувством заиграл марш, что солдаты прорвали кольцо окружения. Этот эпизод стал поводом для появления всемирно известного вальса «На сопках Маньчжурии», музыку к которому сочинил капельмейстер полка и участник событий.

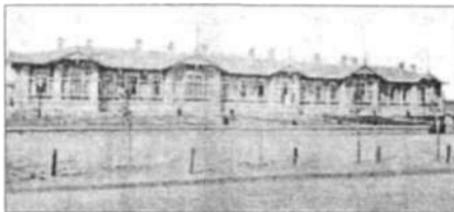
Отряд доктора Чорбы с небольшими потерями вернулся в Кишинев. Врач Червенводали заболела нервным расстройством. Одна сестра милосердия скончалась от неизвестной болезни. Но военный опыт, полученный бессарабскими медиками на Дальнем Востоке, им пригодился в годы Первой мировой войны.

ВСЕ ЗАРАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ ЧОРБА ПРИВИВАЛ НА СЕБЕ

Прошлое глядит на нас с потрескавшихся фотографий, с изваяний старых памятников, из окон ветхих зданий. Увы, этих свидетелей времени остается все меньше. Но даже те немногие, уцелевшие, остаются для нас закрытыми. Старые здания «молчат», храня в себе коды ушедшей эпохи, среды, человеческих отношений, живое очарование ярких личностей. Может, потому, что мы не любопытны, постоянно торопимся? А заговори они, какие бы мы услышали истории!

Инфекционная больница на бульваре Штефан чел Маре, 163, – это живая память о Томе Чорбе, имя которого она носит. Трудно представить, но еще 126 лет назад в Кишиневе не существовало медицинского учреждения по спасению инфекционных больных. Осенью 1884 года город охватила оспенная эпидемия. И депутаты Городской думы решили открыть в доме некоего Харченко на улице Госпитальной временную оспенную больницу. Больни-

ца имела всего 15 коек и управлялась единственным санитарным врачом И. Зефировым, в лице которого совмещалась вся врачебно-санитарная организа-

Заразная детская больница

ция городского самоуправления. После ликвидации эпидемии медицинское учреждение не закрыли, оно превратилось в детскую «заразную» больницу. А 21 октября 1891 года Кишиневская городская дума в ознаменование 25-летия бракосочетания императора Александра III и императрицы Марии Федоровны постановила учредить – общую «заразную» больницу на 25 коек. Девять лет она ютилось на съемных квартирах.

Как только старшего и единственного врача Зефирова сменил его молодой коллега Тома Чорба, новый руководитель стал хлопотать о постройке специального больничного здания. И Городская дума, получив на неотложные нужды заем в полтора миллиона рублей, выделила на постройку больницы 32 тысячи. Чорба вникал в каждую мелочь проекта. Совместно с инженером М. К. Чекеруль-Кушем разрабатывал проект. А потом во время строительства трудился на площадке как десятник. Здания поднимали хозяйственным способом. Поэтому работы, начатые весной 1899 года, завершились уже осенью 1900 года. Новая больница фасадом на Александровскую улицу имела 25 коек, прачечную, маленькую кухню и покойницкую.

26 ноября 1900 года состоялось освящение готового здания, фасад которого украсила памятная доска. А летом 1904 года губернская земская больница передала «заразному» стационару целое отделение – 10 бесплатных коек имени потомственного почетного гражданина

Анастасия Чуфли. (Много лет подряд отделение спасало городских бедняков от смерти. В 1905 году здесь лечился 221 больной, а через три года их число выросло до 983.) Но койки, содержавшиеся на доходы с имений филантропа, по его завещанию должны были принадлежать только «городской» больнице. И превосходно оборудованный «заразный» стационар с бактериальным кабинетом и дезинфекционной камерой получил статус больницы общего характера. Такими причудливыми путями Анастасий Чуфля во второй раз помог Чорбе. Первый раз это случилось во время учебы Тома в Кишиневской мужской гимназии. Тогда ему, мальчику из многодетной семьи мелкого чиновника, грозило исключение из-за неуплаты за учебу. Выручила стипендия Анастасия Чуфли, который завещал каждый год распределять среди бедных, но прилежащих учеников 4000 рублей...

Эти отрядные перемены Томе Феодосьевичу наблюдать не пришлось. После начала русско-японской войны (по решению членов местного отделения Красного Креста) Чорба возглавил Бессарабский военный госпиталь, который оправился на Дальний Восток. Полтора года три доктора и 12 сестер милосердия выхаживали раненых.

А в Кишиневе расширение больницы из-за финансовых затруднений городского управления затормозилось. Но вспышки эпидемий в 1905–1908 годы заставили городские власти снова взять под опеку «пост №1». В инфекционной больнице построили новый павильон на 8 коек, специальный барак на 10 коек для холерных больных, паровую дезинфекционную камеру, квартиру для врача... Только питание и медикаменты стационар по-прежнему получал в земской больнице. Но руководству больницы удалось освободиться и от этой зависимости – детище Чорбы обзавелось собственной кухней и аптекой. Со временем инфекционный стационар расширился с 25 до 200 коек...

Ухаживая за больными, медицинский персонал подвергался большой опасности. В 1901 году сестра милосердия умерла от оспы, в 1904 – от сыпного тифа, через три года погибла от тифа фельдшер Чуфлинского отделения. Лишь с 1907 года медицинский персонал стал получать прибавки к жалованью за каждые пять лет работы...

5 мая 1918 года Кишиневская городская дума при большом стечении гостей всех званий и сословий чествовала юбиляра. Им был Тома Феодосьевич Чорба, старший врач городской больницы, прослуживший четверть века в местном самоуправлении. Отмечая редкую бескорыстность, преданность врачебному долгу и скромность виновника торжества, бывший городской голова П. В. Синадино, сказал, что все эти годы доктор Чорба смотрел смерти прямо в глаза. Не покидая поста, он привил себе все различные болезни, которые свирепствовали в Кишиневе.

ТОВАРИЩ ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ

О деятельности Карла Фердинанда Александровича Шмидта, 27 лет занимавшего пост кишиневского градоначальника, известно немало. С этим именем связывают перемены, придавшие нашему городу облик европейской столицы. В Кишиневе появились мостовые, трамваи, канализация, водопровод, первая электростанция. Благодаря этому потомку балтийских немцев, рожденному в Бельцах, в городском парке был установлен памятник А.С. Пушкину, а также (как мы теперь говорим), реализовано немало культурно-просветительских проектов. Понятно, что рядом с градоначальником работала команда помощников, которая помогала Карлу Шмидту выполнять его дерзновенные планы. Об одном из таких незаурядных единомышленников – этот рассказ.

Антон Михайлович Мануйлов был идеальным, по

А. М. Мануйлов

утверждению горожан, сотрудником и помощником Карла Шмидта. Он сторонился членства в какой-либо партии, не рвался вверх по карьерной лестнице. Не стремился к дешевой популярности и эффектным публичным выступлениям. Все лавры славы он тактично отдавал своему патрону.

Антон Михайлович родился 7 декабря 1844 года в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский). После окончания 1-й Кишиневской гимназии, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. После его окончания стал преподавать математику, физику и космографию сначала в родной гимназии, потом в духовной семинарии и женской гимназии. Многие его ученики стали видными общественными деятелями, такие как Л. Сицинский, П. Синадино, Н. Дашков и другие. Молодого преподавателя избирают земским гласным, почетным мировым судьей, членом кишиневской городской управы и наконец – товарищем городского головы. Мануйлов всюду работал много и плодотворно.

Последнее место его работы – председатель правления Кишиневского общества взаимного кредита. Находясь на этом посту, Мануйлов приобрел Рышканские земли для города, начал строительство Боюканских казарм, разработал план постройки военного госпиталя. Издал ряд научно-популярных трудов по математике и астрономии, усовершенствовал меру измерения вина. С давних времен в Бессарабии емкость винных бочек измеряли мерой, которая называлась «рундштук». Эта мера давала показания не в ведрах, а в так называемых «стеках» и «фиртелях». При переводе этой меры на русские единицы из-

мерения – торговец вина терял несколько ведер товара. Разработка Антона Михайловича удостоилась премии на сельскохозяйственной выставке, а он сам вскоре после этого занялся переоборудованием спиртового завода в Слободзее.

Первая мировая война и революция заставили Мануйлова отойти от активной работы. В 73 года он перенес сыпной тиф, выкарабкался. Выздоровев, он не мог долго находиться в томительном бездействии. Занялся разработкой сложной научной проблемы, на которую у него прежде не хватало времени: изучением статистики, высшей математики, химии, биологии, философскими проблемами. Итогом его изысканий стала книга на французском языке «Опыт экономического счетоводства в единицах энергии».

Судьба к Антону Михайловичу была равнодушна. Она подарила ему возможность реализоваться в общественной и научной деятельности, а также счастье в семейной жизни. С любимой женой Софьюшкой он прожил в любви и согласии без малого 60 лет. «Попадая в дом к супругам Мануйловым, – писала газета «Бессарабское Слово» (от 19. 12. 1934), – как говорят в кругу родных и друзей, в «большой дом», в отличие от домов сыновей Антона Михайловича, вы сразу чувствуете, что попали действительно в большой дом. Так широки здесь интересы, так исключено все мелкое, пошлое, обывательское. Вы чувствуете себя в этом «большом доме» не только в старом благородном Кишиневе. Вы дышите там воздухом Европы: хозяева внимательно следят за европейской жизнью и мыслью. Ежедневно читают «Таймс», не пропускают ни одной книжки «Ревю де Монд», и, если вы хотите услышать интересное мнение о Моруа, о политической речи Фландена (Пьер-Этьен Фланден – французский государственный и политический деятель. – *Приме-*

чание авторов) или Муссолини – идите в «большой дом»! Жизненный путь Антона Михайловича отличался завидным долголетием. Он прожил 92 года, незадолго до своей кончины опубликовал научную статью на французском языке в «Известиях Румынской Академии Наук».

Гуляя по улицам нашего города, разглядывая фасады старых домов, которых осталось в Кишиневе так мало, давайте с благодарностью вспомним ушедшее поколение известных и неизвестных горожан, настоящих бессарабцев, являвшихся образчиком душевной чистоты и идеалом общественного служения.

ДЕТИ КАРЛА ШМИДТА

Карл Шмидт стоит третьим в списке градоначальников города. Однако он – едва ли не лучший городской голова в истории города. О 26-летней деятельности этого удивительного человека на благо бессарабской столицы и его жителей написано немало. К. Шмидт провел водопровод, газовое освещение, при нем появилась

конно-железная дорога, инициировал строительство здания городской думы, в котором теперь работает примэрия. Под председательством Карла Александровича строилась женская гимназия Дадиани, кишиневский инвалидный дом, от которого сохранилась часовня (теперь церковь) на Рышкановке, рядом с бывшим кинотеатром «Шипка».

По предложению градоначальника академик Опекушин, в то время работавший над монументом А. Пушкина в Москве, готов был изваять для Кишинева статую поэта

в полный рост. Но собранных кишиневцами средств не хватило, и остановились на бюсте. Карл Александрович контролировал все этапы строительства памятника, участвовал в закладке его первого камня. Как, впрочем, и в возведении монумента Александру I. Кстати, с ним произошла любопытная история.

В 1930 году газета «Голос Бессарабии» опубликовала заметку. В революционные 1917–

Мария Ивановна Шмидт

1918 годы румынские власти снесли пятиметровый памятник российскому государю. Но лидер либеральной партии Братияну (в то время губернатор Бессарабии), сохранил мраморную доску с надписью: «Царю-освободителю от благодарной Бессарабии». Мрамор, привезенный с Урала, был необычайной красоты. Братияну установил красивую доску на парковой скамеечке в своем имении «Фурника» в Бухаресте. Газета подняла шум по этому поводу. И тогда губернатор выступил в газете с заявлением, что он не присвоил мемориальную доску, а ее ему подарил примар Кишинева Герман Пынтя.

Карл Александрович все делал для того, чтобы Кишинев с достоинством носил имя европейской столицы – не только культурного, но и толерантного города. Еврейский погром 1903 года стал настоящим шоком для городского головы. В те трагические дни он послал телеграмму министру внутренних дел в Петербург, созвал чрезвычайное собрание городской думы, организовал сбор средств для пострадавших. Более того, он в своем доме приютил несколько семей. Отправил еврейской больнице, которая оказывала врачебную и психологическую помощь жертв-

Владимир Шмидт

вам погрома, из собственного дома весь запас дров.

Эти трагические события изменили его жизнь. В сентябре 1903 года Шмидт по собственной воле ушел с должности главы города. И хотя экс-градоначальника не стало в 1928 году, мы мало знаем, как жил Карл Александрович последние 25 лет. Тем не менее, он не прозябал от скуки. Продолжал исполнять обязанности почетного мирового судьи, был

директором городского Кредитного общества (это огороженное здание, примыкающее к гостинице «Leo Grand», уже приготовлено к сносу), возглавлял попечительский совет Коммерческого училища, «добывал» средства на работу благотворительных столовых для городской бедноты. Одна из них даже носила имя К. Шмидта. За безупречную деятельность градоначальник был удостоен орденов Святого Станислава, Святой Анны, Святого Владимира. Тем не менее, когда он умер, то над его могилой поставили всего лишь скромный деревянный крест. Выяснилось, что городской голова в завещании просил не устраивать пышных похорон, а деньги, собранные на «венки», просил передать в столовые для бедных горожан. Последний приют Карла Александровича не сохранился. На месте лютеранского кладбища, где он был погребен, построили кинотеатр «40 лет ВЛКСМ» (ныне «Гаудеамус»)...

Завесу личной жизни Карл Александровича нам помогла приоткрыть постоянная читательница газеты «Кишиневский обозреватель» – Татьяна Николаевна Янушевская.

Бывает же такое! Мама Татьяна Николаевна была крестницей одной из дочерей Карла Александровича. Впрочем, обо всем по порядку. Карл Шмидт взял в жены Марию Ивановну Кристи, наследницу имения в Телешово (ныне – с. Телешеу Оргеевского района). От этого брака родились четверо детей: Владимир, Александр, Татьяна, Мария. Владимир Карловичи

Татьяна Шмидт

Татьяна Карловна были крестными Марии Дзельницкой, будущей мамы нашей читательницы. Они ее потом венчали. Мария в честь крестной назвала свою дочь.

Владимир Карлович Шмидт, следовательно по профессии, связал свою жизнь с Еленой Вольской, дочерью детского врача Карла Вольского. Их дочерей Екатерину и Марию в семейном кругу называли «Киса» и «Мушка». Мария Дзельницкая, мама нашей читательницы, не одно лето провела с дочерьми крестного. Девочки вместе отдыхали на Днестре в имении Слободзия-Душка (ныне – Криулянский район). Владимир Карлович владел большим хозяйством: спиртовым заводом, мельницей, пасекой. В 1938 году Владимир Шмидт скончался. Мушка и Киса, его дочери, обе незамужние девицы, в 1940 году уехали в Румынию.

Татьяна Карловна Шмидт окончила Смольный институт благородных девиц в Петербурге. Во время Первой мировой служила в госпитале сестрой милосердия. Избранником Татьяны Карловны стал Иван Антонович Мануйлов, офицер царской армии, сын заместителя ее отца, или как тогда говорили, – товарища городского головы. Детей у Мануйловых-Шмидт не было.

В 1940 году супругов, которым было далеко за пятьдесят, арестовали сталинские соколы. На вокзале арестованных посадили в разные вагоны, и они расстались навсегда. Иван Антонович не вынес испытаний, умер по дороге в ссылку. Останки зятя кишиневского градоначальника выбросили на неизвестной станции, вместе с другими трупами. После многомесячных скитаний Татьяну Карловну вместе с сотнями несчастных выгрузили где-то возле Аральского моря, посреди пустыни. Для одинокой ссыльной, потерявшей всех родных и близких, единственным родным человеком осталась крестница, которой она прислала несколько писем. «Мусенька, – писала дочь Карла Шмидта, – живем трудно. Питаемся яйцами, которые долго разыскиваем в песке. Самый большой праздник, это когда находим в песке черепаху». Крестница не только ей отвечала, но и высылала посылочки и деньги. Последнее письмо вернулось в Кишинев с припиской: «Адресат выбыл».

Татьяна Карловна Шмидт-Мануйлова умерла от голода и лишений, не протянув в ссылке и года.

Александр Карлович Шмидт, бывший царским чиновником, эмигрировал в СССР, где его постигла участь пленника ГУЛАГа.

Мария Карловна Шмидт уехала учиться в Петербургский университет, где ее застигла революция. О ее судьбе нам ничего не известно.

НАШ ОДИССЕЙ

В 2009 году Молдова спустила на воду в международном порту Джурджулешть первое пассажирское судно. Однако немногие знают, что более ста лет назад Бессарабия имела выход к морю и располагала собственным флотом, портами и морскими курортами. Такими, как

Шаболат (ныне Сергеевка), Будаки, Тузлы, Бурнас. В Волчке, в 30-х годах, например, союз бессарабских журналистов-профессионалов собирался построить собственный санаторий, о чем сообщала газета «Бессарабское слово» 28.11.1932 года. Пионером без преувеличения поистине американского размаха развития бессарабского судоходства был Гавриил Андреевич Безвиконный, агент Русско-Дунайского пароходства, отец известного исследователя бессарабской истории.

Г. А. Безвиконный

На портрете, который дошел до нас, будущий водный деятель выглядит молодым светским щеголем. Аккерманский предводитель дворянства Михаил Понсет в своих воспоминаниях («Din trecutul nostru», № 9-10, 1934) запечатлел облик этого человека в период его водной реформы: «Гавриил Андреевич был выдающимся экономистом, насадителем крестьянской кооперации в Бессарабии, прекрасным публицистом и оратором. Он, в прямом смысле этого слова, раскрепостил местное крестьянство от хищнической эксплуатации арендаторов-ростовщиков».

Дунай с 1856 года (по Парижскому трактату) был объявлен международной рекой. С 1883 года по Лондонскому трактату была образована Международная европейская Дунайская комиссия для надзора за рекой. Самый удобный глубоководный рукав Дуная, так называемый Сулинский, благодаря комиссии, стал служить главной артерией для судоходных сообщений придунайских государств с «континентами». В устье Дуная образовался торговый порт Сулин (территория Румынии), который

постепенно разросся и превратился в благоустроенный европейский город с многонациональным населением.

С 1893 года через Сулинский канал в русские порты Килию, Измаил, Рени стали ходить суда акционерной пароходной компания князя Гагарина. Транспорт этой компании перевозил в основном пассажиров и колониальные товары. Потому что иностранцы опережали их в вывозе зерна и выгодных грузов. Вывозом бессарабского хлеба и зерна занимались исключительно европейские корабли большого тоннажа. Путь через Сулину приносил князю немалые убытки.

Вскоре предприятие князя Гагарина лопнуло, вместо него возникло Русско-Дунайское пароходство, получившее государственную субсидию. Одним из главных агентов новой структуры стал Гавриил Андреевич Безвиконный, который искал пути для решения этой проблемы. Как человек энергичный, он не ограничивался только обязанностями агента. Гавриил Андреевич способствовал развитию пароходства по Днестру и по Черному морю на участке Одесса-Аккерман.

С 1900 года установили новое прямое сообщение бессарабских портов с Одессой. Бессарабия получила ежедневное пассажирское сообщение на нескольких благоустроенных пароходах и товарообмен для всевозможных своих нужд по кратчайшему пути через Полуночное гирло Дуная. Придунайская Бессарабия начала сбывать в Одессу свои фрукты, рыбу, виноград, вино, брынзу, шерсть и многое другое. Открылось несколько банков, которые финансировали вывоз хлеба дешевым фрахтом. И Бессарабский край, оторванный из-за отсутствия железных дорог от торговых центров, стал оживать исключительно благодаря Дунайскому водному пути.

Главный проект Г. Безвиконного состоял в открытии Прутской линии для сплава хлебных грузов в Рени, Галац, Одессу, когда был положен конец страшной эксплуатации

бессарабского крестьянства. Многие годы припрутские помещики обоих берегов реки возили свое зерно в эти порты на повозках по бездорожью. И никому не приходило в голову, что сплавать сельхозпродукцию вниз по реке гораздо дешевле и легче. Гавриил Андреевич во время поездок по Бессарабии попал на Прут, сразу понял выгоду водного пути и горячо взялся за дело. Он добился очистки русла реки, установки причальных пунктов.

Прут стал судоходной рекой. До 1914 года по нему курсировали до 200 судов разных типов. 60 судов из них принадлежало Русско-Дунайскому пароходству, 20 – румынскому правительству, 15 шаланд – Русскому банку и до 100 – частным владельцам, грекам. Суда ходили 6-7 навигационных месяцев на протяжении 360 километров, до села Макарешты. Восемь бессарабских банков выдавали государственные ссуды под сыпавшее зерно в магазины, емкостью до 6 миллионов пудов. На берегах реки стали строиться капитальные зернохранилища, открылась свободная купля-продажа. Теперь земледельцы могли сами отправлять свою продукцию, куда хотели. Крестьяне освободились от монопольной зависимости скупщиков и их кредитов, которые экспортеры предоставляли на грабительских условиях. Бессарабские помещики и даже крестьяне начали самостоятельную продажу и отправку по Пруту своей продукции на центральные рынки по выгодным для них ценам.

Монополия греческих фирм закончилась. Экспортеры-старожилы стали реорганизовывать свое дело. Прутским экспортом командовали две известные, солидарные между собой греческие фирмы. Их владельцы приехали в Бессарабию бедными арматорами. Но сумели в Бессарабии из своего предприятия извлечь миллионные барыши. Завели океанские пароходы и стали одними из мировых экспортеров. Конечно, свои капиталы им удалось заработать не только благодаря коммерческой энергии, но и

вследствие эксплуатации мелких местных арматоров и темного молдавского труженика.

Почувствовав выгоду от нового торгового пути, земледельцы безвозмездно отводили по всему Пруту ценные земельные угодья под постройку речных пристаней. Кроме 8 существующих, намечалось в самые ближайшие сроки открыть 15 новых пристаней. Первая мировая война сорвала этот выгодный для края проект...

В те же годы Безвиконный разработал проект учреждения пароходства на озерах Кугурлуй и Ялпуг и передал его в министерство. Но нашлись противники. Заинтересованными лицами стали предприниматели рыбных промыслов и Попечительский совет Болградских гимназий, которым принадлежали несколько озер между Болградом и Измаилом. Водоемы приносили огромный доход учебным заведениям. Озера, как и много тысяч гектаров плавен и пахотной земли, болгарскими другим поселенцам в свое время подарило русское правительство. Попечители гимназий нашли поддержку в министерстве народного просвещения, и дело Безвиконного отправили под сукно. Вспомнили о нем во время Первой мировой войны.

В 1914 году водную дорогу по озерам открыли в считанные дни. Пароходное и баржевое сообщение заработало на полную мощь. Два парохода и 20 грузовых судов перевозили сотни тысяч пудов военного и частного груза. Водный путь по Кугурлуй и Ялпугу простирался между главными бессарабскими торговыми центрами экспорта – Измаилом на Дунае и Болградом на Ялпуге. Перекатами Репидой и Аскундой (мелководными участками озер) эта дорога соединялась с железнодорожной станцией юго-западной железнодорожной ветки Траянов Вал.

С началом Первой мировой войны Русско-Дунайское пароходство перешло на военную службу. В 1916 году Гавриила Андреевича назначили главным сотрудником Экс-

педиции Особого Назначения контр-адмирала М. М. Веселкина. Военный штаб обосновался в Рени, и вскоре захолустный городок, благодаря неутомимым работникам, которых подобрали адмиралу, превратился в важнейший порт на Дунае. Гавриил Андреевич занимался организацией и оборудованием госпитального судна Экспедиции, но средств не хватало. Безвиконный предложил Веселкину прибегнуть к частной благотворительности, но идея адмиралу не понравилась. Но Безвиконного поддержали землевладельцы юга Бессарабии, которые ценили «водного агента» благодаря его проектам. Главного сотрудника Экспедиции засыпали пожертвованиями, и вскоре пароход «Сестрица» под флагом Красного Креста закачался на водах Дуная...

Октябрьская революция поставила крест на кипучей деятельности подвижника бессарабского пароходства. Его любимое детище, в которое он вложил немало личных средств, подверглось разграблению и уничтожению. В марте 1918 года Безвиконный какое-то время работал инспектором Днестровской линии в Тирасполе. Потом переехал в Кишинев. Избирался почетным председателем коммерческо-промышленной артели «Согласие», созданной в 1918 году бессарабской общественностью для помощи нуждающимся офицерам запаса. Но структура просуществовала недолго. Тогда Гавриил Андреевич взялся за организацию консервной фабрики для переработки местной продукции. Но и это дело заглохло.

Права на пенсию этого активного бессарабского деятеля, более полувека прослужившего интересам нашего края, новые власти не признавали. Разоренный Гавриил Андреевич последние годы жил в большой нужде. До последних дней он не расставался со своими планами, проектами по развитию бессарабского судоходства. Он умер 30 апреля 1937 года на 76-м году жизни.

КОЛУМБ БЕССАРАБИИ

Г. Г. Безвиконный

Каждый, кто хоть однажды отправлялся в прошлое нашего края, непременно справлялся о пути по логиям, написанным бессарабским исследователем-историком Георгием Безвиконным.

Обычно интересы человека формируются в ранние годы, тогда же проявляются его склонности и таланты. Описавший десятки старинных бессарабских родов, сохранивший для нас портреты губернаторов, виды городских и сельских достопримечательностей, воспоминания о музыкантах и исполнителях, легендарных бессарабских женщинах – Безвиконный не оставил ни слова о своем детстве. Что же известно о нем? Кишиневец Георгий Гаврилович Безвиконный, потомок древнего казачьего дворянского рода из Полтавской губернии, родился 14 апреля 1910 года. Его предки играли большую роль в казачьем украинском движении.

Отец историка Гавриил Андреевич Безвиконный служил агентом Черноморско-Дунайского пароходного общества, а после его ликвидации – агентом Русско-Дунайского пароходства. Был организатором бессарабского судоходства. Стремился в бездорожном крае проложить дешевые пути сообщения по водам Дуная, Прута, Днестра и по «прибрежью Черного моря». По воспоминаниям аккерманского предводителя дворянства Михаила Понсета («Din trecutul nostru», № 9-10, 1934), «Гавриил Андреевич был выдающимся экономистом, насадителем крестьянской кооперации в Бессарабии, прекрасным публицистом и оратором. Он, в прямом смысле этого слова,

раскрепостил местное крестьянство от хищнической эксплуатации арендаторов-ростовщиков».

Не менее примечательной личностью был дядя историка – брат его отца. Григорий Андреевич Безвиконный служил старостой в местечке Сорочинцы Полтавской губернии. Дружил с писателем Владимиром Короленко. В декабре 1905 года за народные чтения старосту арестовали. Жители местечка потребовали освобождения «президента» «Сорочинской республики». Когда их требования не выполнили, сельчане «закрыли» пристава и урядника. Тогда местный статский советник Филонов устроил в Сорочинцах карательную экспедицию, от которой пострадало немало народу. Вскоре Филонова среди бела дня, прямо на улице – застрелили. Полтавского старосту Безвиконного заподозрили в мести, сослали в Бессарабию, но он вернулся домой и тайно поселился у себя на чердаке.

Короленко опубликовал несколько статей в защиту опального друга под названием «Сорочинская трагедия»... Во время революции жители местечка не захотели впускать в Сорочинцы грабившие их вооруженные отряды. За все ответил староста Безвиконный. Григория Андреевича расстреляли деникинцы, в армии которых сражались два его сына... Не отсюда ли возникла у Георгия тема дворянских родов, тема в 20-е годы не популярная, но дорогая молодому автору? Впрочем, первая публикация касалась не голубой крови. 15-летний автор рассказал об организации юношеских футбольных команд. Более серьезная статья о «Рышканском кладбище» в Кишиневе у выпускника 1-й Кишиневской гимназии появилась в газете «Утро» (1929 год). Встреча с любителем бессарабской старины, учителем рисования Виктором Адиясевичем определила вектор интересов Безвиконного. Адиясевич печатал на шапирографе «Журнал

любителей местной старины», предложив Георгию подготовить несколько статей о кишиневских домах. В 1928–29 годах, будущий колумб Бессарабии написал работу о скаутизме. Книги английского военного разведчика Р. Баден-Поуэлла стали учебником жизни для молодежи. Не избежал этого увлечения и Безвизонный – он был, по его же словам, «видным скаутом». «Работа о скаутизме была неплохая, – считал много позже сам автор, особенно для 18-19 лет, когда она была написана». Помимо истории международного движения, автор рассказывал в ней о румынской организации и даже о бессарабском скаутизме. Последняя глава являлась плодом его архивных изысканий... Книга вышла в 1931-32 годах с небольшим портретом автора. Генерал Драгу поздравил Георгия с удачей. Тридцатые годы – годы работы Георгия Безвизонного в местных изданиях, где он публиковал статьи о бессарабских деятелях культуры: Стамати, Хаждэу, Ралли-Арборе, Негруцэ и других. Все публикации были зародышами крупных работ, которые потом появились у историка и выдержали несколько дополненных изданий. Каким оказался писательский хлеб? «Много неприятностей, злобных нападков, – отмечал Безвизонный, – эксплуатации, общее желание затереть тебя, а главное – не допустить к лакомого редакционному столу, за который уселись все эти никем не признанные глашатаи общественного мнения. Но писательский зуд – опасная, заразительная и трудноизлечимая болезнь...» В 1937 году краевед переехал в Бухарест, где он прожил больше, чем в родном Кишиневе, и где написал лучшие свои труды. Жемчужиной всей краеведческой работы Безвизонного стал его уникальный труд «Воетimea Moldovei dintre Prut si Nistru» («Молдавское дворянство между Прутом и Днестром»). В своем двухтомном труде, опубликованном в 1943 году, автор использовал данные «Записок из

дела по обревизованию Дворянской Родословной книги, составленной по определениям, существовавшим в Бессарабии в 1821 году, особой Комиссии для доказательств на дворянское звание», относящейся к 1842 году». Работа была построена целиком на архивном материале, содержала сведения почти обо всех бессарабских семьях. «Он был добровольным и бескорыстным историографом бессарабского дворянства, – сказал о нем нынешний знаток бессарабского дворянства Евгений Румянцев, – ни одна из губернских дворянских корпораций России не имела такого преданного и результативного исторического обозревателя». «*Voerimea Moldovei...*» стала экстрактом публикаций Безвиконного его журнале «*Din trecutul nostru*» («Из нашего прошлого»), который он начал выпускать сразу же после выхода из гимназии. В начале XX века возник широкий общественный интерес к краеведению. Журнал Безвиконного был первым в Бессарабии изданием, посвященным этой теме. Первый номер вышел в 1933 году. «Содержание его было расплывчато, поверхностно, – отмечает Евгений Румянцев, – чувствовалось, что запас специальных знаний у автора невелик, его не хватает, чтобы развернуть журнальную интригу. Но автор не сдавался, журнал стал выправляться, к нему стали относиться как к серьезному источнику информации». Поначалу большинство статей издатель писал сам, но потом у него появились другие авторы. Большое количество фотографий, рисунков, генеалогических схем делали его нескудным, наличие эксклюзивной информации – уникальным. Краевед публиковал обширные материалы по истории бессарабских дворянских родов – Стурдзах, Леонардах, Крупенских, Росsetах, Казимирах, Манук-беях и других. Журнал рассказывал о лучших представителях различных этносов, населявших край, возвращал читателей к временам пребывания в Бессарабии А. Пушкина, знако-

мил с судьбами бессарабских женщин, обретших своим талантом мировую славу, обращал взгляд на городские и сельские достопримечательности. После переезда Безвиконного в Бухарест «Din trecutul nostru» еще три года издавался там. Последние его номера вышли в 1940 году. Знатока бессарабской старины не стало 30 апреля 1966 года. В апреле родилась и закатилась звезда этого удивительного человека. Останки его покоятся в секторе № 37 на кладбище Bellu в Бухаресте, а дух продолжает жить в его многочисленных трудах. За несколько лет до своей кончины историк и его жена Татьяна передали из своего архива в дар Центральному государственному архиву МССР немало документов. Среди этих материалов – рукописи работ историка, картограммы Бессарабской губернии (1900 год), фотографии деятелей культуры и искусства, снимки с видами городов предвоенного периода – Кишинева, Бендер, Бельц. За свои изыскания Георгий Безвиконный удостоивался многих престижных наград и премий академий Франции и Румынии, в том числе французского Института истории геральдики. Время от времени в Бухаресте издаются его труды. И только в городе, где он родился, так мало сделано для сохранения памяти об этом редком патриоте и бескорыстном кладоискателе ценностей, которые хранит в себе история нашего края.

КИШИНЕВСКИЕ УДАЛЬЦЫ

Сто лет назад, как и теперь, Кишинев строился из разного материала. Но чердачные и межэтажные перекрытия оставались деревянными и создавали постоянную угрозу пожаров. «Красные петухи» не щадили ни богатых, ни бедных, уравнивая их в правах. Погорельцы всегда вызывали сострадание, поскольку от этой беды никто не был застрахован...

Техническая мысль, направленная на совершенствование методов тушения пожаров, не знала покоя. В 1810 году пожарное общество Петербурга пользовалось механической 5-коленной лестницей, которая выдвигалась на 17 метров. Уже в то время в этом городе имелось депо с мастерскими по изготовлению «гасительных средств» и инвентаря для пожарного обоза. В конце XIX века дружины крупных городов империи стали пользоваться английскими паровыми насосами марки «Шанд-Мейсон». Потом в Северной Пальмире появился завод противопожарного оборудования, выпускавший ручные и паровые насосы, гидропульты, лестницы и снаряжение. В 1900 году мастер петербургского пожарного депо А.А. Сергеев изобрел водный распылитель «Победа». Через несколько лет из ворот завода «Фрезе и Ко» вышел первый пожарный автомобиль. Он развивал скорость 25 верст в час, перевозил 8 пожарных и оборудование.

В 1906 году в Санкт-Петербурге открылись курсы по подготовке брандмейстеров, увидело свет первое специальное учебное пособие «Пожарная тактика». Книга знакоми-

ла пожарных больших и малых городов с новейшими способами тушения пожаров. Несмотря на большие успехи в этом деле, усилий одних специализированных команд в борьбе с огненной стихией – явно не хватало. По всей России в помощь государственным структурам стали создаваться вольные пожарные общества, куда принимали самых уважаемых горожан. По своему назначению это были мобильные команды по спасению людей и имущества во время чрезвычайных ситуаций.

В Кишиневе инициатором нового формирования стал градоначальник Карл Александрович Шмидт. В 1902 году под его опекой родилась добровольная команда пожарного общества, которую возглавил дворянин, инженер – технолог Михаил Константинович Чекеруль-Куш. Дружину сразу взял по свое покровительство Его Императорское Высочество великий князь Владимир Александрович. Брандмейстеров и машинистов этой добровольной организации по чинопроизводству и наградам Министерство внутренних дел империи уравнило с чиновниками государственной службы.

Дружина с первого дня более 10 лет существовала на собственные средства! Бюджет добровольной организации складывался из пятирублевых членских взносов, ежегодных субсидий Общества Взаимного Страхования в размере 150 рублей, временных отчислений различных обществ, выручки от благотворительных вечеров и

личных пожертвований. Так, член дружины Алексей Федорович Пожога, помимо своего труда в качестве охотника, подарил дружине на оборудование 1000 рублей. Да еще взял на себя бесплатную должность ведения хозяйственных дел команды. Расчет кишиневского вольнопожарного общества не имел автомобиля и технических новинок, какими располагали, например, их коллеги в Петербурге и Москве. Бессарабские добровольцы имели обоз с линейкой, дежурную бочку системы «Лунда», одну пароконную и две одноконные бочки. Инструментарий спасателей состоял из штурмовок, багров, топоров, факелов, спасательного снаряда «Лундра». Дружинники имели рабочую форму с касками и парадные мундиры. Все свое имущество дружина приобрела на собственные средства, не взяв у городских властей ни копейки.

Конечно, оснащение кишиневских удальцов позапрошлого века не сравнить с экипировкой нынешних спасателей. Но спасатели позапрошлого века, как и нынешние представители этой редкой когорты, ради спасения людей, попавших в беду, подвергали свою жизнь опасности. Дружина Куша вместе с городской пожарной командой выезжала на все вызовы, дежурила во время представлений в театрах и цирках. Стоило обрушиться на Кишинев бедствию, как вольная дружина оказывалась на переднем крае борьбы со стихией, как и во время социальных катастроф. Именно бригада Куша, рискуя жизнью, спасала евреев во время погрома 1903 года. Команда проявила героизм и во время страшного наводнения в февралемарте 1909 года, нанесшего горожанам непоправимый урон. 60 спасателей во главе со своим командиром, спасая людей и их имущество, работали дни и ночи. Дружинники за выполнение ответственных и трудных поручений удостоивались благодарности двух бессарабских губернаторов – фон Р. С. Раабена и А. Н. Харузина.

Боевой дух и профессионализм дружинников вызывал у горожан искренне восхищение. В первую очередь потому, что спасатели трудную службу несли на волонтерских началах, служа в государственных учреждениях, банках, конторах, учебных заведениях. Но каждое воскресенье вся команда собиралась на улице Киевской. Здесь, во дворе своей квартиры, командир Михаил Константинович Чекеруль-Куш проводил практические занятия дружины. Спасатели устанавливали и разбирали штурмовые и спасательные лестницы, занимались физической подготовкой, маршировали.

Попасть в элитную команду мечтал не один горожанин, но не каждый проходил строгий отбор. Долгое время по Кишиневу гуляла история про некоего гражданина по фамилии Унтарь. Уплатив членские взносы, он, не ожидая избрания его в действительные члены, облачился в мундир дружинника и давай щеголять в обновке по ресторанам и чайным трактирам, дефилировать на публичных гуляньях. Даже гостил у пожарных Бендер и Одессы... как представитель кишиневской дружины. Поступили с самозванцем строго. Командир отказал кандидату в членстве и потребовал от полиции наказать гореспасателя, взяв у того подписку о снятии формы.

Материальная независимость давалась непросто. Куш все время искал средства для существования вольного общества. Сэкономленные средства, около 2 тысяч рублей, дружина хранила в городском банке. Но финансовые дела с началом Русско-японской войны 1904 года пошатнулись. Благотворительные вечера из-за экономического кризиса почти не устраивались, добровольные пожертвования шли на другие нужды. Дружина к 1910 году осталась совсем без средств, но пожары никто не отменял. И Куш снова удивил горожан своим хозяйственным и организационным талантом. В 1912 году он при своей

команде учредил артель трубочистов из трех десятков мастеров, обеспечил ее инструментами и формой. А весной 1914 года Михаил Константинович на собственные средства организовал духовой оркестр. Это был вполне коммерческий проект. Оркестр играл в городских садах за деньги, которые поступали в пользу пожарного общества. Возвращаясь с гастролей, оркестр вместе с дружиной маршировал по улицам Кишинева...

Михаил Константинович Куш сделал много полезного во славу нашего города. В 1892 году, по его инициативе, на улице Леовской, 75 (ныне – ул. Щусева), открылось первое техническое бюро, которое выполняло заказы по составлению проектов и смет строительства гражданских и промышленных объектов. Руководя дружиной, Чекеруль-Куш изобрел особый способ электрической сигнализации для нужд пожарного дела. Свое ноу-хау изобретатель продемонстрировал на съезде пожарных в 1902 году в Москве.

Долгое время Кишинева украшала триумфальная арка, автором проекта которой являлся этот техник-технолог. Архитектурный памятник стоял на пересечении улиц Александровской и Михайловской (ныне – Штефана чел Маре и Еминеску). Помимо этого сооружения, Куш проектировал много зданий. Самое известное – Городской общественный банк, где теперь размещается Органный зал.

ДВОРЯНИН НЕ ИСПУГАЛСЯ ПОГРОМЩИКОВ

Бессарабский дворянин и городской гласный Михаил Константинович Чекеруль-Куш был в Кишиневе фигурой известной. «В нем, – писала газета «Бессарабская жизнь», – счастливым образом сочетались живой ум, боевой темперамент, широкая общительность и неизменная доступность всем, кто нуждался в его помощи». В

1901 году наш герой (при содействии городского головы Карла Шмидта), создал для экстренных случаев вольно-пожарную дружину, и ее возглавил.

Во время кишиневского погрома 1903 года 39-летний Михаил Константинович с преданными ему дружинниками, пренебрегая явными опасностями, врывается в дома и дворы, где потоком лилась невинная кровь, и спасал евреев. Дружинники превратили здание пожарной дружины на углу улиц Киевской и Пушкинской в настоящую крепость, в ней нашли спасение сотни женщин, детей и стариков. Христианский подвиг Чекеруль-Куша и его команды отметили в благодарственном «адресе» представители местной еврейской общины, вручившие Михаилу Константиновичу этот документ после трагических событий. Когда образовалась комиссия по сбору свидетельств о кровавой бойне, руководитель дружины собрал и передал своему брату, известному в городе присяжному поверенному Николаю Чекеруль-Кушу и другим адвокатам, обширный материал. Юристы использовали его на процессе о погроме в местном окружном суде, где выступали в качестве гражданских истцов. В октябрьские дни 1905 года Михаил Константинович тоже не сидел без дела. А весной 1909 года, когда в Кишиневе случилось небывалое наводнение, гласный вместе со своими дружинниками, стоя по пояс в воде, вытаскивал кишиневцев, их имущество из затопленных домов.

Даже если бы этот неугомонный чудак с кипучим общественным темпераментом больше ничего не сделал бы – его стоит помнить потомкам. Но дело в том, что сын статского советника еще обладал строительным талантом. Выпускник Харьковского технологического института получил специальность инженера-химика, но тяга к искусству вывела его на иную дорогу. Чекеруль-Куш избрал делом своей жизни зодчество. И до 1898 года тру-

дился в Кишиневе городским архитектором. Но разве кабинетная служба была для него?

Неудавшийся чиновник открыл техническое бюро и занялся частной практикой. В начале 1899 года в городе появилась исполнительная строительная комиссия. Куш стал ее председателем, а его коллега Л. Е. Сицинский вошел в ее состав. По поручению новой структуры Куш разрабатывал планы, сметы, производил постройку разных зданий: городской больницы, местного военного лазарета, 2-го начального училища и других помещений, которые перешли потом в собственность города. По поручению К. Шмидта, возглавлявшего попечительский совет женской гимназии княгини Дадиани, Куш осуществлял технический контроль строительства здания гимназии. Он – автор проекта фасада здания амбулаторного покая Гербовецкой общины Красного Креста (один из корпусов бывшего 4-го управления лечсанупра).

Лебединой песней Чекеруль-Куша остается Городской общественный банк (нынешнее здание Органного зала) и Пушкинская Аудитория, сгоревшая во время пожара в 1928 году (теперь на этом месте стоит МолГУ). Авторство Михаила Константиновича подтверждают многие документы, а также воспоминания Александра Инглези. Здание Городского банка до сих пор считается монументальным украшением города, не избалованного стильными постройками.

Вот что о нем рассказывал покойный краевед Петр Старостенко. В 1902 году Городская дума, приняв решение о строительстве на пересечении улиц Александровской и Синадиновской нового здания банка (прежнее помещение стало тесным) – объявила конкурс. Хотя премиальный фонд составлял полторы тысячи рублей, поступил единственный проект. Автором оказался инженер-технолог Михаил Чекеруль-Куш. Александру Бернар-

даucci, возглавлявшему жури, работа понравилась, и он вручил лауреату награду. Но строительство объекта затянулось на девять лет, сдали его в эксплуатацию 16 декабря 1911 года. Специально из Лейпцига акционерное общество «Karl Keister и Ко» доставило стальные детали, бронированные двери для касс и 104 сейфа...

В 1975 году историческое здание финансового учреждения переделали в Органный зал. Поперечная ось здания, подчеркнутая четырех колонным портиком в коринфском стиле, праздничный и торжественный фасад здания, скульптуры – все это радует глаз до сих пор. Вот только безумно жаль Меркурия (мастер М. Лукашевский), который некогда украшал скульптурную композицию на фронте. Ходили слухи, что во время землетрясения 1986 года бог торговли и покровитель путешественников повредился. Чтобы фигура не свалилась кому-то на голову, ее сняли и отнесли во двор примэрии. После развала советской экономики старинное творение вроде отправили в реставрационную мастерскую. С тех пор Меркурия больше никто не видел.

Последний объект, отделение Крестьянского Поземельного банка (ныне здание Высшей судебной палаты). Куш сдал в 1915 году. Благодаря этой талантливой работе, нашему земляку предложили реализовать несколько больших проектов в Каменец-Подольском и в Оренбурге и зачислить его членом технического совета министерства финансов. Но не зря говорят: если хочешь рассмешить Бога, расскажи о своих планах. Началась Первая мировая война... Михаилу Константиновичу вместо министерских кабинетов во главе строительной дружины пришлось отправиться на театр военных действий. Михаил Константин не только проектировал, строил и осуществлял техническую опеку зданий. С легкой руки Чекеруль-Куша в Кишиневском уезде развернулось дорожное строительство. Он проложил подъездные арте-

рии к городу, в том числе шоссейную дорогу Кишинев – Ганчешты. А еще раньше, в 1907 году, Куш стал инициатором небывалого для Бессарабии проекта – телефонизации уезда! Средства на дорогостоящий проект нашлись быстро. Поместное дворянство тогда сотрясали аграрные волнения и беспорядки. А чудо техники давало возможность получить помощь в экстренной ситуации.

Когда в беде оказался сам архитектор, ему не смог помочь никто. Пустыковая рана на ноге обернулась трагедией. В 1916 году в городской больнице ногу ампутировали выше колена. «Профессор, осмотревший больного, – сообщила газета «Голос Кишинева» от 29.07.1916, – признал положение М. К. очень тяжелым и почти безнадежным». Куш болел долго и 23 января 1917 года отмучился. Никто из кишиневской уездной земской управы, где протекали 10 лет самого кипучего периода деятельности Куша, не явился на квартиру покойного. Немилосердная стужа и обстоятельства военного времени, отзывавшие на фронт мужчин, мешали предать Куша земле несколько недель. Хоронившие 52-летнего Чекеруль-Куша были потрясены бедственным положением покойного: несмотря на десятилетия усердного труда на благо города, он умер бедняком.

Злые языки судачили, что причиной бед являлся сам архитектор. Лет за девять до болезни с ним произошел один случай. Четверым братьям Чекеруль-Куш после смерти матери остался дом. Посоветовавшись, двое предложили Михаилу Константиновичу не делить наследство и оставить недвижимость брату Виктору. Тот с детства страдал расстройством речи и едва сводил концы с концами. Архитектор поначалу согласился, но потом сам занял дом. Похоже, на небесных весах слезы двух малолетних племянников перевесили гору добрых дел Михаила Константиновича. А, может, повлияло стечение обстоятельств?

МИЛЛИОНЕРША ЖИЛА НА МОЛОКЕ И ХЛЕБЕ

Н. Ф. Вяземская

Княгиня
Е. Ф. Вяземская

Многие женщины оставили свое имя в истории старого Кишинева. Певица Лидия Липковская, княгиня Наталия Дадиани, Наталия Кешко, королева Сербии. В венке этих изысканных благоухающих цветов наша героиня выглядит уродливым репейником, над которой посмеивался весь город. Читая старые газеты и мемуары ее современников, трудно представить, что речь о представительнице самого крупного старинного молдавского рода. Тех самых легендарных Крупенских, которые дали только Русской империи двух послов, члена Государственного Совета, генерал-лейтенанта, вице-губернатора, трех бессарабских предводителей дворянства, двух членов Госдумы, семь уездных предводителей дворянства.

Летом 1911 года газета «Бессарабец» (от 12.07) нарисовала своим читателям картинку, которую часто наблюдали кишиневцы: «Еженедельно, по воскресеньям, в один и тот же час, аккуратно, в местную лютеранскую церковь является старушка в потертой выцветшей шляпе и пальто и усердно молится. Оказывается, что эта старушка никто иная, как местная крупная землевладелица княгиня Вяземская, урожденная Крупенская»...

Через шесть лет «старушка» попала в криминальную хронику. «В ночь на 8 июня, – сообщала «Бессарабская жизнь» (от 10.06.1917), – неизвестные проникли в барскую квартиру по Николаевской улице, №68, (ул. Колумна – дом не сохранился), принадлежащую княгине Вяземской. Похитили 4 билета выигрышного займа, золотых и серебряных монет на сумму 1000 рублей, разного белья

и 9 сохранных записок на вклады в Госбанке на сумму свыше 4 миллионов рублей и скрылись. Явившимся для обследования квартиры милиционерам княгиня выразила свое удивление... тому, что воры прямо не явились к ней и не попросили у нее денег, т. к. она, мол, охотно помогла бы им»... Но вряд ли пожилая дама говорила искренне, комментировала газета заявление пострадавшей. «Княгиня хорошо известна как странная и неимоверно скупая женщина. Занимая квартиру в 20 роскошно обставленных комнат, она не держит ни одной прислуги, и, несмотря на свой преклонный возраст, сама готовит себе пищу. В ее дом никто решительно не имеет доступа. Окна на улицу, как и парадные двери, всегда наглухо закрыты. Ходит на базар за провизией, и вообще все услуги оказывает ей старик дворник. С наступлением дороговизны княгиня рассчитала кухарку, горничную, и с тех пор питается молоком и хлебом. А между прочим, как утверждают, у нее имеется наличными несколько миллионов рублей и богатейшее имущество».

Георгий, племянник Ефросинии Федоровны Вяземской, в своей «Хронике семьи Крупенских» открыл скобки этой странной особы. Оказалось, неуживчивая, черствая, неискренняя и злобная Ефросиния Федоровна в молодости отличалась жизнерадостным характером. Была остроумна, кокетлива и недурна собой. Любила наряды, балы и театр. В 16 неполных лет Ефросиния Крупенская увлеклась адъютантом 14-й дивизии, которая оказалась в Кишиневе в связи с Крымской кампанией. Уговоры матери оказались бессильными перед решением девушки выйти замуж за капитана Павла Васильевича Вяземского. Ее не смущало и то, что избранник незадолго до этого получил отказ в руке ее родственницы Марии Катаржи. Ефросиния, если матушка не даст благословения, грозила уйти в монастырь или покончить с собой...

Супруг оказался большим кутилой и поклонником Бахуса. Развод тянулся долго, но был все же разрешен. По тогдашним церковным правилам виновник развала семьи был приговорен к церковному покаянию в одном из монастырей России, где умер в заточении. Бывшая жена ничего не сделала для смягчения его участи. Всю свою любовь Ефросиния отдала дочери Ольги. Не отказывала ей ни в гувернантках, ни в учителях, ни в развлечениях. Когда Ольга выросла, мать выдала ее замуж за молодого мирового судью Антона Маркова. Не поскупилась на приданое: дала бриллианты, золото, серебро и почти всю землю, которой владела. Обязав дочь с зятем выплачивать ей некую сумму из доходов. Неурожаи засушливых лет заметно ухудшили налаженное хозяйство, тогда молодые супруги решили вернуть подаренное имение обратно. Увы, этот жест расстроил семейные отношения. А потом у зятя открылась скоротечная чахотка. Не помогло лечение в Неаполе, куда Ефросиния Федоровна повезла зятя и дочь с двумя внуками. Кончина зятя ухудшила и без того натянутые отношения матери и дочери. Ольга поселилась в Париже, порвала все отношения с матерью, а та никому не позволяла напоминать ни о дочери, ни о внуках.

После разрыва с дочерью Ефросиния Федоровна поселилась с младшим братом и вела его домашнее хозяйство. Федор Федорович Крупенский занимал должность товарища председателя Кишиневского окружного суда, возглавлял партию Крупенских, которая много лет направляла местную земскую и дворянскую жизнь, управлял своими имениями. Закоренелый холостяк, обладая состоянием в несколько миллионов, он вел очень скромную жизнь. Умер в 1894 году от воспаления легких, проболев всего три дня.

При брате Ефросиния Федоровна держала выезд, ездил

ла за границу на курорты, хорошо одевалась, устраивала карточные вечера. С его смертью, несмотря на полученное богатое наследство, княгиня превратилась в затворницу. Во всех своих знакомых стала подозревать корыстный интерес, перестала выезжать и принимать гостей.

После кончины брата княгиня Вяземская снова удивила Кишинев. Построила собственную церковную капеллу (проектировал Александр Бернардацци). Сегодня она носит имя Святой Теодоры и украшает улицу Пушкина. А на улице Садовой (ныне ул. Матеевича) возвела здание (архитектор В. Цыганко) для богадельни. Теперь в нем размещается Академия изобразительного искусства, театра и музыки.

Добрый жест Гобсека в юбке так и повис в воздухе. Когда здание капеллы женской гимназии было готово, владелица отказалась ее освятить. 30 лет богоугодное заведение пустовало под замком. На вопрос местного архиерея, когда она даст церкви назначение, Ефросиния Федоровна ответила, что это ее собственность, и она поступает, как хочет. За год до кончины княгини, без согласия Вяземской, архиепископ Гурий освятил церковь и открыл ее для молящихся. Часть имущества у Вяземской отняла новая власть под видом казенных надобностей. За аренду огромного здания богадельни с 7 десятинами земли в городской черте, где разместилось румынское военное управление, румынская казна выплачивала в год по 20 тысяч леев. Хотя по скромной оценке аренда должна была ей приносить около миллиона годового дохода...

Ефросиния Федоровна умерла в 1925 году, на девяностом году жизни. Дом миллионерши из 10 комнат, то самое родовое гнездо Крупенских, по Николаевской, 116, где бывал Пушкин и останавливался император Александр I, превратился в дешевое съемное жилье для офицеров. Все свое огромное имущество княгиня Вяземская

завещала на благотворительные дела, на которые была скупа при жизни. Но запоздалая филантропия сыграла над ней злую шутку. Состояние, ради которого княгиня подвергла себя одиночеству и лишениям, привело к обогащению только чиновников, которые занимались помощью от ее имени.

ТРОПКИ АЛЕКСАНДРОВСКОГО САДА

На краю кишиневского Александровского сада (так сто лет назад назывался центральный парк города) в XIX веке стоял домик садовода Франца Кюна. За годы его работы в Александровском саду сменилось не одно поколение деревьев, появились ухоженные аллеи и роскошные клумбы. Как это часто бывает с людьми, чем-то сильно увлеченными, смерть настигла его за любимым занятием: на 65-летнего Кюна рухнуло дерево. Жизнь Франца Францевича, два десятилетия опекавшего публичный сад

бессарабской столицы, оборвалась, когда город отмечал Праздник Роз: 4 июня 1909 года.

О судьбе Кюна мы узнали, просматривая в Национальном архиве РМ личный фонд кишиневского библиофила Эммануила Поляка, собравшего обширную коллекцию биографий и фотопортретов земляков-бессарабцев. В его собрании и обнаружилась вырезка из газеты «Друг» о профессионале паркового искус-

Кишиневский садовник
Франц Кюн с семьей

ства. Первая сельскохозяйственная выставка Бессарабии для жителей края стала волнующим событием. Среди многих чудес посетителей привлекли уголки живой при-

Уголок Александровского сада

роды, которые чьи-то умелые руки воссоздали на территории выставки: искусственные скалы, фонтан, цветники, беседки... Когда по планам архитектора Бернардацци начались работы по

устройству выставки, специалист садово-паркового искусства оказался незаменимым. Выбор пал на городского садовника Франца Кюна, прослужившего под началом Ивана Васильевича Кристи, председателя бессарабской губернской земской управы, около 20 лет. «Прежний, совершенно запущенный сад земского дома, — отмечала в июле 1889 года газета «Бессарабские губернские ведомости», — теперь неузнаваем»...

По мистическому совпадению, история немецкого садовника получила продолжение. Выяснилось, что ныне покойный Павел Филиппович Старостин, литературный переводчик, не только помнил Франца Францевича, но и оказался почти его родственником. Дело в том, что бабушку будущего литератора, которая родилась в многодетной семье ремесленника, пятилетним ребенком взяла на воспитание жена Кюна: детям немецких колонистов тяжело давался русский язык.

Первое время пятилетняя Женя Семенова, не зная по-немецки ни слова, на все вопросы отвечала «Ja! Ja!» («Да!», «Конечно!»). С тех пор в семье садовника Женю звали не иначе как «Яя». Вскоре стало ясно, что ни са-

довник, ни его добрейшая супруга не делают различий между своими и чужими детьми. Вынужденная благотворительность обернулась теплыми семейными отношениями. Особенно Женя подружилась с племянницей садовника Эльзой Вайнер, к которой относилась как к сестре. В 18 лет подруги решили строить жизнь по примеру Веры Павловны, известной героини романа Чернышевского «Что делать?» Девушки сняли квартиру в доходном доме сестер Кржижановских (он стоял за нынешним зданием «Casa Presei») и, не без помощи Франца Францевича, открыли цветочный магазин.

Поддержка Кюнов и девичья дружба помогли Жене Семеновой (поменявшей фамилию на Старостину) справиться и с жизненными трудностями: после замужества у Евгении умер муж. Когда у 19-летней вдовы родился сын Филипп, то фрау Кюн и ее подростки дочери – Маня и Эмма стали нянчиться с малышом. Тем временем цветочный бизнес стал приносить хозяйкам первые доходы. У компаньенок появилась солидная клиентура – заказчики по всей Бессарабии. Подруги расширили арендованные участки, где выращивали георгины, хризантемы, гладиолусы. Луковицы тюльпанов и гиацинтов выписывали из Голландии и Румынии. «Иностранцев» после получения посылок высаживали в горшки, стоявшие рядами на теплой кафельной печи. К праздникам Эльза и Женя заказывали изящные корзинки для цветов у немецких мастеров Анда и Крепса. Их сад и мастерская находились неподалеку от нынешнего кинотеатра «Patria-Vniucani».

Первая мировая война разбила жизнь подругам и их родным. (Франц Францевич к тому времени уже пять лет покоился на кишиневском кладбище.) Эльзу Вайнер (чтобы не шпионила в пользу Германии!) выслали в Уфу. Октябрьская революция вернула совладелицу магазина в Кишинев, и подруги снова взялись за дело. А потом у

Жени умер от тифа 26-летний сын. Внучек Паша стал пропадать у «бабуль». «Бабушка и фрау Эльза не походили на других кишиневских дам, – рассказывал Павел Филиппович Старостин, – их руки были исколоты и исцарапаны шипами роз, передники испачканы землей, но я их обожал. Мне нравилось, как они мололи и пили кофе, как пекли пироги с вишней и готовили пунш. Обе говорили со мной только по-немецки, но я их понимал с трудом...»

В 40-м году бессарабских немцев стали отправлять на историческую родину. Племянница садовника до последнего дня тянула с отъездом в Германию, но ей, дочерям Франца Кюна, как и всем немецким колонистам, пришлось покинуть край, ставший им родным. Связь с уехавшими семьями прервалась на годы. Неожиданно во время войны (надо было знать Эльзу!) она прислала Павлу, внуку подруги, из Лейпцига не еду и не одежду, а толстенный том Канта. В 1946 году в Кишинев чудом добралась ее открытка. «Майн Готт! – писала Эльза. – Зачем я бросила Бессарабию, почему я не спряталась, не убежала перед отъездом! Я никогда не привыкну к этой стране. Пришлите мне бутылочку постного масла – этот запах Бессарабии не дает мне покоя даже во сне». Позже она сообщила, что Герберт, сын Мани, старшей дочери Кюна, в 1943 году погиб в России, но где – матери не сообщили.

Как и Эльза, Женя провела остаток своих дней одиноко. Кусок хлеба зарабатывала, работая то кухаркой, то няней. До последних дней сохранила привычку своей строгой и деятельной молодости – обливаться по утрам ледяной водой. Умерла в 79 лет без мучений, сказав родственникам, что завтра ее не станет.

ТАЙНА ВИЛЛЫ МЫНДЫК

Сорокские землевладельцы –
Иоркаш Кох, Каэтан Оганович
(в центре), Миллер

В 1896 году вдали от больших городов, в пыльной глуши, среди полей севера Бессарабии, при усадьбе землевладельцев Огановичей был заложен редкий образчик ландшафтной архитектуры. За два столетия главное здание усадьбы, стилизованное под китайскую пагоду,

разрушилось. Оригинальную кровлю из дранки заменили на простецкую, металлическую, и она проржавела. Внутренние перегородки здания давно разобрали, остались лишь стены. О лепном декоре, фигурном паркете, об изразцовых печах помнят только старики-старожилы Мындыка. Чистки требуют два больших пруда, где когда-то владельцы виллы разводили зеркального карпа, которого завезли в Сорокский уезд из Польши. А третий «генератор жизни» высох, затянулся густым травостоем.

И только парк, как и при Огановичах, по-прежнему чарует нездешней красотой. Декоративные лиственные и хвойные посадки непривычно вклиниваются в плодовые насаждения, обрамляя пруды, оформляя аллеи и видовые площадки. А размещение в центре сада, напоминающего древнеримскую виллу «фруктуарию», фамильного склепа Огановичей и вовсе выглядит экзотически. На самом деле, парк походит на живую криптограмму со своими символами и загадками. Линией раздела между двумя частями парка служит ручей, по восточной философии символизирующий тонкую нить жизни, границу между жизнью и смертью. Через ручей перекинут мостик, кото-

рый носил название «Мост разлуки», – нечто вроде паузы, дающей путешественнику подготовиться к восприятию другого пространства. «Наконец, в китайской буддистской терминологии появление на противоположном берегу означает переход в мир иной»¹. Таких шелестящих картинок, ребусов и головоломок, «...наполненных высоким духовным содержанием, дающим пищу для раздумий пытливому уму...»², в парке – множество. Понятно, что хозяевам, владевшим парком, была знакома не только «азбука» садово-паркового искусства. Они, явно, умели «читать» композицию парка, чувствовать красоту пейзажа, понимать идею, замысел произведения»³. Похоже, эти качества по-разному были присущи всем владельцам садово-паркового ансамбля в Мындыке, а их за два века было немало. По сути, Мындык можно считать родовым гнездом шляхетско-армянской семьи Оганович, которая в начале XIX столетия перебралась из Галиции в Бессарабию⁴. Огановичи здесь «оседлились» и стали видными землевладельцами, широко использовавшими и распространявшими западную культуру ведения агрохозяйства. В этом – неоценимое значение польского рода для Бессарабии. Два владельца усадьбы Мындык были участниками Сельскохозяйственной и промышленной выставки, устраиваемой в Кишиневе Бессарабским земством: Ян Каэтанович Оганович принимал участие в выставке 1889 года, а Каэтан Григорьевич Оганович стал обладателем серебряной медали выставки 1925 года⁵. Западный тип хозяйствования начал внедрять в сельское хозяйство Бес-

---

¹ В. В. Дормидонтова. «Гармония искусства и природы». К., 1992, с. 58.

² Там же, с. 59.

³ А. П. Вергунов, В. А. Горохов. «Русские сады и парки». М., 1988.

⁴ Georgehe Bezveconnai. «Dintre cutul nostru». 1934, № 3-4. С., р. 61.

⁵ М. Ursu. «Franz Ostermann». С., 2004, р. 33-34.

сарабии Иван (так переименовали Яна) Оганович. Посетитель (арендатор земельного участка) Оганович славился в округе разведением скота улучшенной породы. На выставку 1889 года Иван Оганович из Мындыка Сорокского уезда представил экспонаты по классам: «земледелие и огородничество», «продукты технической переработки», «домашние животные». Большинство образцов этого польского агрария весьма изумляло многочисленную публику. А разнообразию культур позавидовал бы нынешний фермер. Среди них – рожь сортов «клафтербруннер» и «саксонская»; ячмень «шевалье» и «ганатский»; овсы «пробштейнский», «французский», «карпатский»; кукуруза «чинквантино»; горох «английский» и т.д.

«Сборник Бессарабского земства» от 1874 года упоминает о благотворительной деятельности купца 2-й гильдии Ивана Огановича, который заявил сорокскому земству, что жертвует дом в селе Мындык для больницы. Но при условии, если ей выделят врача и медицинский инструментарий. Земство его условия не выполнило, и больницу открыли в Тырново.

Мындыкский краевед Василий Лопатенко, не одно десятилетие собирающий сведения об истории села, считает, что Каэтан Оганович один из первых землевладельцев завез на север Бессарабии семена сои, сахарной свеклы, разводил племенной скот редких пород. Отец Василия купил у пана Огановича семенную корову и овец. После сделки, рассказывает Лопатенко, вместе с животными его отец получил и их фотокарточки, на обороте которых указывались порода, родословная, рекомендации по уходу. Хозяйственный двор Каэтана отличался образцовым порядком, и особенность эту работники потом перенесли в свои дворы. В советское время правление колхоза устраивало смотры личных хозяйств сельчан. Победителем одного из таких конкурсов высокой

культуры ведения домашнего хозяйства стал житель села Мындык Тимофтий Паскалуцэ, которого правление наградил плугом и бороной. Членов комиссии многое восхитило в его хозяйстве. Особенно птица, которую, чтобы она не разгребала корм, обували в нечто, напоминающее крошечные постолы. Тимофтий пояснил экспертам, что эту новинку перенял у Казтана Огановича, у которого работал на птичнике.

Изучением родословной этой семьи я занялась несколько лет тому назад. К сожалению, большими открытиями на этом поприще похвастать не могу. Во многом генеалогическая роспись бессарабских Огановичей напоминает пунктирные линии, но некоторые биографические данные и подробности жизни все же стали известны во время экспедиции в Мындык, при опросе старожилов села, общения с историками, работы в архиве. Большой удачей оказалась находка четырех писем последней владелицы усадьбы Софьи Доминиковны Оганович (в девичестве Голубаш) из Румынии, которые теперь находятся, вместе с документами о регистрации, у сотрудника памятника садово-паркового искусства «Парк виллы Мындык»⁶. Увы, этот редкий образец усадебного строительства в селе Мындык Дрокиевского района, имея тройной статус государственной охраны⁷, продолжает разрушаться.

О давнем хозяине виллы Мындык известно мало. О

---

⁶ Сотрудник Тудор Грыу.

⁷ Постановление Совета Министров МССР № 5 от 8 января 1975 года (о том, что парк взят под государственную охрану); Закон «О фонде природных территорий, охраняемых государством», № 1538-ХІІІ от 25 февраля 1998 года; Постановление Парламента РМ № 1530-ХІІ от 22 июня 1993 года (о том, что вилла Мындык и парк – исторический и ландшафтный памятник ХІХ века, включенный в Государственный регистр памятников РМ); Постановление Правительства РМ № 196 от 3 марта 1997 года (о том, что объект становится филиалом Национального музея этнографии и природоведения).

его былом существовании извещает лаконичная надпись на небольшой стеле, стоящей на старом сельском кладбище: «TUSPOCZYWJAZWLOKIS.T.P. KAJETANAHOHANO-WICZAUROD. 15 CZERWCA 1791 ZMARLLUTEGO 1874». Каэтан Оганович оставил после себя немалое семейство: сыновей Яна (которого потом даже в нотариальных документах будут называть Иваном), Петра, Михаила, Иосифа, Григория и дочерей Франциску, Петрунелию, Марию, Игнацею. Духовное завещание сорокского купца Петра Каэтановича Огановича, холостого и безпотомного, составленное в 1898 году, дает представление о родовом древе этого семейства, состоящем на тот момент из 32 членов⁸. Поскольку я продолжаю поиск ветвей этого пышного родословного древа, остановлюсь на последних владельцах имения Мындык. В разное время разные члены семьи имели свою долю во владении этим имением, части переуступались другим родственникам. Кроме Мындыка, Огановичи владели имениями в селах Драганешты Сорокского уезда, Дубровены-Радоя Бельцкого уезда, Васиены Кишиневского уезда.

Опасаясь прихода советских войск, спешно покинули родные места многие представители семьи Оганович. Экспроприаторы имущества Огановичей в селе Мындык рассказывали, что столы и стулья в доме были обиты кожей, а печи украшали белые изразцы с затейливым рисунком. В одной из комнат комиссия обнаружила гардеробную с отрезами тканей и кожей. Здесь шили обновки дворовым людям, работавшим у помещика. Костюмами и платьями хозяева одаривали прислугу к православным Пасхе и Рождеству, хотя сами были католической веры. Каждого парня, работавшего в усадьбе, барин наделял к свадьбе телкой и деньгами, девушку – поросенком. В

---

⁸ НАРМ, ф. 36. оп. 5, д. 4985, л. 12, 13, 14, 15.

«охотничьей» стояли чучела птиц и животных, потом ставшие наглядными пособиями в местной школе. А под потолком мансарды вращался огромный аквариум с подсветкой...

Ни потеря состояния, ни утрата родственных связей не подкосили Софью Оганович, маленькую волевою женщину армянских кровей. Алмазным стержнем ее судьбы стал сын Юзеф, в ком мать не чаяла души. Призванный в ряды румынской армии, он пропал в начале Второй мировой войны. Сельчане рассказывали, что отец, получив извещение о гибели сына, не выдержал удара судьбы, отравился, скрыв причину суицида от жены. Надежда на возвращение сына освещала Софье жизнь в Брашове, полную лишений и невзгод. Весной и летом она выносила сушить на солнце его меховые жилетки-«бондицы» и рубашки тонкой работы. А когда появлялись деньги, шла к гадалке. Та уверяла: сын не в Румынии, а очень далеко. Все его считают мертвым, но он жив. В Мындыке говорят, что кто-то проговорился о гибели офицера, и его мать потеряла рассудок. Соответствует ли это правде, уже не узнать. Но, судя по письмам, у их автора все в порядке не только с душевным здоровьем, но и с мужеством и другими ценными человеческими качествами.

Письма Софьи Оганович, представленные здесь, написаны приятельнице Вере Ивановне Талмацкой, учительствовавшей в Марамоновке, соседнем с Мындыком имении. Во время войны адресат, дочь зажиточного польского крестьянина, с семьей бежала в Румынию. В Рымникул Сарат, уезда Бузэу, судьба ненадолго свела ее с Софьей Оганович, которую она знала и прежде. Последняя владелица виллы Мындык уехала в Румынию в 1940 году незадолго до прихода в Бессарабию советской власти. Вместе с ней последовали ее преданные работники, давно ставшие верными друзьями. Это – супруги

Дарданы: управляющий именем Вениамин и его супруга, выпускница одесской гимназии Надежда. Документы и сведения мне любезно передала этническая полячка и внучка адресата, учительница школы села Корбу Единецкого района Наталья Пупэээ. (Орфография автора писем сохранена.)

1

«Брашов, 20. 09. 1946 г.

Пишу, кажется, не чернилами, а водой.

Дорогая Вера Ивановна!

Ваша открытка очень нас обрадовала. Мы часто думаем и говорим о Вас. Теперь пишу только несколько слов, так как Надежда Владимировна пишет длинное письмо. Но в скором времени собираюсь Вам написать много-много.

Я опять болела на желчные камни, лежала больная 12 дней. Два раза доктор вспрыскивал мне морфину, но и это не помогло. Очень меня переволновала история с экзаменами Игоря. Бедный мальчик, опять его мучают. Надеюсь, что Бог ему поможет, и он все-таки выдержит. Скажите ему, чтобы написал результаты экзаменов. Это меня интересует. Часто вспоминаю время, когда мы жили вместе в Пуркаренах. Стас получил место на фабрике, но живут они пока в Пуркаренах. Может быть, на днях получат квартиру близко от нас. Леля все время больная: то с зубом, то ноги и руки болят.

Мне живется хорошо, не могу жаловаться. Желаю Вам, чтобы Вы до зимы устроились, чтобы могли жить спокойно и удобно. Как здоровье Георгия Ивановича? Мы не теряем надежды, что Вы когда-нибудь так и явитесь у нас с Георгием Ивановичем. Шлю сердечный привет Георгию Ивановичу и Игорю. Желаю Вам всем всего-всего хорошего. Вас сердечно обнимаю. Софія Оганович».

2

«Брашов, 18.03.1947 г.

Уважаемая и дорогая Вера Ивановна и дорогой Игорь!

Ваше письмо ко мне и к Н. В. мы получили два дня тому назад. Давно собиралась Вам написать, но так как Н. В. Вам писала, решила немножко позже написать. Материала для письма собралось много. Я себе живу отдельно. Когда нечего писать, часто забываешь важное, а пишешь пустяки. Не знаю, о чем Вам писала Н.В., пишу свое. Может быть, это будут новости те же самые, но это уже не мое дело. Скоро подорожает письмо, не заказное будет стоить 3000 лей, открытка – 1000. Не люблю писать открытки: нельзя всего написать, что в письме. В лопатке имею те же боли, что и Вы. Должна беречься, а я этого не люблю. Похудела еще больше, вешу 42 кг. Иногда беру лечение. Комната, где я сплю, имеет утром много солнца, когда падает прямо на кровать. Сажусь, и солнце греет больное место. Говорят, что помогает, как грязь. Советую Вам делать тоже летом во дворе, но недолго – 10 минут и пауза час. На голову обязательно класть полотенце, намоченное в холодной воде. Сама лечиться на дворе не могу: живем при дороге. Сотни людей проходят и проезжают мимо, а заграждения нет – все бы смотрели. Поэтому делаю процедуры в комнате на кровати. Еще лучше – солнце через стекло еще больше печет.

Прошло письмо от доктора Крушевича. Написал что-то очень интересное. Моя племянница Леля Степанова была у них в Сибиу на Рождество. Рассказывала им, что была в Бухаресте у одной известной гадалки насчет Юзи. Она сказала ей точь-в-точь то же самое, что моя знакомая гадалка в Брашове. Хотя моя – так, любительница. Она говорила о Юзе: «Этот человек не в Румынии, а очень далеко. Его считают мертвым, но он жив. Много времени

еще пройдет, пока он вернется. Вернется тогда, когда уже совсем не будут ожидать». Я узнала, что пленных не отпускают, только благонадежных, остальных задерживают на работах. Значит, опять надежда и терпение.

Не знаю, писала ли Вам Н. В. про Томб. Он собирает-ся поехать в отпуск в свои родные места. Его брат Боря там учителем в городе, где делали всегда покупки. Таким образом, можете что-нибудь узнать, что люди наши делают. Ваше предпоследнее письмо читать было приятно. Чувствовала, что Вы питаете симпатию ко мне, но не думала, что настолько. Я тоже о Вас часто думаю, иногда и говорю, но реже. Слава Богу, что Игорь хорошо учит французский язык. Но видно, очень тяжело ему дается. Как чудно было бы, если бы Вы приехали все на Пасху. Поехали бы вдвоем гулять, я много чего Вам рассказала бы из моей теперешней жизни. Показала бы место, где спать-есть. Гаины имеют наверху бывшую свою комнату и там ночуют ее родственницы: Мусины и их гости. Младшая дочь Гаины тяжело болела скарлатиной, а, может, воспалением легких. Теперь совсем здоровая. Болеть очень дорого обходится. Не столько доктор берет много, сколько стоят лекарства. За небольшую бутылочку лекарства от кашля заплатила 70 000 лей. Дороговизна большая: яйца немножко подешевели, а одно яйцо стоит 9000 лей, молоко доходит до 15 000, килограмм масла – 200 000, килограмм соленого прессованного сыра – 80 000 лей, килограмм сметаны 40-50 000».

(Письмо не полное, продолжение утеряно.)

3

«Брашов, 21.05.1947 г.

Уважаемая дорогая Вера Ивановна и дорогой Игорь!

Мы очень давно не имели никаких известий от Вас, кроме поздравлений на Пасху. Мы уже начали волновать-

ся, что кто-нибудь из Вас заболел. Позавчера Н. В. получила от Вас письмо. Слава Богу, что Вы здоровы. Здоровому человеку легче переживать тяжелые времена. Мы, как можем, крутимся. Опять кушаем дома, только В. Г. на фабрике, но платит за обед не 1000 лей, как раньше, а 17 000, отдельно еще платит 17000 за ужин. Рабочий получает за день 1/2 хлеба, а жены не получают как раньше. Только малай, и то всего 2¹/₂ кг на месяц. Самое трудное для меня – это без хлеба. В. Г., когда обедает, то старается немножко хлеба отделить из своего пайка, но мне это неприятно. Иногда печем коржи из муки, что я имела, но она уже кончается. Ничего, даст Бог, выдержим. Все страдают, а больше всего дети.

Опять болела печень и очень сильно: четыре часа без перерыва с рвотой. Схватило меня вдруг на лежанке – не могла дойти до комнаты. Давно не имела таких сильных болей. Хорошо, что Гаина дает свой автомобиль, когда нужно, Н. В. послала за доктором. Увидев какого-то доктора на улице, попросила впрыснуть мне морфия. Он взял 200 тысяч лей за визит – только морфий теперь стоит 100 тысяч. Боли прошли через полчаса. Заснула в 12 часов дня, а проснулась только в 8 вечера. Н. В. испугалась, что я так долго сплю. Боялась, что я заснула навсегда. Подымала меня, трусилась, хотела разбудить, а я ничего не помню. Это была бы очень приятная смерть. Так умер в 40-м году в Кишиневе мой родственник, спал 12 часов и больше не проснулся. Но я хочу еще видеть моего сына.

Стас Ашенбрер, бедняжка, тяжело болеет. Уже две недели лежит в больнице: его схватил вдруг сильный приступ аппендицита. Оказалось, аппендицит гангренозный, но я не знаю, почему не сделали сразу операцию, а несколько впрыскиваний, чтобы локализовать гангрену, при этом есть complication с почками. Кровь и материал его – только на этих условиях могут сделать

операцию. Диета строгая: чай с молоком и чуть-чуть зелени. Он очень сдал, еле держится на ногах. Бедная Леля была в отчаянии, теперь немножко успокоилась. Лежит он в Casa Circuala. Его счастье, что служит на фабрике, а то болезнь стоила бы ему несколько миллионов, а теперь же лечат даром и очень хороший уход. Доктор, который делает операции, хороший оператор и человек порядочный. Леля ежедневно носит ему еду в больницу. Из I.A.R. в больницу идет 8 километров, так что ежедневно делает 12 километров, а у нее большие ноги – мучает ревматизм. Может быть, завтра ему сделают операцию, дай Бог, чтобы удачно. Письмо Ваше ему не посылаю. Хочу Вам сообщить результат и, дай Бог, чтобы был хорошим. Жаль Стаса – молодой и хороший человек. Бедная Леля, что она делала бы без него, да еще и больная.

У нас упал хороший дождь. Слава Богу, хоть кукурузе и зерну пшеницы поможет. Соломы не будет, а пшеница совсем низенькая и уже колосится. А как у Вас, был ли дождь?

Нону Русу, Вы ее, наверное, помните. Это племянница В. Г. – она жила в satul Ruagei. Ея горничная, которую она взяла из бюро, была женщиной немолодой – лет 45-ти.

Служила у нея четыре месяца. Чудная работница, варила прекрасно и прекрасно их обокрала. Русу с ребенком поехали в Брашов на 4 часа. Когда вернулись, то не застали из вещей ничего. Прислуга ушла с тремя набитыми чемоданами. Все окна, замки были открыты, видно, хотела прийти еще ночью. Все Alinofa тоже взяла. Оставила свои документы и порванные вещи. Русу остались только с тем, что имели на себе. К счастью, какое-то платье Ноны и костюм ея мужа были у портного. Удивительно, что вещи мальчика прислуга не взяла, а у него много хороших вещей. Она его очень любила. У Ноны было много золотых вещей, которые также «ушли», а цепочка

мальчика осталась. У Ноны было две пары совсем новых туфель, много чулок и т.п., они тоже «переехали». Шкода – несколько миллионов лей. Квартиру воровки нашли, заплатив за адрес 5 миллионов лей отступного. Конечно, злодейку не нашли. Теперь нельзя брать прислугу в дом.

Сегодня оперировали Стаса. Слава Богу, удачно. Операция длилась почти час, но оставили рану незашитой с трубкой, чтобы вытек гной, тогда зашьют. Бедняжку Лелю не пускали. Во время операции она сидела и ждала, пока доктор не уехал. Дала 400 тысяч лей сестре, которая за ним ухаживает, и ее впустили. Мы, не зная, в чем дело, ждали ее до самого вечера. Послали Георгия, но он только узнал, что прооперировали. Дай бог, чтобы дальше шло хорошо. Стас, наверное, пролежит еще три недели. Его сосед, мальчик 17 лет, тоже с гангреным аппендицитом, выпил литр кислого молока, который принесла ему мать. Лопнула кишка, и он ночью умер. Запретили приходить всем родственникам, только в воскресенье на час и всюду стоит контроль. Если больной в состоянии ходить, то подходит к окошку, а сестра смотрит, чтобы ничего не передавали. Нужных лекарств в больницах нет. Вчера Леля выдала за одно лекарство 600 тысяч. Кушать Стасу нельзя, вспрыскивают лекарства, которые питают организм.

Дорогая Вера Ивановна, не думайте, что если редко пишу, то о Вас забыла. По несколько раз в день думаю о Вас. Прошу Бога, чтобы Игорь перешел в следующий класс, чего желаю ему от всей души. Пишется редко – почта дорога. Получила очень неприятное известие от Кошика Огановича, что Эльза Осип. Юркаш ослепла. Живет в Констанце, одна, без родственников. Как она, бедняжка, справляется, не знаю. Это самое большое несчастье, какое может постигнуть человека, лучше смерть.

Кончаю мою «газету». Всего хорошего. Привет Георгию Ив. и Игорю. Остаюсь в доброжелании к Вам Софья Оганович».

4

«22.03.1948 г.

Дорогая Вера Ивановна!

Извините, что так долго не писала. Как-то не могла собраться, а почему – не знаю сама. Не думайте, что если я долго не пишу, о вас забываю. Нет, нет, часто вспоминаю, а еще больше думаю.

Уже пять недель, как живем на ферме. Переехали, когда начались холода. Почти все время- ветер, снег или дождь. Квартира – большие комнаты, длинный коридор и в конце кухня. Остальные комнаты пустые, и ветер свистит в них. Живу в большой комнате, а Дарданы в кухне, их комнату невозможно согреть. Они только летом ее займут. Моя – очень холодная, сколько ни топи – согреть трудно. Хорошо, что отопление даром.

Вспомнила: когда вы пишете письма, то садитесь под печку. Теперь тоже так делаю. Мысли лучше работают, когда согреешься. За пять недель только раз была в Брашове. Не нахожу удовольствия в том, чтобы ехать пять верст по холоду, а потом еще идти три версты пешком и назад. Тем более что не за что делать покупки, а даром ходить и видеть через окно много красивых и хороших вещей – не интересно. До сих пор не получаю назначенную пенсию. Аванса еле хватает на домашние расходы. Слава Богу и за это, могло быть и хуже. Чего-то военным пенсионерам еще не назначили пенсию, но ежемесячно обещают, что через несколько дней будут платить.

Сначала трудно нам было привыкнуть к тишине и без общества. Там у Гаины иногда чересчур было этого общества. Целый день кто-то приходил, иногда засиживался до 11 часов вечера. Я даже не думала, что старики Гаины и Муся так обрадуются, когда приеду. Они тоже сжились с нами, и им скучно без нас. Все-таки почти два года мы

были вместе. Как бы я хотела бы с вами всеми повидаться, поговорить по душам, будет ли это когда-нибудь? Наступит ли такое хорошее время, что будем ездить друг к другу? Напишите, что с вашим братом, остался ли он на службе? Тут никаких новостей, все по-старому. Только Жорж Гаина выбран депутатом от города Брашова, и, кажется, назначат его главным директором на фабрике Малякса в Бухаресте, куда они должны будут переехать. Место главного директора в I.A.R. тоже остается за ним. Он все больше идет вверх, а другие – вниз. Такая жизнь.

Наталья Петровна развела столько цыплят, что и сама не рада. Имеет 40 маленьких цыплят и столько гусят. Все это должна держать у себя в комнате, а то на дворе холодно. Правда, есть красивая и хорошо устроенная комната, та, в которой мы раньше жили. Там они только иногда принимают гостей, а сами живут внизу, в подвале. Какой там порядок, можете себе представить. Из их бывшей комнаты наверху Муся сделала кухню. Надежда Владимировна и Вячеслав Григорьевич очень добрые и внимательные. Неприятности, которые были раньше между мной и Надеждой Владимировной, совсем затерялись и забылись. И слава Богу, так лучше. Жить втроем и недружно – невозможно.

Пишите нам, дорогая Вера Ивановна, не забывайте, всякое ваше письмо радует. Как ваше и Игоря здоровье? Как он учится, все еще хорошо? Мы, слава Богу, все здоровы. Теперь это самое главное, болеть – тяжело для кармана. Даю вам наш теперешний адрес. А то здесь почта не приходит (Stanislav Asenbrenerc. 22, a.(?)/2. Carteerul I.A.R. Brasov, pentru Ohanovici). Стасу и Леле очень трудно живется. Жалование маленькое, и они еле концы с концами сводят, хотя живут очень скромно. Но все-таки лучше, чем без службы. Леля все болеет. Начала лечиться розами и берет какие-то ванны, но пока еще нет хороше-

го результата. Привет Георгию Ивановичу и Игорю, а вас сердечно обнимаю. Искренне добра желающая вам всем Софья Оганович. Привет тоже и от Дорданов. Пишите и не забывайте нас...»

В 2002 году, зная последний адрес Софьи Оганович, мы обратились в примэрию муниципия Брашов с просьбой сообщить место захоронения нашей землячки. Нам ответили, что «Lacererea dr. nr. 242/108/2002, inregistrata la noi sub nr. de mai sus, va comunicam ca inregistrele destare civila ale localitatii Brasova fost inregistrat decesul numitei Ohanovici Sofia la actul nr. 386 din 21.04.1951. Cu regret, va facem cunoscut ca nu detinem date cu privire la cimitirul unde a fost inmormantata susnumita defuncta».

КАК РУССКУЮ БАРОНЕССУ СДЕЛАЛИ НЕМКОЙ

Баронесса
Юлия фон-Гейкинг

На страницах столичной прессы промелькнула информация о решении Парламента передать земельный участок (0,4152 гектара), расположенный в центре Кишинева по ул. А. Матеевича, 85, и здания на нем – посольству Германии в Молдове. «Депутаты сослались на то, – прокомментировала новость одна из газет, – что это здание было собственностью германской баронессы Ю. А. фон Гейкинг в конце XIX века». Не сомневаемся, что посольство Германии в Молдове отнесется к историческому памятнику с большим почтением, чем его собственник, и старый особняк обретет вторую жизнь.

Но ни здание, ни его владельцы не имели германских корней! Дом, построенный в начале XX века, принадлежал присяжному поверенному, известному киши-

невскому адвокату, члену российской Государственной Думы Виктору Ивановичу Шмитову. Баронесса фон Гейкинг здание под гимназию у господина Шмитова снимала.

Гимназия Юлии фон-Гейкинг

Учредительница учебного заведения была дочерью генерал-лейтенанта Петра Осиповича Шумлянского (последнего окружного воинского начальника Бессарабии) и графини Агриппины Николаевны Мусиной-Пушкиной. Одна из дочерей этой четы вышла замуж за генерала Г. Я. Барановского, другая за адвоката Шмитова, Юлия – за курляндского барона Александра Александровича фон Гейкинга.

По информации газеты «Бессарабская жизнь» (от 25.01.1912), барон А. А. фон Гейкинг участвовал в русско-турецкой войне 1877–78 годов, за боевые отличия удостоился орденов: Св. Станислава и Анны 3 степени с мечами и бантом. В русско-японской войне (1904-1905 годов) муж Юлии Петровны участвовал уже в чине подполковника. В одном из боев получил тяжелое ранение. В Кишинев вернулся с орденами Св. Станислава 2 степени, Владимира 3 степени и золотым оружием с надписью «За храбрость». С 1905 года служил командиром 54 пехотного Минского полка, воинскую карьеру закончил в чине генерал-майора.

Имея троих собственных детей, Юлия Петровна в 46-летнем возрасте удочерила малышку из Минского приюта подкидышей. Через шесть лет девочку попыталась забрать объявившаяся мать. Но суд после долгих тяжб постановил: девочку оставить приемным родителям.

Юлия Петровна родилась в 1858 году. После оконча-

ния Смольного института благородных девиц вернулась в Кишинев. Годы, проведенные в привилегированном институте, не прошли даром. Юлия не представляла своей жизни без труда на благо общества. В 1892 году в центре города по улице Мещанской, 39 (в доме Ильи Феодосиу), баронесса фон Гейкинг открыла под покровительством великой княгини Ксении Александровны (родной сестры последнего российского императора) частное смешанное училище с детским садом. По утвержденным программам училище подготавливало мальчиков и девочек для поступления в гимназии, военные корпуса, женские институты, реальные и коммерческие училища. В детсад принимали малышей с четырех с половиной лет и готовили их к поступлению в школу. Занимались там и более старшие ребята. С теми, кому не давалась учеба в обычных классах, учителя занимались по индивидуальным программам («Бессарабский адрес-календарь на 1901 год»). Юлия Петровна не ограничивала свою деятельность только обязанностями учредительницы и начальницы. На правах обычной учительницы она в разные годы вела уроки по чистописанию, французскому и немецкому языкам. Ее сестра, Ольга Шмитова, обучала рисованию. Через несколько лет детище баронессы реорганизовали в Кишиневскую женскую прогимназию, а в 1913 году – в гимназию. В 1914 году баронесса арендовала у адвоката Шмитова, свояка, особняк по улице Садовой для своей гимназии. В 1919-м она, как и все частные школы, потеряла право казенного учреждения. Баронесса возобновила свои хлопоты о финансовой поддержке. И детище фон Гейкинг, преодолевая немалые трудности, продолжало свою благородную миссию.

«Я не раз видел Юлию Петровну, – писал в своих воспоминаниях известный знаток края Георгий Гаврилович Безвиконный, – на рождественских школьных праздни-

ках, когда она в такт пению учениц: «Здравствуй, красавица елочка», – прихлопывала в ладоши. Невысокого роста, с тонкими чертами лица, до последних дней она продолжала оставаться «смолянкой».

40 лет эта удивительная женщина, не имея больших собственных капиталов, благодаря лишь подвижническому служению делу образования удерживала гимназию на плаву. За эти годы этот рассадник просвещения выпустил около 12 тысяч образованных и культурных девушек, которые понесли полученные знания во все слои бессарабского общества. В 30-е годы гимназия баронессы, заслужившая отменные отзывы бессарабских руководителей просвещения и многочисленные обещания правительства о поддержке, тем не менее, претерпела различные трансформации. И в 1931 году Юлии Петровне, сделавшей последний выпуск учениц, пришлось закрыть свою гимназию (газета «Голос Бессарабии» от 16.04.1931).

Всего на четыре года баронесса пережила дело всей своей жизни: Юлия Петровна скончалась на 78-м году. На ее отпевание в церкви Духовной семинарии 22 декабря 1935 года собралось полгорода. Газета «Бессарабская Почта» (от 22.12.1935), публикуя некролог, не удержалась от восклицания: «Да не забудут ее имени те, кого она ввела в жизнь, часто принося личные жертвы». Но не прошло и 75 лет после ее ухода, как «благодарные потомки» русскую баронессу превратили в немку. Сведений о гимназии фон Гейкинг не найти ни в столичном педагогическом музее, о ней ничего не знают студенты педагогических вузов. О подвиге Юлии Петровны на культурно-образовательной ниве Бессарабии помнят лишь исследователи истории края.

БЕССАРАБСКИЙ СОЛОВЕЙ

Л. Я. Липковская

Бессарабия была родиной многих известных личностей. Но женщин среди них, чьи имена были на слуху, можно пересчитать по пальцам одной руки. Одна из этих избранниц судьбы – Лидия Яковлевна Липковская, одна из лучших лирико-колоратурных сопрано, певица первой четверти XX века, выступавшая во многих театрах мира. Обладая необычайным по красоте голосом «серебристого» теплого тембра и широкого диапазона (Липковская свободно брала «фа» 3-й октавы), она легко исполняла виртуозные пассажи, отличалась ярким темпераментом, высокой музыкальной и артистической культурой.

Будущая дива появилась на свет 28 апреля 1884 года в селе Бабино Хотинского уезда Бессарабской губернии (ныне село относится к Кельменецкому району Черновицкой области Украины). Якову Липковскому, ее отцу, главе большого семейства, помогала справляться с нуждой страстная любовь к музыке. Он играл на скрипке, руководил детским хором, который организовал и где пели все его дети. Лидия, учась в Мариинской женской гимназии в Каменец-Подольском, с 12 лет пела в церковном хоре, с 14 – участвовала в любительских концертах. Уже в этом нежном возрасте застенчивая маленькая гимназистка почувствовала власть своего голоса над публикой. Лидия решила стать певицей.

На последнем курсе гимназии Лидия познакомилась с Христофором Маршнером, студентом факультета восточ-

ных языков Петербургского университета, приехавшим на каникулы к родителям в Каменец-Подольский. Молодой человек произвел на провинциалку большое впечатление. Он был умен, хорошо знал литературу,

Дом певицы Л. Я. Липковской

искусство, обладал широким кругозором. После выпускных экзаменов в гимназии Христофор попросил руки Лидии. Но Яков Липковский, считая, что 16-летняя дочь слишком молода для замужества, отказал. Лидия с детства отличалась решительным характером. И через несколько дней пассажирский поезд увез влюбленных в Петербург. Христофор обожал свою маленькую жену, но очень ревниво относился к ее музыкальной страсти. С рождением дочери глава семейства несколько успокоился, рассчитывая, что заботы о малютке вытеснят блажь жены. Но ошибся. В 1903 году Лидия Маршнер поступила в класс лучшего профессора пения Консерватории – Натальи Александровны Ирецкой. А когда муж поставил ультиматум, Лидия, забрав дочь, ушла из его дома. Все время студентка проводила в напряженной учебе, г-жа Ирецкая была довольна успехами новой ученицы...

В 1906 году, как всегда на Масленицу, во всех оперных театрах Петербурга шли спектакли с участием разных гастролеров. Лидия (из-за скудного бюджета) на спектакли не ходила, проводя все время за разучиванием своего репертуара. В один из дней ее разыскал синьор Угетти, антрепренер приехавшей на гастролы русско-итальянской оперы. Вечером у него шел бенефис известного певца

Н. Н. Фигнера, но внезапно заболела солистка. Угетти, услышав, что одна из студенток Консерватории поет роль Джильды («Риголетто»), предложил Лидии спеть, и она согласилась выйти на сцену под своей девичьей фамилией. Наутро студентка проснулась знаменитой. Все газеты протрубили, что 17-летняя дебютантка – восходящая звезда оперной сцены. В тот же день на занятии г-жа Ирецкая, спросила у своих питомиц, кто из них пел вчера Джильду. Ожидая услышать похвалу наставницы, Липковская вскочила со своего места: «Это была я!» Наталья Александровна, строго окинув ученицу с ног до головы, отчеканила: «Я думала сделать из вас серьезную певицу, а вы пошли петь недоучкой. Оставьте мой класс и больше сюда не приходите».

Несколько месяцев «виновница» брала уроки у А. П. Петровского, артиста-режиссера Александринского театра (ныне – Санкт-Петербургский академический театр драмы имени А. С. Пушкина). А потом Ирецкая послала за Липковской и, взяв с нее слово больше не повторять ошибки, вернула студентку в Консерваторию...

В 1906 году наша землячка заключила контракт с дирекцией Мариинского театра (ныне – Мариинский Государственный академический театр оперы и балета в Санкт-Петербурге) в качестве певицы лирико-колоратурного сопрано русской оперы. С того времени началось восхождение Липковской на Олимп оперного искусства, где девушке из Бессарабии удалось потеснить многих звезд. «Липковская и лирическая, и драматическая певица, – писал в своих «Театральных заметках» в газете «Новое время» от 19 апреля 1909 года драматург Юрий Беляев. – Ее Джульетта полна духа первых почек весны, а драматизм ее какой-то надломленный и усталый. Но она трогательна повсюду, где союз голоса и чувства сочетается в одном впечатлении прекрасного. Она всег-

да неожиданна, говорю я. Это ли не залог ее будущего успеха!» В 1921–22 годах Липковская совершила кругосветное концертное турне. Французская, английская, итальянская, американская пресса, откликаясь на гастроли Липковской, неизменно отмечала как вокальные достоинства, так и ее высокохудожественную игру. Парижский журнал «Comedii illustre» (№ 18, 1911), например, считал, что «Л. Липковская – не только выдающаяся певица, владеющая своим голосом с поразительным совершенством, но еще большая артистка, умеющая придавать своему исполнению яркую экспрессию и нежный поэтический колорит». Партии Джильды, Виолетты («Риголетто»), «Травиата» Дж. Верди), Лакме (в одноименной опере Л. Делиба), Джульетты («Ромео и Джульетта» Ш. Гуно), Марфы («Царская невеста» Н. Римского-Корсакова) в исполнении Лидии Липковской вошли в сокровищницу русского музыкального театра.

На второй год революции, Липковская, выйдя замуж за французского подданного (имея большое состояние, он не захотел жить в Союзе), уехала с ним в Париж. Но личная жизнь не удалась, и через несколько лет певица вернулась в родные края. В 1924 году Л. Липковская впервые спела на курорте в Синае для любителей музыкального искусства Бухареста. Не раз певица выступала и в Кишиневе. 14 июня 1926 года газета «Бессарабская почта» сообщила: в городе гостит знаменитая оперная артистка Л. Липковская, приехавшая из-за границы, где имела колоссальный успех. Из Бессарабии дива отправится во Францию, а потом – в большое турне по Америке. Перед отъездом землячка даст концерты в Кишиневе и Аккермане. В 1927 году Лидия Яковлевна пела в кишиневском кинотеатре «Орфеум», который специально для ее выступления превратили в концертный зал. В 1932 году тоже в переоборудованном кинотеатре «Экспресс» прошла пре-

мьера оперетты «Веселая вдова» с Лидией Яковлевной в главной роли. После нее певица отправилась с гастролями по провинции – пела в Хотине, Сороках, Бельцах, Оргееве, Бендерах, Аккермане, Болграде, Рени, Измаиле. Вернувшись, певица вместе с труппой В. Вронского подготовила программу «Улыбка» театра художественной миниатюры, который стал давать представления в зале кинотеатра «Одеон». После первых спектаклей кишиневцы переименовали кинотеатр в «Улыбку».

В 1937 году 53-летняя певица простилась с исполнительской карьерой и перешла на преподавательскую работу в Кишиневскую муниципальную консерваторию. У Липковской учились Лидия Бабиц-Хынку, Алексей Стырча, Тамара Чебан, Николай Дидученко, Вирджиния Зеани, Гарбис Зобиан, Анна Даскал и другие певцы, внесшие большой вклад в национальное искусство. 93-летний Леонид Григорьевич Боксан, старший преподаватель вокала Академии музыки, театра и изобразительных искусств, заслуженный деятель искусств – один из учеников знаменитой певицы. В дом к певице на Инзовскую, 5, Леня Боксан ходил ежедневно. (Недвижимость, которую певица приобрела в 1914 году к своему 30-летию, состояла из углового одноэтажного особняка (ныне в этом здании на пересечении улиц Лазо и Щусева находится республиканский шахматно-шашечный клуб), двухэтажного дома из 12 комнат, стоявшего во дворе. За домом, пока дочь гастролировала, приглядывал отец артистки.)

«Дело было не столько в моих занятиях с Лидией Яковлевной, – улыбается мой собеседник, – сколько в 20-летней Шелли Свотицки, которая приехала из Палестины брать уроки вокала у Липковской. Со своей гостьей, которая поселилась у Лидии Яковлевны, преподавательница общалась, по-английски. А я, понятное дело, «разговаривал» с Шелли при помощи глаз, улыбки и мимики».

Романтическую историю прервала война. Шелли уехала в Палестину, Лидия Яковлевна оказалась в Тимишоаре, Леню Боксана мобилизовали на фронт. Под Сталинградом ученик Липковской попал в плен. После освобождения его, как врага народа, упекли на 10 лет в ГУЛАГ...

Лидия Яковлевна несколько лет преподавала вокальное искусство в Бухарестской и Тимишоарской консерваториях. Из Румынии переехала в Париж, где жила ее дочь Ариадна. Но воссоединение семьи почему-то не произошло. Певица вынуждена была перебраться к сестре в столицу Ливана. В Бейруте Липковской предложили место директора местной консерватории. Но из-за прогрессирующего сахарного диабета она не могла работать. Одинокая, всеми забытая примадонна умерла 22 марта 1958 года...

Имя Лидии Липковской вошло в историю мирового искусства, но в Молдове оно абсолютно забыто. Его не встретишь ни в Академии музыки, ни на карте города, ни на доме певицы...

ЖИЛ-БЫЛ ГОРОВОЙ

Строгое лицо, холодный взгляд – типичный портрет закрытого человека, человека в мундире. Похоже, таким он и был – Григорий Сидорович Усас, городской 3-го участка города Кишинева прошлого века. Бессарабец, в чьих жилах текла, по семейным преданиям, кровь скандинавского воина, оказавшегося в наших краях по милости упрямого и гордого шведского короля Карла

Григорий Сидорович Усас, городской 3-го участка г. Кишинева

XII. Из Балты Григорий приехал в главный город южной губернии в нужное время – в Кишиневе открылся трамвайный маршрут на конной тяге. 20-летнего Григория, искусно управлявшего лошадьми, взяли на службу. В непогоду, когда грязь покрывала рельсы, движение городского транспорта отменялось. История умалчивает, как Усас перешел в городские, а вот как он служил – видно по наградам, что запечатлены на старом снимке. Одна из них – юбилейная медаль, выпущенная в 1913 году к 300-летию царствования дома Романовых.

Забот у него всегда хватало: умирял скандалистов, штрафовал извозчиков, питавших слабость к зеленому змию, не спускал глаз с лихого народа, промышлявшего разбоем и воровством. Жители улиц Азиатской, Павловской, Екатерининской, Кацыковской, Каменноломенной, улицы Саловской (район Дома-музея А. Пушкина) хотя и побаивались околоточного, но не раз убеждались в его решительном характере и справедливом отношении к нарушителю: будь тот хоть купец, хоть разносчик воды. Императора Николая II, которому он присягал, поступая на службу, добросовестный служака видел всего раз, да и то – издали. 3 июня 1914 года, когда государь с семейством прибыл в Кишинев на открытие памятника Александру I. Через два месяца разразилась Первая мировая война, которая закончилась для России Брестским миром и потерей Бессарабской губернии, отошедшей к Румынии, союзнице Германии. Граница на десятилетия установилась по Днестру. В Кишиневе, как и повсюду в Бессарабии, появились чиновники, проводившие политику королевского правительства. Тем не менее, городскому Усасу предложили остаться на участке. Но Григорий Сидорович отказался: мол, извините, я уже присягал служить верой и правдой...

И он остался без работы, правда, ненадолго. Раздо-

был инструменты, материалы и занялся починкой обуви. Жил вчерашний городской на улице Греческой с внуком и больной женой, которую недуг приковал к постели. Польша Жозефина Карловна родила пятерых детей, они разлетелись, кто куда, и ухаживать за ней приходилось мужу... Весть, что Григорий Сидорович занялся ремеслом, разнеслась по домам, к нему потянулись клиенты. Пока мастер вколачивал гвозди, посетительница успевала рассказать о семейных трудностях, попросить совета. Не покидая табуретки, городской знал все, что происходило за стенами его мастерской. Случалось, что и меры принимал – с одним поговорит, другого пристыдит, третьего похвалит... Когда в Бессарабии в 1929 году начался голод, овдовевшего городского с внуком сапожное дело уже не могло прокормить. Выручала столовая для бедных, где они выстаивали огромные очереди, чтобы получить тарелку борща и краюху ржаного хлеба...

В 1941 году, до войны, с Усасом приключился забавный случай. Когда он проходил через парк и перекрестился у Кафедрального собора, его заснял (оказавшийся рядом) оператор румынской кинохроники. Вскоре горожане увидели Усаса крупным планом в киножурнале, где диктор сообщал, что кишиневцы крестятся, избавившись от большевиков. На самом деле Григорий Сидорович относился к политике, как к дурной болезни, которая поражает людей и отрывает их от истинного служения законам христианской веры. Он был набожным человеком.

Как только край освободили от оккупации, и в столицу Молдавской республики вернулось правительство, Григорий Сидорович Усас устроился «ночным секретарем» ЦК КПМ – сторожил партийное здание на бывшей улице Киевской. Как-то во время дежурства ему стало нехорошо, и на 77 году жизни его не стало.

Историю этого скромного кишиневца рассказал мне

ныне покойный его внук, которого дед спас в трудные времена. Об одном сокрушался литературный переводчик Павел Филиппович Старостин, – что могила деда на Центральном кладбище затерялась....

БЛАГОДАРНЫЕ ПОТОМКИ УНИЧТОЖИЛИ МОГИЛУ ЗОДЧЕГО

А. И. Бернардацци

14 августа 1907 года перестало биться сердце 76-летнего зодчего Александра Бернардацци, чей талант, фантастическое трудолюбие и общественный темперамент превратили Кишинев в европейскую жемчужину. Ни одному архитектору, жившему и творившему в Бессарабии, не удалось сделать для нее столько, сколько за 22 года сумел Александр Иосифович.

На Александре природа не отдыхала. Как и его отец, швейцарский зодчий итальянского происхождения Джузеппе (в России его переименовали в Иосифа), который с братом Джованни (Иоанном), который своими постройками оставил заметный след в архитектурном облике Пятигорска, мальчик родился с искрой Божьей. Он рано начал рисовать. Интерес к строительству и архитектуре перенял у отца и дяди, ставших его первыми и главными университетами. В 12 лет Александр поступил в Петербургское строительное училище. В 19 – окончил полный курс, получив назначение в Бессарабскую областную строительную и дорожную комиссию. Молодого специалиста определили на должность помощника архитектора. Нетрудно представить, как Александр относился к своим обязанностям, если меньше чем за шесть лет Бернардацци назначили городским архитектором Кишинева. В 25 лет!

Хотя еще в 1834 году был утвержден генплан Кишинева, город напоминал большую деревню. Неосвященные кривые улочки с каменными и саманными одноэтажными домами... Не существовало скверов и парков, тротуаров и обустроенных дорог. После дождя низинные улицы, не имевших ливневых стоков, оказывались отрезанным от центра. Но и в центре из-за непролазной грязи редкий горожанин мог выбраться из дома. С удивительной преданностью делу и энергией городской архитектор Бернардацци благоустраивал город. Занимался мощением улиц, проектированием и строительством городского водопровода. С его легкой руки вместо каменной стены, которой хотели обнести городской парк, была отлита чугунная ограда, которой мы любимся до сих пор.

Здания, которые проектировали строил Александр Иосифович, по-прежнему – лучшее украшение молдавской столицы. Кишиневец Исаак Бубис в своей монографии «Зодчие Бернардацци» изучил архитектурные элементы фасадов кишиневской Городской думы, которую в соавторстве с Бернардацци строил архитектор Митрофан Еллади. И выяснил, что во внешнем оформлении примэрии столицы встречается много элементов, напоминающих декор главного собора Санта Мария дель Фьоре и церкви Святого Михаила во Флоренции. Бернардацци обожал флорентийскую готику и вплетал ее элементы в свои творения. В облик провинциального Кишинева он привнес образцы мирового зодчества.

Здания Александра Иосифовича придали бессарабской столице западный шарм. Это – Вторая женская гимназия княгини Дадиани (Национальный художественный музей Молдовы на улице 31 Августа 1989), церковная капелла при женской гимназии (улица Пушкина), греческая церковь на улице Влайку Пыркэлаб, окружной суд (главный офис управления Молдавской железной дороги) и

другие здания. Неутомимый маэстро построил комплекс психиатрической больницы в Костюженах, куда входило 11 павильонов для пациентов, два корпуса мастерских, жилой дом для персонала и летние постройки. Помимо общественных зданий, архитектор выполнял и частные заказы. Кстати, не только для жителей города. Для князя Манук-бея Мирзояна из Ганчешть (ныне Хынчешть) Бернардацци построил прекрасную усадьбу, состоявшую из дворца, охотничьего домика и церквушки в армянском стиле. В Унгенах, в честь русской армии, освободившей Балканы от Османской Порты, в 1905 году горожане воздвигли часовню Александра Невского. После разработки ее проекта Бернардацци отказался от гонорара.

Здания Бернардацци, несмотря свою индивидуальность (ни у одного нет копии!) узнаваемы. Унаследовав от итальянских предков, использовавших в строительстве самых изысканных зданий солнечный ракушечник, Бернардацци в отделке зданий передавал игру света и тени. Это была его фишка – чередование более светлого камня-ракушечника с серым, красного кирпича с желтым. Эту палитру дополняли изящные декоративные элементы. Маэстро один из первых оценили продемонстрировал красоту природных материалов – котельца-ракушечника, кирпича, черепицы.

В 1878 году архитектор переехал в Одессу, где создал не менее значительные творения. Хотя Бернардацци там проработал почти три десятилетия, и во многом сформировал облик этого приморского курорта, первой его любовью оставался Кишинев. После кончины зодчего, по духовному завещанию, его похоронили на лютеранском кладбище. С 1876 года на католическом – покоились останки его первой жены Кристины Францевны Руновской, умершей в 36 лет. Это была большая потеря для 45-летнего главы семейства, оставшегося с четырьмя

детьми на руках. Второй женой Бернардацци стала Юлия Петровна Булацел. Оба сына, Александр и Евгений, унаследовали отцовскую профессию. Евгений Александрович до 1931 года работал в Кишиневе городским архитектором. Он – автор проекта постамента памятника Штефану чел Маре и окружающей площади...

Именем Александра Иосифовича Бернардацци в Кишиневе названа улица, в его честь установлены три мемориальных доски! Одна на стене кишиневской примэрии. Другая – на здании капеллы женской гимназии, построенной по его проекту в 1895 году. Третья – на доме, в котором жил архитектор: угловое здание на пересечении улиц Сфатул Цэрий и Букурешть (теперь его занимает посольство Болгарии в Молдове). Казалось, чего больше?!

На самом деле сохранение памяти о великом зодчем и его наследия – чистый миф. Частные строения, построенные Бернардацци в столице, сносятся с невероятной быстротой. В 1956 году было снесено лютеранское кладбище, где был похоронен архитектор. На его могиле теперь стоит кинотеатр «Гаудеамус». Дом, где якобы жила семья Бернардацци с 1856 по 1878-й год – легенда, рожденная в недрах советской историографии. Солидный особняк, который украшали витражи, оригинальная система освещения, принадлежал предводителю дворянства Роману Григорьевичу Доливо-Добровольскому. А вот в скромном домике напротив (ул. Сфатул Цэрий, 23), где одно время размещалась пивная, а потом агентство по продаже квартир, действительно, жил Бернардацци. Возводя изысканные дворцы и общественные палаты, Александр Иосифович жил довольно скромно. И это служило лучшим доказательством его безупречной деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Боршевич. Предисловие</i>	3
---------------------------------------	---

ХРАНИТЕЛИ ВЕРЫ

Заступница и утешительница.....	7
О церкви, которой нет.....	10
Забытый викарий.....	15
Ктиторы торговали бубликами.....	23
Церковь двух братьев.....	26
Склеп под церковью.....	30
Рассадник настоящих пастырей.....	34
Священник, который повел в атаку.....	39
Церковь не забыла солдатских сирот.....	44
За что обидели Наместника?.....	49
Черная неблагодарность.....	53
Серафимовский крест.....	56
Любимое детище владыки.....	63
Внучка митрополита.....	68
Урок одной жизни.....	82
Как сносили старый собор.....	89

ЧТО НИ ШАГ, ТО ИСТОРИЯ

Визит императрицы.....	92
Чрево Кишинева.....	97
Пленного Осман-пашу встречали цветами.....	103
Детектив с памятником.....	108
Три жены.....	113
Без барьеров.....	118
Дворянский интернат на Садовой.....	123
Гостиничный номер – 50 копеек.....	128
Курорт Будаки не нуждался в рекламе.....	130
Золотой век «желтого дома».....	133
Белые одежды.....	138
«Вкусные» места Кишинева.....	143
Дитя бизнеса и искусства.....	147

ПУТИ И СУДЬБЫ

Девушка с амбициями.....	151
Отцом Бессарабского виноделия был швейцарец	154
Русский бай Инзов.....	163
Несбывшаяся мечта князя.....	167
Тучков создал мини-Вавилон.....	173
Первые гусары – молдаване	176
На бессарабский курорт съезжалась вся Россия.....	184
Скромный труженик нивы просвещения.....	287
Другой путь.....	193
Стихия Мими.....	197
Шотландский рыцарь.....	201
Благое дело, сгубившее Казимира.....	205
Сибирский характер.....	210
Обсерватория в Старых Дубоссарах.....	215
«Чистый хлеб» Сахарны.....	219
Возвышенная влюбленность.....	222
На сопках Маньчжурии.....	226
Все заразные болезни Чорба прививал на себе.....	230
Товарищ городского головы.....	233
Дети Карла Шмидта.....	236
Наш Одисей.....	240
Колумб Бессарабии.....	246
Кишиневские удалцы.....	250
Дворянин не испугался погромщиков.....	255
Миллионерша жила на молоке и хлебе.....	260
Тропки Александровского сада.....	264
Тайна виллы Мындык.....	268
Как русскую баронессу сделали немкой.....	282
Бессарабский соловей.....	286
Жил-был городской.....	291
Благодарные потомки.....	294

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Тарнакин Владимир, Соловьева Татьяна

Бессарабские истории / Ист.-краеведческие журналистские
расследования / Владимир Тарнакин, Татьяна Соловьева. – К.: Pontos,
2011 (F.E.-P. "Tipogr. Centrală"). – 300 p.

500 ex.

ISBN 978-9975-51-261-9

94(478)

T 21

Editura *Pontos*

str. 31 August 1989, 98

MD-2004, Chisinau, tel.: 23 22 18

editura.pontos@gmail.com